
ОГОНЁК
№ 40 СЕНТЯБРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

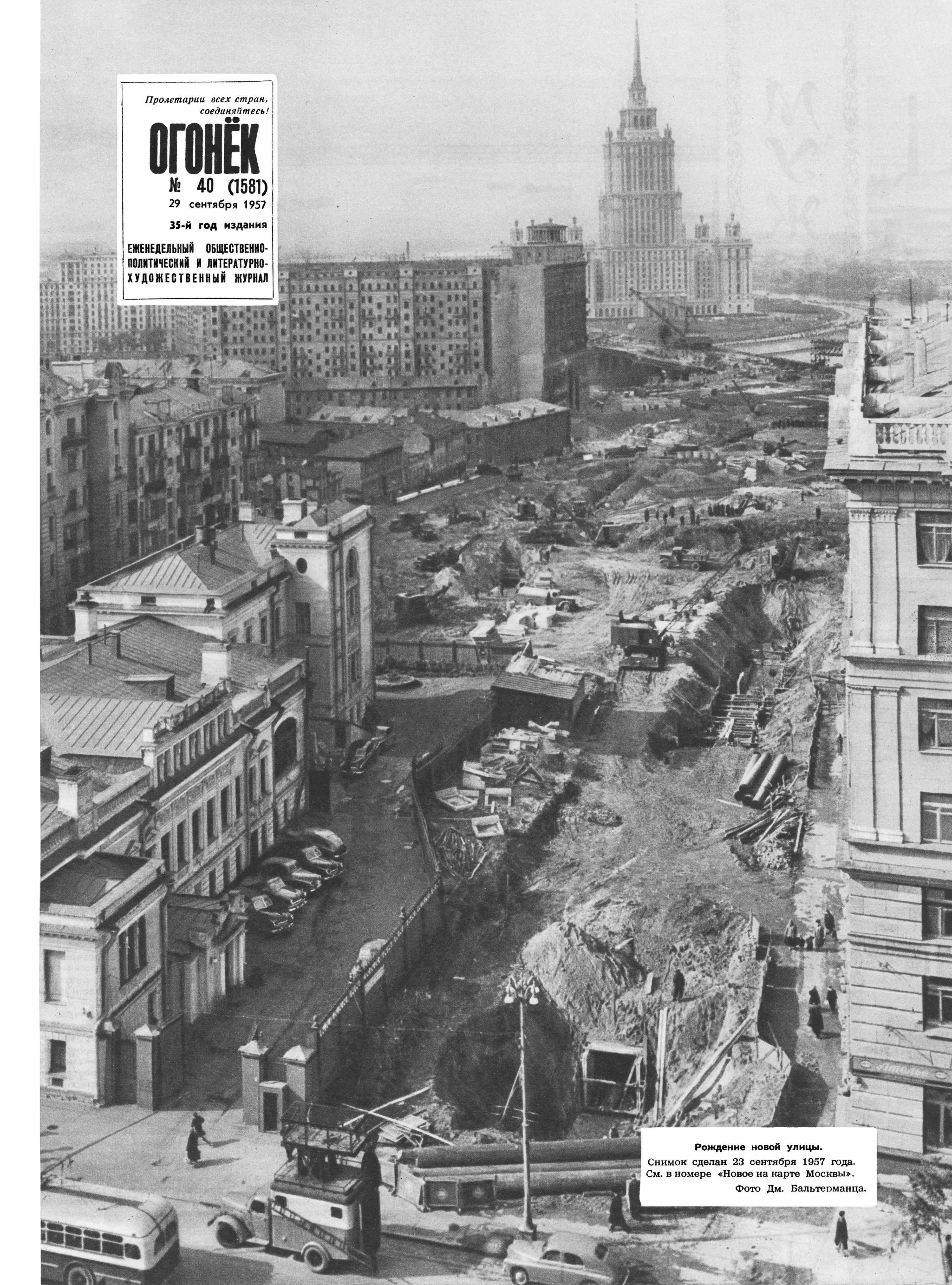

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА. Автомобильный завод в Чанчуне — первенец китайского автомобилестроения.

На первой странице обложки: Китайская школьница пионерка Ли Хуа из города Ухань.

На последней странице обложки: Пекин. У озера в бывшей летней резиденции императоров.

Фото Дм. Бальтерманца.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

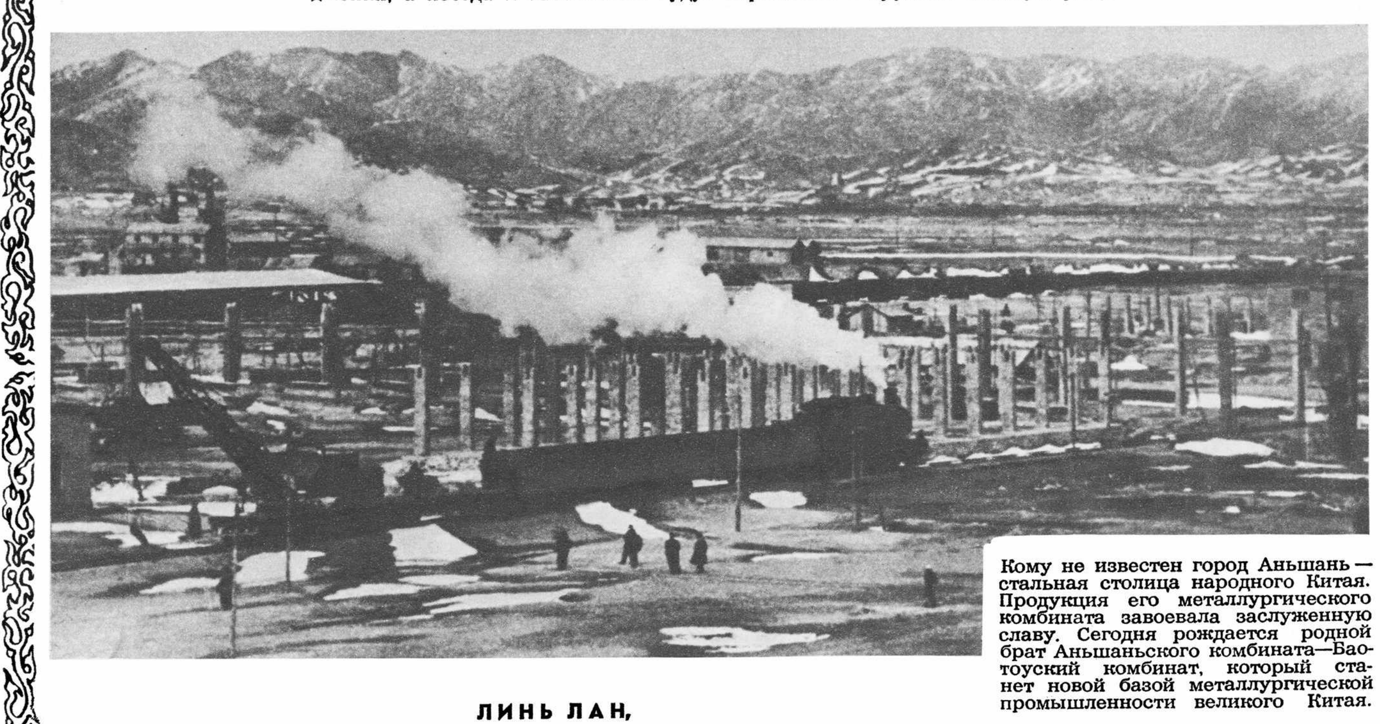
№ 40 (1581)
29 сентября 1957
35-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Рождение новой улицы.
Снимок сделан 23 сентября 1957 года.
См. в номере «Новое на карте Москвы».
Фото Дм. Бальтерманца.

МУЖЕСТВЕННАЯ ПОСТУПЬ

«Юг и север страны соединил Большой Уханьский мост», — так говорят в народном Китае. Этот мост перешагнул бурную Янцзы, и его сооружение принесло огромную помощь делу экономического развития Китая. Теперь не сампаны и джонки, а поезда и автомобили будут пересекать с грузами великую реку.

Кому не известен город Аньшань — стальная столица народного Китая. Продукция его металлургического комбината завоевала заслуженную славу. Сегодня рождается родной брат Аньшаньского комбината—Баотоуский комбинат, который станет новой базой металлургической промышленности великого Китая.

ЛИНЬ ЛАН,

главный редактор газеты «Дружба»

Фото Янь Чжэн-наня, Лу Кэ, Баоиньчаокэту, Цзя Чэн-биня, Ван Чунь-дэ (агентство Синьхуа).

После знойного лета в Китайской Народной Республике установилась золотая осень — самое приятное время года. Цветы, травы и одетые в изумрудную листву деревья так же пышны и шумят, как весной. Все вокруг бурно растет. Но рост и обновление мы ощущаем не только в природе. Одна за другой поднимаются на недавних пустырях громады заводов и фабрик. Неуклонно растет выпуск промышленной продукции, ширится ее ассортимент, улучшается качество и оформление. Пятьсот миллионов трудолюбивых крестьян собирают богатый урожай пшеницы и раннего риса, готовятся к уборке обильного урожая хлопка, поздних сортов риса и других зерновых. Во всех городах магазины полны товаров, и покупатель может приобрести все что угодно. Студенты и школьники, окончившие нынешним летом учебные заведения, вступают на свои новые трудовые посты, включаются в промышленное и сельскохозяйственное производство. В то же время еще больше молодежи и подростков приступает к учебе.

И все же эти, так сказать, материальные плоды нашего упорного труда и естественное чувство радости по поводу этих успехов еще не удовлетворяют нас полностью. Мы, конечно, хотим, чтобы фабричных и заводских труб поднималось в наше небо все больше и больше, чтобы урожай на наших полях становился все богаче и богаче, чтобы наша молодежь еще лучше овладевала высотами науки и техники. Но нам также многого еще нужно достичь на политическом и идеологическом фронтах. Для нашей социалистической жизни нам непременно нужна крепкая база.

За 8 лет, прошедших после провозглашения Китайской Народной Республики, Коммунистическая партия Китая провела народ через 5 исполненных огромного значения движений: аграрная реформа; движение сопротивления американской агрессии и помощь Корее; движение за искоренение контрреволюции; движение «против 3 зол» (бюрократизма, коррупции и расточительства) и «против 5 зол» (взяточничества, уклонения от уплаты налогов, расхищения государственного имущества, махинаций с государственными заказами, расхищения важнейших экономических сведений); движение за идеологическое перевоспитание. В результате этих движений в области политической, идеологической и экономической было покончено с силами и влиянием империализма, феодализма и контрреволюции. На основе этих движений была проведена работа, связанная с тремя крупными преобразованиями: социалистическим преобразованием сельского хозяйства, социалистическим преобразованием капиталистической промышленности и торговли, социалистическим преобразованием кустарной промышленности. Благодаря этому в основном была завершена передача народу собственности на средства производства. Победы социализма над капитализмом, одержанные на экономическом

фронте, неизбежно находят свое отражение в сознании людей.

Перед нами стоит серьезная задача: необходимо полностью покончить с капитализмом в политическом и экономическом отношениях и прочно утвердить авторитет социализма. Великое и жизненное значение имеет борьба против правых элементов, которую китайские трудящиеся и все честные люди проводят сейчас в масштабах всей страны. Мы развернули большую, всенародную дискуссию среди рабочих, крестьян, среди демократических партий, среди деятелей литературы и искусства, во всех административных учреждениях. Выявляются факты, и раскрывается истина — так применяем мы методы убеждения и воспитания путем критики и самокритики. В результате этой дискуссии мы хотим добиться, чтобы все наши люди в политическом и идеологическом отношениях были за социализм, против капитализма. И тогда наша страна будет обладать не только экономическим базисом социализма — развитой индустрией и кооперированным сельским хозяйством, — но также социалистической надстройкой — идеологией, культурой и искусством. Тогда жизнь народа будет по-настоящему исполнена гармонии и согласия.

Из всего этого видно, что борьба против правых элементов является классовой борьбой, которую китайский народ непременно должен провести в переходный период, что эта борьба является социалистической революцией на политическом и идеологическом фронтах. Сейчас мы уже одержали огромную победу в первой схватке. Наша борьба окажет решающее влияние на положение в целом. В результате будет достигнуто всестороннее утверждение и укрепление пролетарского партийного руководства, будет одержана полная победа социалистического пути над капиталистическим путем.

...Радуясь прекрасному времени года, китайский народ гордится также победами на фронте социалистической экономики и на политическом фронте. Мы видим в трудолюбивом, мужественном и мудром китайском народе новый социалистический народ, который радостно и напряженно трудится и борется.

В это прекрасное время отмечается наш всенародный праздник — восьмая годовщина провозглашения Китайской Народной Республики.

Дорогие читатели! О чем же рассказать вам в этот день мне, китайскому гражданину? Прежде всего хотелось бы сказать, что мы, граждане Китая, всегда считаем, что наши успехи неотделимы от нашей дружбы с советским народом. Товарищ Мао Цзэ-дун говорил: «Китайский и советский народы связаны узами глубокой братской дружбы. Советский народ оказал и оказывает нам величайшие поддержку и сочувствие китайской революции и делу строительства...»

Первый пятилетний план развития народного хозяйства КНР осуществляется с помощью советских друзей, на основе успешного опыта социалистического строительства в Советском Союзе, при использовании новейшего промышленного оборудования, изготовленного рабочим классом СССР. Поэтому наши успехи неотделимы от советской помощи, в наши победы влились труд и мудрость советских людей. В мире не было и нет такой трогательной дружбы, какая существует между китайским и советским народами.

Сейчас, когда китайский народ с огромной радостью и воодушевлением отмечает наш национальный праздник, мы ждем, что первый пятилетний план скоро будет перевыполнен. Объем промышленного производства на 13 процентов превысит плановое задание. Выплавка стали увеличится с 1 миллиона 340 тысяч в 1952 году до 5 с лишним миллионов тонн в 1957 году. Мы уже выпускаем много грузовых автомобилей и реактивных самолетов. Наше сельскохозяйственное производство на 2,5 процента превысит задания пятилетнего плана.

На базе непрерывного развития производства и неуклонного роста капитального строительства увеличивается и занятость населения. Численность рабочих и служащих страны с 8 миллионов человек в первый период после освобождения (1949 год) увеличилась до 24 миллионов человек. Средняя заработная плата рабочего и служащего сейчас примерно на 37 процентов выше, чем в 1952 году.

Все это свидетельствует о том, что борьба за выполнение первого пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР увенчалась крупными успехами. Теперь Китай сам может изготовлять для себя оборудование, строить электростанции, горнорудные предприятия, металлургические заводы, сельскохозяйственные машины, металлообрабатывающие станки, предприятия химической и легкой промышленности...

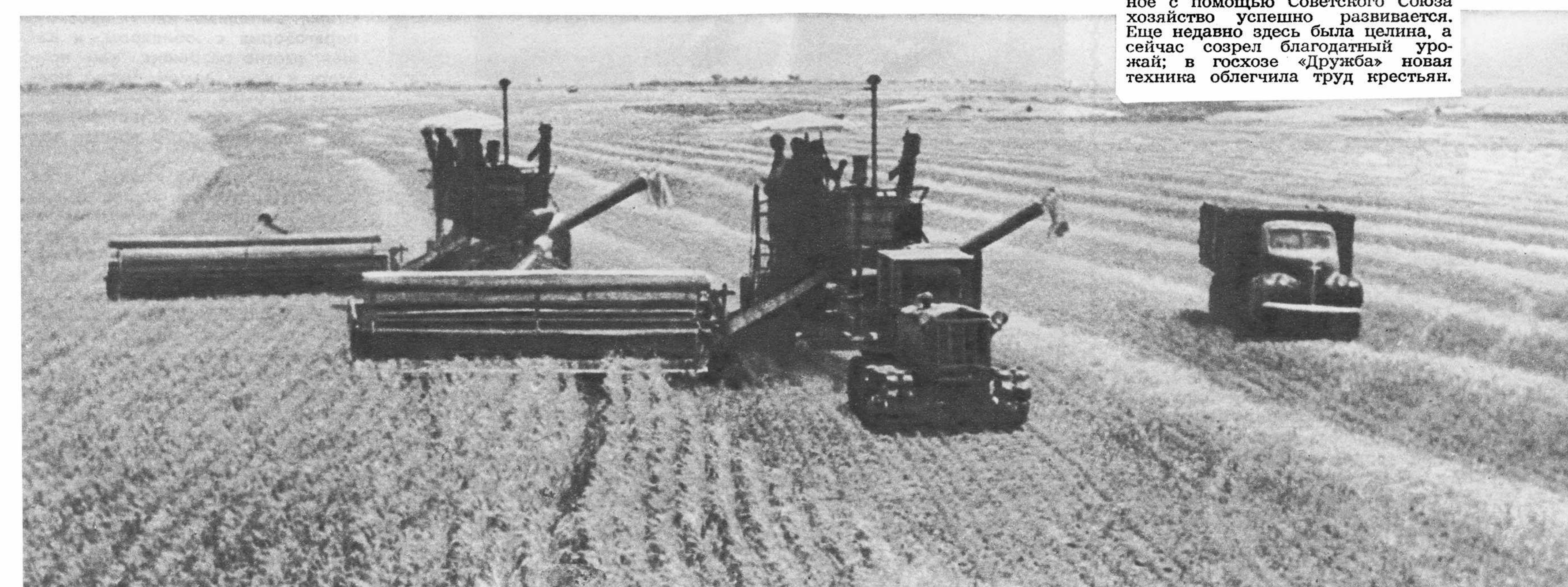
За последний год больших успехов добились сельскохозяйственные кооперативы страны. Они укрепились, еще полнее выявили свои преимущества. В сельскохозяйственных кооперативах высшего типа состоит уже 93,3 процента всех крестьянских хозяйств страны. 3,7 процента крестьянских хозяйств страны состоит в сельскохозяйственных кооперативах низшего типа. Вне кооперативного движения осталось всего лишь 3 процента крестьянских хозяйств... На основе своего собственного опыта крестьяне поверили в преимущество коллективного труда.

Приведенная выше картина, составленная из некоторых отдельных фактов, не дает, конечно, полного и всестороннего представления о сегодняшнем Китае. Но я надеюсь, что и она даст дорогим читателям «Огонька» возможность почувствовать решительную и мужественную поступь китайского народа, идущего по пути социализма, представить себе огромный Китай в состоянии радостного подъема и расцвета.

Дальнинская судостроительная компания построила самый крупный в истории Китая танкер водоизмещением в 7 100 тонн. Он создан по проектам китайских инженеров. Танкер проходит в час 12,75 морской мили и в течение 10 суток может находиться в море без захода в порт.
На снимке: танкер на стапелях судоверфи.

Светлым именем «Дружба» назвал народ госхоз, расположенный в провинции Хэйлунцзян. Построенное с помощью Советского Союза хозяйство успешно развивается. Еще недавно здесь была целина, а сейчас созрел благодатный урожай; в госхозе «Дружба» новая техника облегчила труд крестьян.

ЛОГИКА ГОСПОДИНА ДАЛЛЕСА

Вадим **КОЖЕВНИКОВ**,
специальный корреспондент «Огонька»

Нью-Йорк справедливо гордится своими самыми высокими в мире зданиями, множеством разноцветных, как леденцы, автомашин с ультрамодными кузовами, тем, что он самый гулкий город на земном шаре и стоит на первом месте по оглушению своих жителей шумами.

Но этот добротно и с размахом построенный город обладает метро, которое может вызвать восхищение разве что любителей технической старины. Вагоны в нем болтаются на ходу, нестерпимо грохочут, духота удручающая. Входы и выходы в метро сооружены с той же непритязательностью, как некоторые более скромные места общественного пользования.

У меня, разумеется, не было никакого сомнения в том, что у богатейшего в мире города хватит средств, чтобы переделать свой метрополитен по лучшим современным образцам. И когда мы высказывали эти оптимистические соображения своим американским знакомым, то нам отвечали:

— О да, конечно! — Но тут же добавляли ставшую нам уже привычной фразу, словно присказку: — Если в ближайшее время не произойдет спада экономической деятельности.

Насколько мы успели понять за несколько дней пребывания в Америке, перспектива спада тревожит не только жителей Нью-Йорка, но и самого президента Эйзенхауэра. Правда, Эйзенхауэр, как и полагается президенту, нашел средство от надвигающейся угрозы: он порекомендовал трудящимся не требовать увеличения заработной платы, а предпринимателям осторожно вкладывать капиталы. Но где уж тут говорить об «осторожности», если правительство США так неосторожно и безудержно тратит гигантские средства на гонку вооружений, не считаясь с ростом государственного долга, увеличением бремени налогов и даже с тем, что доллар стал обнаруживать тенденцию сползать вниз, создавая угрозы жизненному уровню американцев! Именно это сползание доллара и породило унылую присказку — «если не будет экономического спада»...

Американцам постоянно внушают, что за последние годы они достигли вершины просперити (процветания). Но на эту вершину ложатся сейчас мрачноватые тени. Журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» 13 сентября сообщил о сокращении производства в автопромышленности на 30 процентов, о снижении добычи угля и руды на 10—15 процентов. Эксперты Федерального резервного банка считают, что борьба с инфляцией требует сокращения расходов на оборону. Но монополисты видят в гонке атомных вооружений наиболее верное средство для своего обогащения...

Что же касается надежд на безнаказанное применение атомного и водородного оружия, то, даже по свидетельству ближайших союзников США, эти иллюзии утрачены. «Россия, — пишет в редакционной статье канадская газета «Глоб энд мейл» в связи с успешным испытанием советской межконтинентальной баллистической ракеты,— вполне в состоянии произвести это и любое сверхоружие: у нее для этого есть ресурсы, деньги, и сверх всего она обладает огромными научными и техническими возможностями...»

Ну что ж, соображения канадской газеты правильны, но мы, советские люди, знаем, в какую копеечку обходятся средства обороны, и с большим удовольствием вложили бы эту «копейку» в другие, мирные дела. Мы убеждены в том, что и все честные американцы думают так же. И если на средства, высвободившиеся от военных расходов, в Нью-Йорке будет построено метро лучше московского и ленинградского, это будет мирное, деловое соревнование американского и советского народов.

Надежды на освобождение стран и народов от бремени вооружений, от страха и недоверия друг к другу мировая общественность возлагает сегодня на Организацию Объединенных Наций. Хотя горечь и негодование остались от минувшей специальной сессии, где с помощью услужливого большинства Соединенные Штаты протащили клеветническую резолюцию по «венгерскому вопросу», остается все же возможность стереть это пятно на престиже ООН, если общими усилиями на двенадцатой сессии будет найдено правильное и честное решение этих насущнейших вопросов нашего тревожного времени.

А в том, что при наличии доброй воли такое решение возможно, ни у одного честного человека не могло остаться сомнений после выступления советского делегата. Товарищ Громыко произнес свою речь при переполненном зале и в напряженной тишине. Сначала такой же «тишиной», свидетельствовавшей о растерянности, встретила советские предложения и американская большая пресса. Зато с тем большей яростью она обрушилась против них в последующие дни. Правда, ярость — плохой советчик, и, может быть, поэтому хор опровергателей и хулителей советских предложений выступил не особенно стройно и, скажем прямо, совсем не убедительно.

Одни начали кричать, будто Громыко не сказал о разоружении «ничего нового», но тут же признавались, что голосование по этому вопросу «может поставить Запад в очень затруднительное положение». Поэтому-де, писала газета «Крисчен сайенс монитор», «немалое число дипломатов и наблюдателей полагает, что он одержал верх над Даллесом». В такую же спортивную форму облекла свое признание и «Нью-Йорк таймс», корреспондент которой изрек с глубокомысленностью старого «болельщика»: «В первом раунде нынешней пропагандистской битвы, видимо, победил Советский Союз».

Оставим, однако, этот «боксерский» подход к важнейшим вопросам современности на совести авторов. Но вот что говорят американские фермеры, которым журнал «Уоллесез фармер энд Айова хоумстед» задал такой вопрос: «Если все другие страны, включая Россию, согласятся прекратить дальнейшие испытания ядерного оружия и водородных бомб, то должны ли США согласиться прекратить их или нет?»

Семьдесят пять процентов опрошенных ответили «Да!», а среди молодежи (от 20 до 34 лет) 83 процента заявили примерно

У МАРСЕЛЯ КАШЕНА

Л. КУДРЕВАТЫХ **Фото Н. Козловского.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

На обратном пути из Японии на Родину, через пятьдесят один час полета, с небольшими остановками в столицах Филиппин, Южного Вьетнама, Таиланда, Бирмы, Пакистана, Ирана, Израиля и Италии, мы остановились на сутки в Париже. И здесь нам посчастливилось встретиться и беседовать с замечательным сыном французского народа, старейшим деятелем международного революционного рабочего движения Марселем Кашеном.

Парижская прогрессивная печать в этот день отмечала восьмидесятивосьмилетие со дня рождения Кашена. Газеты сообщали о дружеских чествованиях юбиляра в редакции газеты «Юманите», о приветствиях, полученных им из разных стран мира, и о том, что Советское правительство наградило Марселя Кашена орденом Ленина.

С группой советских журналистов, работающих в Париже, мы собирались принести наши поздравления товарищу Кашену в редакции «Юманите», издание которой он возглавляет около сорока лет. Но 21 сентября был субботний день, и Кашен рано, в 4 часа дня, уехал из редакции домой. Редактор «Юманите» Андре Стиль, выполняя нашу просьбу, переговорил с юбиляром, и Кашен охотно разрешил нам приехать к нему домой. Через полчаса мы были на тихой улочке парижского предместья Шуазиле-Руа, у небольшого домика под № 9.

У дома нас уже ждали. Через калитку ворот мы вошли в маленький дворик. В прихожей дома, на лавочке у лестницы, ведущей на второй этаж, — букеты роз: их принесли Марселю Кашену его друзья и почитатели.

В гостиной навстречу нам вышел небольшого роста, немного сутулый человек, так знакомый по портретам. Знаменитые кашеновские усы поредели, на глаза нависают седые брови. Здороваясь, мы поздравили юбиляра с награждением орденом Ленина. Он был взволнован посещением советских журналистов, с отече-

так: «Прекратите их теперь же!»

Надо полагать, что более трезвый учет именно таких настроений, а не спортивный азарт побудил такую газету, как «Нью-Йорк пост», заговорить о том, что «Соединенным Штатам следует принять предложение Советского Союза о наложении моратория на испытания ядерного оружия...»

Однако расскажем все по порядку.

В день открытия сессии зал заседаний сферической формы, освещенный с куполообразного свода софитами, выглядел торжественно. Если на предыдущей чрезвычайной сессии большинство мест пустовало, как это бывает в театре, когда ставится пьеса, написанная его владельцем, а все роли распределены между ближайшими родственниками, то теперь почти все места заполнены. Даже самые безапелляционные предсказатели из ложи прессы не решались пророчествовать насчет того, как будут развиваться события.

Там, где меж рядов кресел Джон Фостер Даллес и Генри Кэбот Лодж терпеливо и тщательно позировали перед фоторепортерами, ослепительно белое пламя фотовспышек почти не меркло. Потом багровый, словно поджаренный фотографами Лодж обходил своих союзников, кланялся, улыбался. Он пожимал руку чанкайшисту, желая, должно быть, удостовериться, что перед ним не призрак в пиджаке, а нечто живое, вполне послушное и даже способное произносить слова...

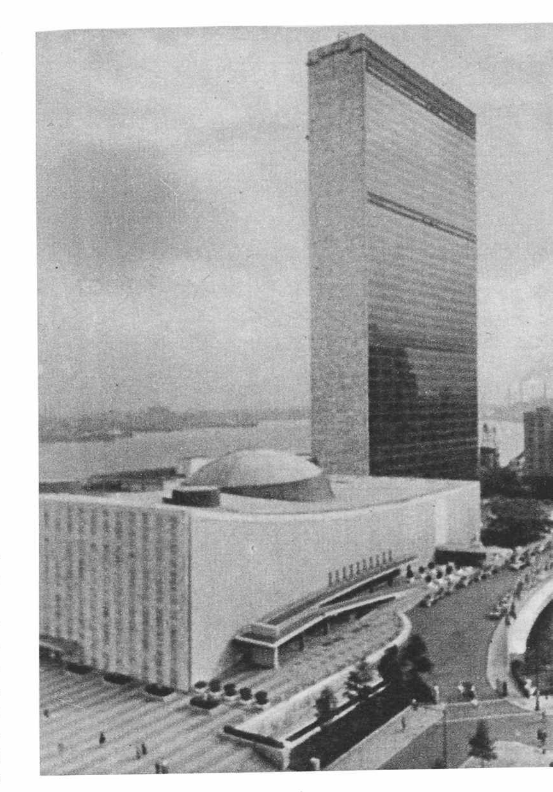
Торжественным вставанием, посвященным минуте молитвы и размышления, открылась двенадцатая сессия. Но очень скоро стало ясно, что для американского блока эта минута размышлений была совершенно излишней. За членов американского блока уже многое было решено заранее, роли распределены и тексты выступлений проверены.

Обнаружилось это сразу же, во время процедуры избрания председателя очередной сессии. Выдвинуты были две кандидатуры: министр иностранных дел Ливана Шарль Малик и новозеландский министр Лесли Мунро. Если судить по американской печати, то выдвижение кандидатуры Малика вызвало смятение в среде западного блока, обещавшего поддержать Мунро и вместе с тем не желавшего восстанавливать против себя страны Востока. Но выход был найден, партитура написана — и представитель Мексики в витиеватых выражениях, но весьма настойчиво потребовал, чтобы один из кандидатов отказался от баллотировки. И хотя по адресу самоотверженного господина Малика говорилось много высокопарных и лестных слов, никто из представителей американского блока даже не пытался создать хотя бы видимость, что предложение о снятии его кандидатуры возникло действительно здесь, на Ассамблее, а не было прорепетировано вне ее.

Отрадным событием было принятие в состав ООН Малайской федерации, народ которой своей героической борьбой добился национальной независимости. Но в ином свете, в перевернутом виде пытался представить это событие делегат Англии: начисто перезабыв историю не только малайскую, а и английскую, он пытался выдать достижение независимости Малайей за... дар англичан. Советский делегат, поздравив Малайю, напомнил о ее героической борьбе за независимость, пожелал ей так же успешно и в возможно более короткий срок добиться и экономической самостоятельности.

Обстоятельства вынудили господина Даллеса также сказать несколько приветственных слов новому члену ООН. Но в какой-то момент он вдруг забыл о причине, побудившей его выйти на трибуну, и разразился тирадой, суть которой сводилась к тому, что ему, Даллесу, всюду видится призрак «мирового коммунизма». Хотя подобное откровение выпадало из предмета приветственной речи, возбужденное воображение побудило оратора не посчитаться с этим.

На следующий день утреннее заседание открылось общей дискуссией, и нам снова довелось услышать Даллеса. Не буду скрывать, что я лично с большим нетерпением ждал выступления этого известного политического деятеля США. Но выступление этого оратора если и поразило, то только тем, что господин Даллес с поразительным упрямством повторил все то, что многократно говорил во все предыдущие времена. Он не затруднился и на сей раз поискать новых аргументов. Даже измышления его по адресу Советского Союза не отличались ни свежестью, ни оригинальностью. При этом логика оратора сильно смахивала на логику адвоката, призвавшего судей оказать снисхождение обвиняемому, убившему свою мать, поелику обвиняемый остался сиротой. «Трагедия человечества», по представлению Даллеса, заключается не в том, что миру угрожают неисчислимые бедствия атомной войны, а в том, что... США недостаточно осведомлены о военном потенциале своего возможного противника. Эту позицию Даллес пытается прикрыть пухом и перьями благостных рассуждений о христианском долге, доверии и мире. И вдруг — с господином Даллесом это бывает, очевидно, не часто! — с неожиданным радушием он обратился к членам Ассамблеи и пригласил их... присутствовать при новом испытании американского атомного оружия в апреле следующего года. Эта речь Даллеса была бы вполне уместна в Пентагоне, но не на Ассамблее ООН. Может быть, оратор в силу крайней перегруженности делами перепутал аудиторию?

Здание ООН в Нью-Йорке.
Фото Н. Лыткина.

...В то же утро в американской печати были опубликованы данные о расходах на оборону. Издержки этого года достигают свыше сорока миллиардов долларов, хотя в начале года предполагалось держать их в пределах тридцати восьми миллиардов. Выступление Даллеса на Ассамблее объясняет, почему эти расходы выросли. Угроза американскому «просперити» исходит от тех политических деятелей США, которые заинтересованы не столько в благополучии своего народа, сколько в поддержании конъюнктуры «холодной войны», которая создает монополиям наилучшие условия для получения гигантских доходов. Голос этих монополий, отчетливо звучавший в речи Даллеса, начисто заглушил голос фермеров из Айовы, которые, как и все простые люди мира, серьезно обеспокоены таким развитием событий. И, может быть, именно потому даже газета «Нью-Йорк таймс» была вынуждена признать: «Существуют солидные доказательства увеличения радиоактивности в результате ядерных испытаний, и советское требование об их временном прекращении, несомненно, получит значительную поддержку».

Правильно, получит и уже получает!

Нью-Йорк, 23 сентября.

ской ласковостью пригласил нас сесть. На столах — книги, альбомы, на стенах — фотографии учителей и соратников Кашена, картины. Все, что мы увидели в этой скромной, уютной комнате, выходящей окнами в миниатюрный садик, неразрывно связано с богатой биографией непоколебимого борца за дело коммунизма.

— Я тронут высокой наградой, которой удостоило меня Советское правительство, — говорит товарищ Кашен. — Пользуясь вашим посещением, я рад передать советскому народу свой сердечный привет. Конечно, возраст сказывается, силы у меня не те, что были раньше. Но я стараюсь не поддаваться годам. Продолжаю работать и дома и в «Юманите»...

Марсель Кашен рассказывает, что писать ему приходится очень часто. Газеты и журналы просят статьи и воспоминания. В связи с сорокалетием Великой Октябрьской социалистической революции с просьбами написать воспоминания обращаются и советские газеты. И он охотно откликается на их зов. Две статьи уже написаны и посланы. А просьб очень много.

— Я понимаю тот интерес, который вызывает все, связанное с историей Великой Октябрьской революции и ее руководителем В. И. Лениным, — глуховатым голосом говорит Кашен. — Не так уж много осталось во Франции живых людей, встречавшихся с Лениным. Я горжусь тем, что много раз беседовал с Владимиром Ильичем. Последний раз я разговаривал с Лениным в Москве в 1920 году. Эта беседа для меня, да и для всей истории революционного рабочего движения во Франции, имела огромное значение. И я считаю долгом удовлетворить просьбы тех, кто ждет от меня рассказа о значении Октябрьской революции в России, о моих встречах с Лениным.

Кашен рассказывает о том, как тронули его приветствия, полученные из стран народной демократии.

— Не забывают старого Кашена! — говорит он, улыбаясь, и в глазах его вспыхивает молодой огонек.

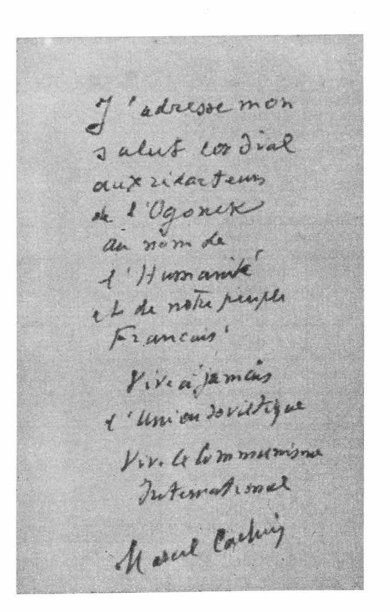
Он встает, подходит к одному из столиков и из большой стопки достает групповую фотографию.

— Это памятный снимок — я в гостях у редакции газеты «Правда» после войны, — объясняет Кашен и добавляет: — «Правда» и «Юманите» — родные сестры.

Мы проходим в соседнюю, тоже небольшую комнату. Это рабочий кабинет. Шкафы с книгами. На стенах — портреты Кашена, написанные разными художниками. За стеклом книжного шкафа, что стоит напротив письменного стола, небольшое фото — Карл Маркс. А на письменном столе — другая фотография: Марсель Кашен и Поль Вайян-Кутюрье — старые боевые друзья. Кашен рассказывает нам, как они вместе сидели в тюрьме и, находясь за решеткой, продолжали революционную борьбу.

Мы просим товарища Кашена написать несколько слов для читателей «Огонька». Он садится за письменный стол и охотно выполняет эту просьбу. Объектив фотоаппарата зафиксировал его в этот момент.

Боясь, что мы утомили хозяина, выражаем ему признательность за беседу и собираемся уходить. Кашен говорит, что он глубоко растроган этой встречей. Он целуется с нами и провожает до ступенек крыльца.

J'adresse mon
salut cordial
aux lecteurs
de l'Ogonek
au nom de
l'Humanité
et de notre peuple
français
Vive à jamais
l'Union soviétique
Vive le Communisme
International
Marcel Cachin

«Шлю мой сердечный привет сотрудникам «Огонька» от «Юманите» и от нашего французского народа.

Да здравствует навеки Советский Союз!

Да здравствует международное коммунистическое движение!

Марсель Кашен».

21 сентября редакцию журнала «Огонек» посетила группа членов венгерской делегации сторонников мира. В дружеской, задушевной беседе гости поделились своими впечатлениями от поездки, рассказали о жизни трудящихся Венгрии и подробно ознакомились с работой редакции. Член делегации, председатель Комитета сторонников мира села Кишторчо, Пештской области, Петер Вончо передал редакции подарок своих земляков — искусно вышитую шелком скатерть.

ПАССАЖИРЫ ПОЕЗДА МИРА

Миклош ГАРДОШ,
венгерский журналист

Триста венгров посетили Москву. Триста венгров, которые дома — в Будапеште, в деревнях Дунантула или в области Саболч, славящейся своими яблоками,— плавят сталь, обрабатывают землю, учат школьников или лечат больных. Специальный поезд, который вез нас в Москву по необъятным просторам советской земли, назвали поездом Мира: ведь каждый из трехсот с гордостью ощущает, что, обращаясь к советским людям, говорит не только от своего имени,— он передает советским людям чувства любви, дружбы и стремление к миру всего венгерского народа.

Когда поезд Мира в первый раз остановился на земле Советской Украины — остановка была всего на несколько минут,— венгры сразу же могли убедиться, как их здесь любят и уважают.

Это произошло на маленькой станции Гречаны по дороге из Чопа в Киев. Из соседней деревни к поезду собрались и стар и млад. Сначала собравшиеся только махали руками, потом подарили цветы венгерским текстильщицам. Потом подошел гармонист, и юноша из Гречан пустился в пляс с девушкой из Будапешта; пожилой врач из окрестностей Ныиредьхазы со стариковской галантностью пригласил на танец молодую женщину из Гречан.

Таков был наш первый прием: танцы, песни, цветы.

Потом Киев! Целый день провели венгерские сторонники мира в столице Советской Украины. Под вечер, когда группа венгров отправилась на прогулку по Днепру, в порту собралось уже немало их новых друзей-киевлян.

...Пассажиры поезда Мира осматривают советскую столицу; они склоняют головы перед Мавзолеем; потом проходят под стенами Кремля, разыскивая мраморную доску, за которой покоится прах великого венгерского революционера Ене Ландлера.

Среди трехсот человек было несколько журналистов. Они, конечно, не закрывали блокнотов. Но и в руках крестьян, членов производственных кооперативов, рабочих все время были карандаши.

— О том, что я сейчас вижу, хочет узнать и услышать каждый рабочий нашего Обудайского судостроительного завода,— говорит Пал Кадар.— Поэтому я все стараюсь записать.

И действительно, быстро заполнялись листы блокнотов у Пала Кадара и его товарищей: триста венгров расскажут многим тысячам своих соотечественников, борцов за мир, о том, как строится, становится сильнее с каждым днем великий защитник мира и социализма — Советский Союз.

...Одного из пассажиров поезда прозвали Гигантом. Это был рабочий судостроительного завода, который не знал ни одного слова по-русски, но своей улыбкой, приветливым выражением лица лучше всех умел находить себе друзей. В первый же день нашего пребывания в Москве он отправился гулять по улице Горького. Не прошло и получаса, а у него уже были друзья.

Как он этого добивался? Очень просто. Он насвистывал старые, известные в каждой стране мелодии рабочих революционных песен. Многие москвичи быстро поняли его и с ходу подхватывали знакомые мотивы. Музыка помогла. Когда наш Гигант после полуночи явился в гостиницу, его провожала целая толпа...

Многие недели и месяцы венгерские сторонники мира будут выступать на собраниях и встречах, и каждый из трехсот пассажиров поезда Мира будет рассказывать о том, как прекрасна панорама Москвы с Ленинских гор, как величественно новое здание университета, метро, как лечат в московских клиниках, как создаются новые автомобили на заводе имени Лихачева, какое головокружительное движение на улицах, как много народу в магазинах!..

Но самое важное не это. Мы видели советских людей дома, в труде, мы беседовали с ними и поняли, что они не только беззаветно защищают мир во имя своего лучшего будущего,— они наши друзья, братья, на которых Венгрия может положиться! Таков ответ, который получили триста пассажиров поезда Мира на послание дружбы, привезенное ими из Венгрии.

В гостях у «Огонька»

В гостях у «Огонька» находится главный редактор чехословацкого иллюстрированного журнала «Кветы» Павел Бояр. Он знакомится с работой редакции.

Павел Бояр — писатель и поэт. Вместе со своей женой Ольгой Бояровой он переводит произведения русских и советских писателей. В их переводах в Чехословакии изданы произведения Гоголя, Пришвина, Алексея Толстого.

Сильнейшие в мире

Если каких-нибудь сорок лет назад женщина знала, как ходит шахматный конь, то она уже считалась «умницей». Если женщина осмеливалась сесть за шахматную доску против мужчины, то это вызывало лишь ироническую улыбку.

Тридцать лет назад в турнирных таблицах появилось имя Веры Менчик — чешки, родившейся в Москве. Эта замечательная шахматистка, первая чемпионка мира, заставила мужчин более вежливо относиться к женщинам. Многие перестали считать, что шахматы «не женское дело»!

В наше время шахматное искусство переживает поистине золотой век. Эта игра постепенно становится массовым спортом и среди женщин. Но среди них пока нет гроссмейстера. Несколько шахматисток завоевали звание международного мастера. Намерения женщин-шахматисток ясны: они собираются сначала догнать и затем перегнать мужчин в области шахмат!

Как известно, раз в два года ФИДЕ организует шахматную олимпиаду мужских команд.

— Чем мы хуже мужчин?— спросили шахматистки на конгрессе ФИДЕ в Гетеборге в 1955 году.

Руководители ФИДЕ ответили:

— Конечно, не хуже,— и учредили кубок имени Веры Менчик для командного чемпионата мира среди женщин.

И вот в Голландии, в Эммене, впервые в шахматной истории состоялось замечательное событие: шахматная олимпиада среди женщин. Она собрала рекордное число спортсменок из 21 страны Европы и США.

Задача советских шахматисток О. Рубцовой и К. Зворыкиной была трудна: на олимпиаде каждая команда играла только на двух досках. Это повышало элемент случайности. Турнирный регламент был жестким: вечером 5 часов игры, ночью анализ отложенных партий, утром доигрывание, а вечером снова в бой! Это «круглосуточное» дежурство за шахматной доской в течение почти трех недель было тяжелым умственным и физическим напряжением.

О. Рубцова.

К. Зворыкина.

Спортивная борьба в Эммене была острой до последней минуты олимпиады. Опаснейшими соперницами для советской команды оказались шахматистки из стран народной демократии. Любопытно, что команды Румынии, ГДР, Венгрии, Болгарии заняли высокие места, в то время как команды Англии, ФРГ, Голландии оказались в хвосте турнирной таблицы в финальной группе. Шахматисткам же США вообще не удалось попасть в финал.

Если зайти в Центральный шахматный клуб СССР в Москве, то там можно увидеть шкаф, в котором выставлены разные трофеи и кубки, напоминающие о блестящих победах советских шахматисток. К ним теперь О. Рубцова и К. Зворыкина присоединили еще один кубок — имени Веры Менчик. Кроме того, Кира Зворыкина получила приятный сувенир — золотую медаль голландской королевы — за лучшие индивидуальные результаты на олимпиаде.

О. Рубцова и К. Зворыкина подтвердили репутацию советских шахматисток — сильнейших в мире.

Сало ФЛОР

ВСЕРОССИЙСКИЙ СМОТР

Никогда еще, пожалуй, в выставочных залах не появлялось так много незнакомых для любителей живописи имен, как сейчас в павильонах Центрального парка культуры и отдыха имени Горького, где открыта выставка художников Российской Федерации.

Из шестисот с лишним участников, представляющих почти все края, автономные республики и области РСФСР, половина молодежи, и это во многом определяет характер выставки.

Молодые мастера, многие из которых недавно окончили училища и вузы, принесли с собой неуемный интерес к окружающей жизни, стремление заглянуть во все ее уголки, откликнуться на каждое событие. Это желание разделяют и маститые художники.

Выставка художников Российской Федерации в Москве — это своеобразный смотр перед наступающим юбилеем — сорокалетием Октября. Не удивительно, что она отличается от выставок предыдущих лет не только разнообразием тем, но и числом участников и количеством представленных работ. Всего на ней — свыше полутора тысяч экспонатов: живопись, скульптура, графика, прикладное искусство.

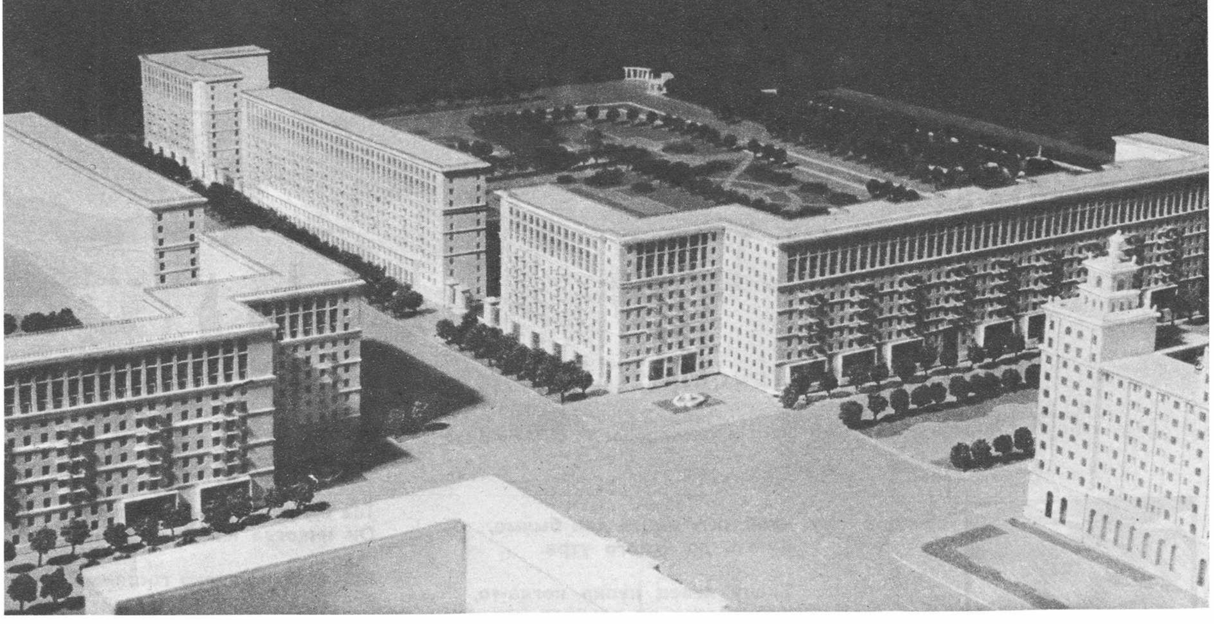
Н. РУСОВА
Фото Г. Санько.

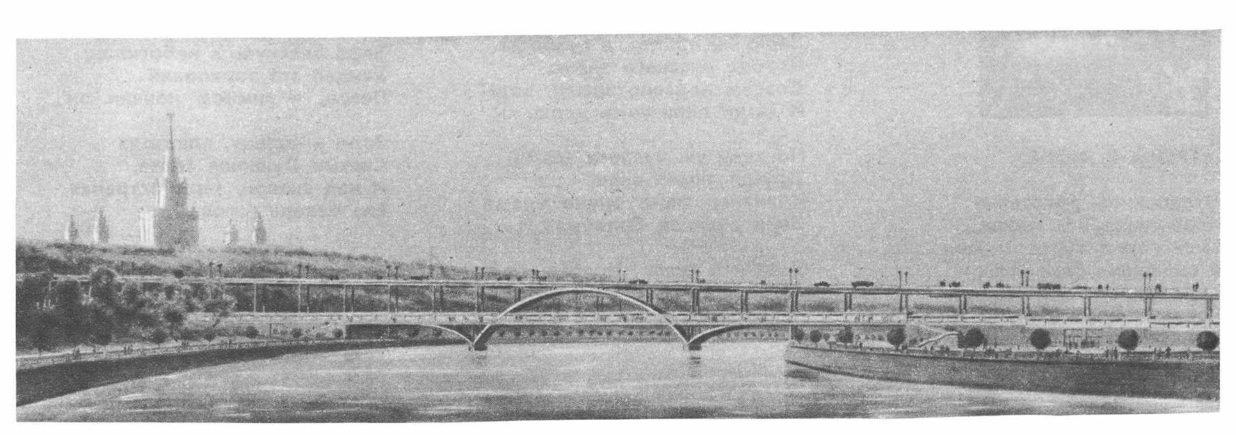
НОВОЕ НА КАРТЕ МОСКВЫ

Б. БОРИСОВ

Фото Дм. Бальтерманца.

Макет одного из участков Новодорогомиловской улицы.

Таким будет в 1958 году двухъярусный мост через Москву-реку.

Поднявшись на верхний этаж новой столичной гостиницы «Украина», вы увидите поистине увлекательную картину. На ваших глазах рождается одна из важнейших радиальных артерий города, задуманная при составлении генерального плана строительства Москвы на 1951—1960 годы. Рождение этой улицы показано на снимке, напечатанном на первой странице журнала.

Новая магистраль берет свое начало от исторической Поклонной горы. Через Кутузовскую слободу и Можайское шоссе магистраль протянется к Дорогомиловской заставе и далее к правому берегу реки — к почти готовому Новоарбатскому мосту. В дни Октябрьского праздника мост откроется для движения.

Мы проехали по трассе. Всюду множество поднятых к небу стрел башенных кранов. Далеко разносится гул экскаваторов и бульдозеров. Тянутся вереницы автомашин со строительными материалами. Дорожники спешно укладывают асфальт, техники монтируют подземные коммуникации.

Там, где в город вливается автострада Москва — Минск, вырисовались контуры обширной площади. Вторая площадь — у пересечения Большой Дорогомиловской и вновь пробиваемой Новодорогомиловской улиц. Эта улица застраивается светлыми многоэтажными зданиями. Три из них уже заселены. Самая крупная по размерам площадь (520 × 400 метров) создана у высотного здания гостиницы «Украина».

— Недолго осталось существовать подслеповатым Бородинским и Луговым улицам,— говорят в Киевском райсовете Москвы.— На месте нынешних одноэтажных и двухэтажных деревянных домиков вырастут кварталы благоустроенных типовых домов, школы, детские сады, ясли. Ежедневно десятки грузовиков перевозят на новые квартиры вещи и мебель жителей ветхих строений, предназначенных к сносу.

Но вот и противоположный, левый берег Москвы-реки. От проектируемой у моста Новоарбатской площади стрелка на плане ведет к Большому Новинскому переулку, перезает Садовое кольцо (возле улицы Чайковского) и, наконец, вонзается в Арбатскую площадь и улицу Калинина. Эта стрелка показывает будущий Новый Арбат.

Первоочередной отрезок Нового Арбата пройдет по бывшим Большому Новинскому и Кречетниковскому переулкам и Малой Молчановке. Мощные механизмы сносят здесь строения, мешающие прокладке магистрали, расчищают участки для новых зданий. А места нужно много. Достаточно сказать, что ширина Нового Арбата составит 40—45, а на некоторых отрезках 80 метров.

Работники Института генерального плана ведут своеобразную кинолетопись. Через определенные промежутки времени они фиксируют на пленке все то, что происходит на трассе. Как разительны перемены в этой части города! Всего несколько дней назад стоял дом в Большом Новинском переулке. Сегодня его нет, а завтра на месте груды кирпича и досок появится ровная площадка. Чуть дальше виден столетней давности корпус, где при царском режиме помещалась женская тюрьма. Когда этот номер журнала попадет в руки читателя, исчезнет и это здание.

Пройдет два — три года — и вся артерия от Поклонной горы до улицы Калинина будет застроена. В возведенных, строящихся и запроектированных домах москвичи получат около 300 тысяч квадратных метров жилой площади. Будущий проспект разгрузит существующую линию Можайское шоссе — Бородинский мост — Смоленская площадь — Арбатская площадь, примет основные автомобильные потоки с тесного, почти не поддающегося переделке Арбата.

Исключительную роль в транспортной системе города призван сыграть Восточный луч. Так в генеральном плане условно назван кратчайший путь, связывающий Ленинские горы с центром. Московские градостроители, прокладывающие прямую дорогу от Садового кольца через улицу Чудовку, Фрунзенский плац, Кочки, Лужники на юго-запад, претворяют план в жизнь.

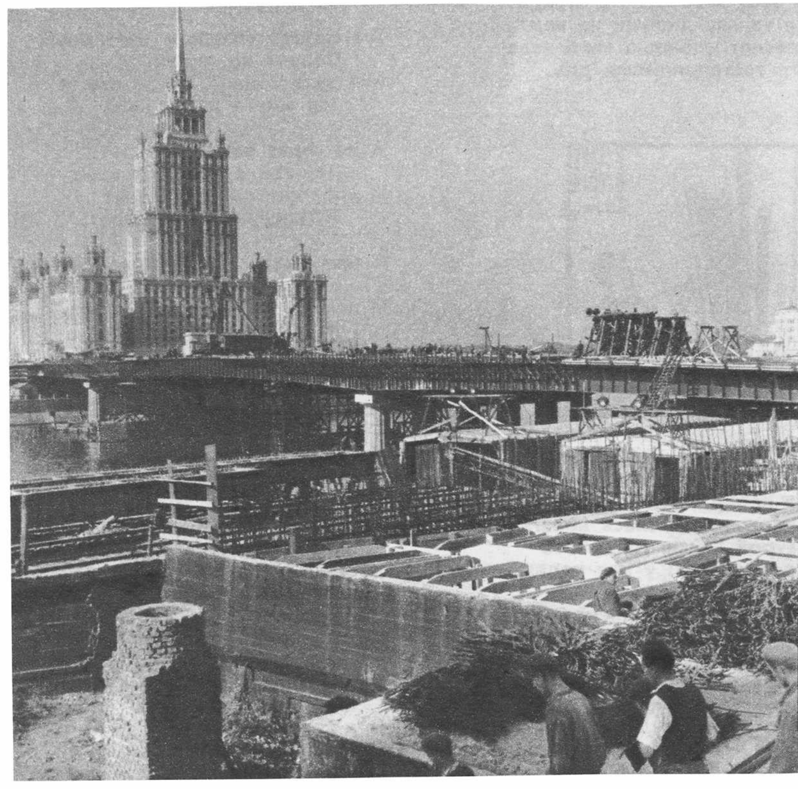
Старая Чудовка доживает свой век. Сюда пришли дорожники и строители. Проезжая часть расширяется до 30 метров, ветхие дома сносятся. Два больших добротных дома, загородивших магистраль, будут передвинуты.

Там, где новой магистрали преграждает путь Москва-река, сооружают оригинальный двухъярусный мост. Главный инженер проекта В. Андреев называет мост совмещенным. В самом деле, по нижнему, застекленному «этажу» помчатся поезда метрополитена, а по верхнему, в шесть рядов — автомобили, автобусы, троллейбусы. Вдоль перил пойдут тротуары для пешеходов.

Одиннадцать вариантов представили авторы проекта этого моста. Был выбран наиболее рациональный, простой и в то же время выразительный. Общая длина всего перехода составит 1800 метров. В нижнем ярусе, прямо над рекой, расположится станция метро Ленинские горы. Из одного вестибюля можно будет выйти к стадиону, из другого — на противоположный берег.

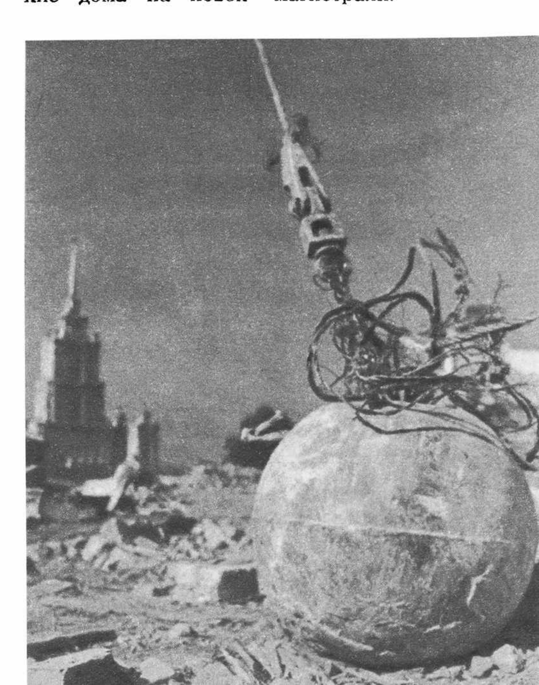
Через год Восточный луч вступит в строй. Но им одним ограничиться нельзя — столь интенсивно движение на юго-запад. Вот почему от Калужской заставы в глубь юго-западного района проложено новое Калужское шоссе — асфальтовая полоса, разделенная зелеными насаждениями. По обе стороны шоссе построены красивые дома.

Мы перечислили магистрали, названий которых пока нет ни в одном справочнике, ни в одном путеводителе. Так рождается новая карта Москвы.

На строительстве Новоарбатского моста.

При помощи этой чугунной болванки, подвешенной на тросе к подъемному крану, разрушают ветхие дома на новой магистрали.

КРЫМСКИЕ СТИХИ

С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

Рисунки Г. ХРАПАКА.

ГРОЗА В ИЮНЕ

Отдаленное рокотанье
Надвигающейся грозы...
Выси гор в суровом молчанье,
В ожидании благ низы.

Пахнет с моря дождем желанным,
Вспышки молнии ближе... Вот!
Пусть бы эта туча дала нам
Все, что сердце от моря ждет!

Раскалилась земля от зноя.
Трещин, как у старухи морщин...
Слишком много было покоя, —
Рвитесь, вздохи морских пучин!

Началось!.. Гремит канонада!
Молний ярость слепит глаза!
Ливень!.. Ливень такой, как надо!
Дальше, больше лютуй, гроза!

СКАЛА ШАЛЯПИНА

В семнадцатом году, в июне,
В ночном в двенадцатом часу
Шла из Гурзуфа в новолунье
По направленью к Суук-Су

Толпа людей. Их вел Шаляпин
К своей на берегу скале.
В рубахе белой, в белой шляпе,
Огромный, двигался во мгле,

Как бы сошедший с пьедестала,
Могучим басом говоря;
Толпе дорогу освещало
Четыре бледных фонаря.

В толпе тут были и артисты,
И три гурзуфских рыбака,
И запасные гитаристы,
И повара из «Поплавка».

Несли кто что: вина бочонки,
Баранину для шашлыков
И тем, кто вкус имел тут тонкий,
Кефаль и крупных лобанóв,

Посуду и дрова сухие,
И все, что нужно для костра,
Чтоб, вспоминая дни былые,
Кутить до ясного утра.

Скалу певец купил когда-то,
Как многое он покупал.
И вот на ней теперь богато
Зарю он встретить замышлял.

Зарю не просто, а свободы
Народа русского зарю:
Совсем недавно земли, воды
И люди пели гимн царю.

Но ведь уж чуялася всеми
Другая, новая заря.
Копились силы, зрело время
Зари великой Октября...

Дошли к скале. Необычаен
Зажжен костер. Начался пир.
Как атаман, а не хозяин,
Держался волжский богатырь.

Шуршало море под скалою,
Шипел шашлык на вертеле,
И живописнейшей толпою
Расселись люди на скале.

Остроты, шутки, смех привольный,
Звон несыгравшихся гитар;
Все были молоды довольно,
Да и хозяин был не стар, —

В начале пятого десятка,
В зените славы мировой...
Он здесь сидел не для порядка,
Он не командовал толпой.

Лежал и слушал шорох моря,
И звук гитар, и женский смех...
И вдруг запел, как будто в хоре,
Но неожиданно для всех.

Быть может, волжскую кручину
Хотел он морю передать,
К нему лицом он пел «Лучину»,
Так пел, как мог лишь он певать.

Тоску народную по свету,
По лучшей доле на земле
Вложил Шаляпин в песню эту
В ту ночь пред морем на скале.

И будто понимало море,
Внизу приглушенно шурша,
Как изнывала в русском горе
Большая русская душа.

Пылал костер; трудились гости,
Бочонки выкатив вина,
Бросая наземь рыбьи кости...
Кругом стояла тишина,

А на скале, как на эстраде,
Все так же к морю обратясь,
Шаляпин пел, не скуки ради,
А будто бы заре молясь.

Он пел о том, что «жил когда-то
Король, при нем была блоха»...
И жутко было от раската
Могучих взрывов «ха-ха-ха!».

Могло и море слышать, плохи
Еще дела людей нагих;
Король был снят, остались блохи
В кафтанах бархатных своих.

Шаляпин пел всю ночь... На диво
Огромный голос не слабел.
Так вдохновенно и красиво
Он никогда нигде не пел!

Все было съедено гостями,
Все было выпито вино;
Потух костер, а с фонарями
Полупогасшими темно.

Но в это время на востоке
Заря блеснула в небосклон;
Увидел это зоркоокий
Певец, и гимном кончил он

Заре и солнцу, повторяя
Святые Пушкина слова,
И над скалой, зарю встречая,
Его белела голова.

КУСТ ВИНОГРАДНЫЙ...

Куст виноградный одичалый
Взбежал на дуб и в высоте
Как будто дразнит кистью алой
Тех, кто мешал его мечте.

Была мечта — и в разрушенье
Хоть одичалым уцелеть.
У дуба он нашел спасенье,
И вот он цел и начал зреть.

И дубу в этом есть отрада:
Не только желуди на нем,
Блеснет и кистью винограда
Его гостеприимный дом.

ОВОД

На необрамленном холсте
Художника паслась коняга
Каурой масти. На хребте
Проплешины; у ног коряга.

Луг тощий, позади лесок...
Хоть солнца взято было много,
Но живописных дел знаток
К холсту отнесся очень строго.

И то и это осудил,
Ушел — остановилось дело.
Он пыл к картине остудил,
Она заброшенной висела.

Художник снять ее хотел,
Но вдруг увидел, удивленный:
Зеленоглазый овод сел
На холст, недавно осужденный.

Влетев в открытое окно,
Он полон боевой отваги:
Добыча здесь! Им решено
Напиться крови у коняги.

И по неровности холста,
Как бы по шерсти, прямо к уху,
Потом от челки до хвоста
Ползет, спускается до брюха,
Взлетает и садится вновь,
Жужжит, сердиться начинает:
Да где ж под этой кожей кровь!
А кровь-то есть, он это знает.

Художник радостно взглянул
На этот пыл, на это рвенье
И руку к кисти протянул,
Чтоб завершить свое творенье.

БРИЗ

Какую свежесть к нам принес
Сюда, на берег, вниз,
Наш санитар, наш пылесос,
Наш шаловливый бриз!

Тут солнце слишком невтерпеж
Целует по утрам.
Мы дети солнца, но за что ж
Так много ласки нам!

А на горах еще лежит
Кой-где в ущельях снег,
И этим снегом бриз умыт
И близкий взял разбег.

С ним вместе будто принесло
К нам опахало с гор,
И нам легко, глядим светло...
Какой кругом простор!

ЗАБОТЫ ЖИЗНИ

Каждый миг в нас что-то умирает,
Каждый миг в нас новое растет...
Разве кто-нибудь наверно знает,
Что его через мгновенье ждет!

Жить — весьма нелегкая задача:
Надо перемен в себе не знать,
Надо, чтоб во всем была удача,
Надо кончить то, что смог начать...

Разных «надо» в каждом часе
стадо,
Но к концу земного бытия
Ждет тебя немалая награда:
Вспомнишь — скажешь: «Славно
пожил я!»

Литературная БЫЛЬ

Юрий ЛАПТЕВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

«Парень в те годы, помнится, был я примечательный: здоровенный, мордастый, но по натуре застенчивый. Влюбчив еще был чрезмерно, посему бровки подбривал для привлекательности, курил трубку и писал стихи, преисполненные мужского достоинства:

...Льются с плеч твоих струйками косы,
А глаза непроглядны, как дым.
Не нужна ты такая матросу,
Тосковать не к лицу молодым!
Но когда ты спохватишься, злая,
Выйдешь к морю, где пенится даль,
Только волны, к ногам подползая,
Прошипят два словечка: не жаль!..

Сейчас-то я и сам вижу, что стишки эти, хоть и писались под Сережу Есенина, однако... Вишня — одно, а вишневый сироп — совсем другое.

Наверное, потому и стихотворца из меня не получилось...»

Так начал Василий Васильевич рассказ о самом знаменательном дне в своей жизни.

«Конечно, каждый комсомолец, который дружил с книгой, да и сам пописывал к тому же, — а ведь почти сплошь такие ребята собрались в тот вечер в нашем фабричном клубе, — отлично знал Горького в лицо, хотя и не встречался с ним ни разу. И все-таки когда в дверях появилась высокая, сутуловатая фигура писателя, в небольшом зальце, битком набитом обычно горластой заводской молодежью, воцарилась такая тишина, благоговейная и впитывающая, что Алексей Максимович даже удивился. Он, слегка сощурившись, оглядел ребят, причем, как всем нам показалось, приметил каждого в отдельности и, повернувшись к сопровождавшему его директору завода, сказал:

— Смирные у вас комсомольцы, Борис Викентьевич. Вроде как сельские ребятишки фотографироваться собрались: сидят и не дышат, ждут, когда из аппарата канарейка вылетит...

Но уже через несколько минут разговор заводских литкружковцев с любимым писателем напоминал беседу закадычных друзей. Вообще Горький, встречаясь с любым человеком — будь то государственный деятель или бывалый солдат, академик или пожилая крестьянка,— со всеми разговаривал как равный с равным. И, что примечательно, даже беседуя с человеком малограмотным, Алексей Максимович в разговоре никогда не подлаживался к уровню такого собеседника, а находил для выражения весьма сложного подчас понятия или мысли слова простые и доходчивые. Тем самым Горький, бережно и настойчиво приподнимая человека, приближал его к себе.

Вот почему многие из нас, слушавших в тот вечер Алексея Максимовича, может быть, впервые в жизни задумались над словом, к которому до тех пор относились без должного уважения: «писатель».

И на труд писательский взглянули по-иному.

— Вообще-то чрезмерное любопытство — это качество въедливое, присущее чаще всего престарелым сплетницам — христовым невестам, — неторопливо заговорил Алексей Максимович. — Однако тем из вас, кто вроде меня нацелился в писатели, я бы всячески рекомендовал научиться подглядывать за жизнью...

Нет, я не оговорился — не наблюдать, а именно подглядывать! Ведь иного наблюдателя, который способен часами лущить семечки да пялить глаза на то, как из трубы идет дым или как бабы, высоко подоткнув подолы, полощут белье, у нас могут и ротозеем прозвать. А вот если кто-нибудь из вас подберется к тому, что укрыто от людского глаза за тридевятью замками, или разглядит сквозь щель в заборе, которым обнесен райский сад, чем там занимаются праведники, про такого человека можно сказать, что у него есть задатки писателя!

С этого и я начинал.

Ну, а если такой пронзительный молодец способен и рассказать занимательно нам про то, что только ему одному удалось подглядеть в жизни, а иногда и приврать к месту, для убедительности, это, братцы, сочинитель!..

Не знаю, как другим литкружковцам, а мне эти шутливые на первый взгляд слова Горького на многое раскрыли глаза. А встреча та с Алексеем Максимовичем врезалась мне в память на всю жизнь.

Да, на всю жизнь! Больше четверти века прошло с того вечера, когда я удостоился чести прочитать первый свой рассказ самому Горькому, а кажется, будто это происходило вчера вечером.

И как я решился на такое дело, до сих пор ума не приложу.

Правда, рассказ мой незадолго до того был напечатан в воскресном номере нашей заводской многотиражки. И даже похвалили его мои дружки — невзыскательные читатели. Вот они-то меня и подбили. «Такой случай,— говорят,— Васята, раз в жизни может приключиться. Понравится твой рассказ Горькому — вот ты и писатель!»

«А если не понравится?»

«Ну да! Алексей Максимович, он, брат, того... отзывчивый!»

В общем, вышел я на середину комнаты, в одной руке держу газету, а другую этак вот кренделем в бочок упер, не от лихости, а с перепугу. И никак не соображу, сам я или со стороны кто-то возгласил голосом тонким и вежливым: «Оранжевый платочек» — так называлось это первое мое прозаическое произведение.

Впрочем, тогда содержание рассказа мне казалось совсем непрозаическим, особенно начало; да вот, посудите сами.

Леопольд Ястребков, стройный молодой брюнет весьма привлекательной наружности и пылкого самолюбивого нрава, стремглав влюбился в Светлану Ландышеву. Да как! Эта самая Светлана при первой же встрече показалась Леопольду «мечтой художника, воплощенной в мрамор».

Почему в мрамор, спрашиваете?.. Да потому, что познакомились мои герои не где-нибудь, а в Петергофе во время «культвылазки», организованной комитетом комсомола «на предмет изучения материальной культуры дореволюционной России».

Тогда это так и называлось: «вылазка на предмет изучения...»

Весна, прозрачные еще аллеи парка, материальная культура в виде статуй и фонтанов, музыка — с духовым оркестром «вылезли» комсомольцы, — Светлана в белокуром сиянии кудрей, — ну, до чего же прелестную жизнь нарисовал я тогда читателю!

Конечно, сейчас я так писать остерегся бы, но в те годы мы, угловатые рабочие парни, всем существом своим тянулись к красоте, зачастую не умея отличать красоту от красивости.

Зато за конфликт держались крепко; редкое сочинение рабочего автора обходилось без жестокой измены, кровопролития или членовредительства.

Смешно?

Но вот необъяснимая вещь; кажется, что может быть прекраснее ничем не запятнанной и не омраченной любви двух молодых существ?

Твердо скажу: нет в жизни ничего прекраснее!

А попробуйте описать самыми чистыми словами такое возвышенное до идеала чувство; лучше и не пытайтесь — читатель, весьма возможно, даже обидится на вас за то, что книга ваша его «не берет за душу». Вроде поздравительной открытки с двумя голубками.

Нет, братцы, на одном умилении далеко не уедешь даже в поэзии. А уж в прозе — страсти должны кипеть!

Я лично всегда был за такую темпераментную прозу.

Поэтому и в рассказе «Оранжевый платочек» любовь Леопольда Ястребкова была безоблачной лишь до тех пор, пока об этом не узнала мать Светланы, Ксения Николаевна Ландышева, в прошлом учительница гимназии, благодаря хорошему знанию языков обосновавшаяся в тресте «Интурист». Эта старомодная, колюче-вежливая женщина просто в ужас пришла от того, что ее единственная дочь не на шутку симпатизирует «какому-то сопливому Леопольдишке»! Ксения Николаевна была уверена, что красавицу Светлану полюбит какой-нибудь дипломат, либо работник искусства, или уж на крайний случай Светочка удостоит наконец своим вниманием консультанта по скандинавским странам конторы «Интурист» Роберта Федоровича Тента. Правда, Роберт Федорович был уже мужчина в годах, но «что толку в нынешней молодежи!».

Когда я дочитал до этого места, Алексей Максимович склонился к сидящему рядом с ним директору завода и что-то шепнул ему на ухо. В ответ Борис Викентьевич закивал головой, и оба улыбнулись, как мне показалось, одобрительно.

Это меня окрылило. Да и в рассказе дальше шло драматическое нарастание, которое обычно увлекает и слушателей и чтеца. Поэтому голос мой зазвучал проникновеннее:

«...Ветер легко задувает спичку или свечу. Но еще жарче и ярче разгорается на холодном ветру костер! Только жиденькое увлеченьице не выдерживает испытаний, а настоящее чувство неподвластно даже воле родительской!

И хотя Светлана с детских лет любила мать да и побаивалась Ксении Николаевны, ее влечение к Леопольду превозмогло все и вся...»

— Еще ба! — растроганно выдохнула за моей спиной чертежница Варя Огородникова, девица пухлая и чувствительная.

А Алексей Максимович настороженно склонил к плечу голову.

«Каждый вечер, — уже не читал, а выпевал я, — Леопольд с замиранием сердца выходил на угол, к газетному киоску, откуда были видны окна квартиры, в которой проживала Светлана Ландышева. И если на крайнем окне к белоснежной кисейной занавеске был приколот платочек ярко-оранжевого цвета с синей каймой, это значило, что строгой мамаши нет дома. А так случалось частенько: Ксения Николаевна чуть не ежедневно сопровождала иностранных туристов в концерты, на спектакли или присутствовала в качестве переводчицы на банкетах».

Дальше действие в рассказе развивалось, так сказать, по выверенным законам классической литературы: естественный финал пылкой любви — сближение, ужас и гнев матери, поставленной перед свершившимся фактом, скучная церемония в загсе и победное переселение Леопольда из общежития в уютную квартирку молодой жены: на лихаче переехал парень, на дутых шинах!

Затем недолгий, вдохновенно описанный мною период блаженства и... драма!

Права оказалась Ксения Николаевна, когда предостерегала свою дочь от легкомысленного шага.

«Светлана, дочь моя! — взывала почтенная дама в середине рассказа. — Неужели ты не видишь, что этот чумазый стрекулист тебе не пара! Светочка, опомнись: если ты не послу-

шаешь своей матери, я отрекусь от тебя. Отрекусь! И ты будешь мучиться всю жизнь. Да, да, всю жизнь; материнское сердце — вещун!»

Так оно и получилось.

Уже через неделю после свадьбы между новобрачными произошла первая размолвка: Леопольд обиделся на молодую жену за то, что она без его ведома ушла со своей мамашей на дневной спектакль «Виндзорские проказницы».

Затем возникла ссора серьезнее: Леопольд приревновал Светлану к соседу по квартире — студенту консерватории Вене Зискинду — и пригрозил щуплому, одаренному юноше, что выкинет его в окно вместе с его «горластой скрипочкой», хотя Веня играл на виолончели.

А еще через неделю Леопольд избил свою избалованную всеобщим вниманием подругу жизни.

Жестоко избил, до синяков.

Скандал начался опять со сцены ревности, на этот раз нелепой до смешного. И несмотря на то, что ревнивец почти сразу же почувствовал, что играет в этой сцене роль напыщенно придурковатую, сдержаться он не сумел. И даже наоборот — разозлился еще больше.

А когда Светлана, приподняв тонкие бровки, сказала мужу неподходяще веселым тоном: «Ты сейчас удивительно похож на нашего дворника, когда Кузьма напьется и начинает поносить неприличными словами международную буржуазию!» — Леопольд, не размахиваясь, ударил ее по щеке. И, будучи не в силах перенести взгляда девушки, схватил ее за волосы, пригнул, ударил кулаком по тоненькой лопатке...

Потом бил потому что хотел во что бы то ни стало сломить безмолвное сопротивление жены, ждал крика, мольбы, слез хотя бы...

И, не дождавшись, закричал сам в ужасе и отчаянии:

«Я вас обеих с матерью изувечу! Шелковые будете, потаскухи!»

Завершалась эта сцена так:

«Во всем, что сейчас произошло, — заговорила Светлана каким-то угнетающе безразличным голосом, — виновата я. И только я! Мамочка была тысячу раз права; ну, конечно, Ястребков, у нас с вами нет ничего общего. Мы настолько разные люди, что я даже не могу сердиться на вас... Нет, нет, вы не так меня поняли, Ястребков, вам просто надо забыть про то, что на свете существует некая Светлана. Меня в вашей жизни не было, нет и никогда не будет. Никогда! Ни-ко-гда!»

Леопольд собрал свои вещички и ушел.

Но забыть про то, что на свете существует беспомощно нежная и в то же время упрямая девушка, девушка, о которой он в первые дни знакомства боялся даже мечтать, — это оказалось не в его власти.

Короче говоря, уже на третий день к вечеру Ястребков направился по исхоженной дорожке и битых три часа простоял на углу у газетного киоска, со все возрастающим нетерпением чего-то ожидая.

Ничего, конечно, не дождался, но на следующий день снова пришел. И снова до темноты продежурил на углу под моросящим осенним дождем. Промок, конечно, продрог, даже самому себя стало жалко.

И на третий день приходил и на четвертый... И на седьмой...

А на восьмой день наш горемыка Леопольд пришел, глянул и не поверил собственным глазам: на знакомом окошке к кисейной занавеске был приколот заветный платочек — ярко-оранжевый, с синей каймой; «как будто яркий солнечный лучик чудом прорвался сквозь осенние тучи и осветил окно любимой девушки!».

После того как закончилось на этой эффектной фразе чтение рассказа, очень долго длилось молчание. Может быть, и не так уж долго, но мне пауза показалась неимоверно затянувшейся. И я да и все ребята выжидающе смотрели на Горького. Но Алексей Максимович, видимо, не торопился высказать свое суждение. Сидел, склонив голову, как бы к чему-то прислушиваясь, осторожно крутил длинными узловатыми в суставах пальцами папироску, иногда сухо покашливал. Потом поднял на меня глаза, неожиданно посвежевшие от какой-то веселой мысли.

— Простила, значит, красотка Светлана своего обидчика?

— Да!

— Это хорошо. Ну, а мамаша как, Ксения Николаевна?

— Не знаю, — признался я чистосердечно.

— Вот тебе и раз! — удивился Алексей Максимович. — Как же вы не поинтересовались?

— Эта не простит! — убежденно произнес за моей спиной слесарь-наладчик Павлуша Жилин, дюжий детина с рыжей, всегда встрепанной шевелюрой и поэтической душой.

— А почему? — спросил Горький.

— Чуждый элемент. Они, Алексей Максимович, на нашего брата-простачка, знаете, как смотрят.

— Кто они?

— Ну... бывшие.

Мне показалось, что такое пояснение Горькому не понравилось, и я вознегодовал в душе на своего приятеля за то, что он столь упрощенно истолковал мой, как мне тогда казалось, тонкий психологический замысел. Но прежде чем я успел поправить Жилина, Алексей Максимович задал второй вопрос:

— Допустим, что учительница гимназии Ксения Николаевна Ландышева — бывший человек. Ну, а Леопольд Ястребков, по-вашему, кто?

— Это свойский парень! — снова, не колеблясь, ответил Павлуша Жилин.

— Вы думаете? — Горький с сомнением качнул головой. — А вот нам с Борисом Викентьевичем показалось, что этот стройный самолюбивый брюнет — любимый сынок ак-

цизного деятеля или присяжного поверенного. Да и сам бывший гимназист.

— Ну, что вы, Алексей Максимович! — невольно вырвалось у меня обиженное восклицание. — Разве же не видно, что Ястребков — парень из рабочей семьи?

— Вам, конечно, виднее, хотя... — У Горького насмешливо приподнялась левая бровь. — А где, простите за любопытство, работает отец вашего героя? Если он жив, папаша.

— Жив. А работает на Путиловце.

— Знаем такой завод. И кем?

— Формовщиком. В цехе фасонного литья.

— А как его зовут?

— Степан. Ястребков Степан Иванович.

Я отвечал Горькому не только без запинки, но и с излишней поспешностью именно потому, что до того момента, честно говоря, особо не задумывался ни над происхождением героя своего рассказа, ни над его профессией. Да-а... До сих пор, поверите ли, совестно — кого хотел обдурить!

— Хорошее имя, — одобрил Алексей Максимович. — Только вот нам с девушками непонятно: почему рабочий-путиловец Степан Иванович Ястребков назвал своего сына Леопольдом? В честь голландского престолонаследника, что ли?

— Ой, не могу! — воскликнула неизвестно почему возликовавшая Варя Огородникова.

За моей спиной возникло веселое перешептывание и смешки, что меня не на шутку рассердило: «А еще товарищи!» Обидными и, больше того, высмеивающими показались мне и последующие вопросы Горького:

— А где проживал ваш Леопольд Степанович? До своего бракосочетания?

— На Измайловском проспекте.

— А чем занимался?

— Работал. Чем же еще?

— Где?

— Здесь. На нашей фабрике.

Снова за моей спиной возникло веселое оживление. «Вот плетет!» — жарко шепнул кто-то на всю комнату.

— Значит, вы его лично знали?

— Да! — отрубил я коротко и, что противно вспомнить, вызывающе.

В комнате стало очень тихо. И в этой настороженной тишине особенно ясно прозвучал обращенный ко мне укоризненный вопрос Алексея Максимовича.

— А почему, собственно, молодой человек, вы сердитесь на меня?

Ох, как трудно, как неимоверно трудно было мне выдержать взгляд Горького, казалось, проникающий сквозь глаза мои в самую душу! И еще труднее — услышать такие слова:

— Не верю я вам. Не верю... Вот хорошо сказали устами озорного героя своего Козьмы Пруткова Алексей Толстой и братья Жемчужниковы: «Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе дозволяют: не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы глупо и неосновательно». Полезные слова. А вот вы, молодой сочинитель, высказываете нам свое писательское суждение о том, в чем сами толком не разобрались. О людях! Я ведь не случайно попросил вас заполнить анкету за Леопольда Ястребкова; автор обязан знать о своем герое все; видеть его и дома, на Измайловском проспекте, и на работе, слышать его голос, мысли его знать... А вы.. хотя вы и уверяете нас, что прообраз Леопольда Ястребкова работает бок о бок с вами, не верится что-то. Думаю, что если мы с вами, как два собрата по перу, возьмемся сейчас за ручку и пройдем по всем цехам вашего завода... Впрочем, зачем ходить; вон они сидят за вашей спиной — товарищи ваши, заводские ребята. Повернитесь к ним лицом и присмотритесь внимательнее; ну что общего у этих живых и по-живому привлекательных молодых людей с вашим выдуманным себялюбцем. Начнем с того, что никакими красивыми переживаниями и оранжевыми платочками нельзя оправдать хамства. А ваш Леопольд — хам! И напрасно вы ему симпатизируете: как автору, это не делает вам чести. Ведь скорее он чуждый элемент, а не Ксения Николаевна, которую вы тоже не знаете, но почему-то не взлюбили. И вообще, друзья, я бы на вашем месте с бо́льшим уважением отзывался и о своих товарищах и, особенно, о людях, которые в большинстве своем всегда играли в обществе достойную уважения роль — роль просветителей. А когда под непосредственным впечатлением только что прослушанного нами рассказа вон тот добряк с веселыми глазами назвал старую учительницу бывшим человеком, скажу прямо, мне это не понравилось. И Борису Викентьевичу тоже. Хочу напомнить вам, товарищи, только один факт: отец Александра и Владимира Ульяновых был одно время учителем Пензенского дворянского института, а затем, до переезда в Симбирск, Илья Николаевич Ульянов преподавал в гимназии города моего — Нижнего Новгорода. Давайте же раз и навсегда договоримся — не обижать понапрасну человека! Ведь именно вы, молодые писатели обновленной земли русской, обязаны воскресить светлую традицию подлинно народной литературы — былин и сказаний о людях сильных, мужественных, прямодушных...

. . . .

И вот, поверите ли, больше трех лет после этой первой и единственной в моей жизни встречи с Алексеем Максимовичем я не брал в руки писательского пера.

И до сих пор в ушах моих звучит голос Горького:

«...вы, молодые писатели обновленной земли русской, обязаны воскресить светлую традицию подлинно народной литературы — былин и сказаний о людях сильных, мужественных, прямодушных...»

Утренний час

ЯН ЖУ-ЦЗЮН

Я слышу в ночи непонятные трели,
Как будто струна под рукою трепещет.
В гостинице крохотной, лежа в постели,
Уснуть не могу, потревоженный песней.
То ветер, летящий в морозные дали,
Веселую песню поет с проводами.

Вот мир наклонился над дремлющим домом,
Над всею равниной спокойно-безбрежной,
И кажется песня родной и знакомой,
Как голос рассвета — да, именно это
Хотел я сказать вам строкою поэта,—
Средь тысячи звуков, что в сердце стучатся,
Всегда вы расслышите голос рассвета!

Но в пору рассвета, в чудесную пору,
Свинцовые тучи крадутся, как воры.
Ведь только вчера пирамиды стонали
И пули свистели на синем Дунае.
Я видел в одном городке командира,
С газетою шел он, взволнованный, строгий.
Казалось, я вижу, поборница мира,
В глазах твоих, родина, тень и тревогу.

Я был в городах и в далеких селеньях.
Там жизнь не похожа на гладенький бархат.
На море бывают и шторм и волненье,—
Нельзя, чтоб сухою осталась рубаха.
Не смеем, не смеем мечтать о покое.
Ведь песнь коммунизма все дальше стремится.
Наш день, приближаясь, нам машет рукою.
Идемте же дальше, нам есть чем гордиться!..

Заплакал малыш у меня по соседству,
И матери голос звучит за стеною...
Малыш, твоему я завидую детству:
Огни коммунизма уже над тобою.
Когда голова у тебя поседеет,
Ты скажешь, счастливый, с улыбкой во взоре
(И сердце забьется, и щеки зардеют):
«В наш век заблистали рассветные зори!..»

Петух прокричал. Одеяло срываю
И утренний ветер вдыхаю всей грудью.
Стихи и поэмы я ввысь поднимаю
Живым доказательством нежности к людям!
Работа приходит с лучами рассвета.
Удары часов в моем сердце звучали.
Внезапно я вспомнил большого поэта,
И губы шептали, и губы кричали:
«Люди, я любил вас! Будьте бдительны!»

Перевел с китайского
Л. ЧЕРКАССКИЙ.

Для вас, советские люди

Интервью «Огонька»

Перестройка управления промышленностью благотворно сказывается и на выпуске товаров широкого потребления. Совнархозы принимают меры к тому, чтобы полнее использовать местные ресурсы. Какие достигнуты успехи в этом деле? Что нового получат покупатели?

Корреспонденты «Огонька» беседовали с руководителями киевского, ленинградского и эстонского совнархозов. Ниже печатаем их сообщения.

Наши новинки

Л. МИХАЙЛОВ
Заместитель председателя совнархоза Ленинградского экономического административного района

Из 650 заводов и фабрик, подчиненных ленинградскому совнархозу, 125 специально выпускают товары народного потребления. Кроме того, многие заводы изготовляют эти товары в цехах ширпотреба.

Чем же новым порадуют широкого потребителя ленинградцы?

Прежде всего резко расширяется ассортимент продукции, причем делается это с учетом пожеланий и вкусов потребителей. Вот пример. Главное управление кожевенно-обувной промышленности совнархоза создало художественный совет, который заблаговременно рассмотрел, утвердил и передал в производство 83 новые модели к осенне-зимнему сезону. Никогда до сих пор обувные фабрики Ленинграда не выпускали к зиме столько разнообразной добротной обуви, как это будет сделано в нынешнем году.

Скоро потребитель получит новый телевизор, «Мир», рассчитанный на прием пяти программ; в будущем году запускается в производство телевизор «Заря» с экраном 280×210 миллиметров. Каждые полторы минуты с конвейера завода имени Козицкого сходит телевизор «Знамя», уже заслуживший признание телезрителей.

У нашего экономического района большие возможности для снабжения населения мебелью. Совнархоз принимает меры для резкого увеличения ее производства. На Дубровском комбинате создается цех, который ежегодно будет выпускать не меньше двадцати тысяч комплектов кухонной мебели. Усть-Ижорский завод освоил выпуск фанеры-пласты — великолепного отделочного материала, стойкого в условиях любых температур и влажности, отличающегося нарядным внешним видом. К сожалению, мебельная промышленность до сих пор еще не объединена. Только 5 предприятий подчинены совнархозу, а 22 находятся в ведении местных Советов, что вызывает разнобой и мешает специализации.

Работники ленинградской промышленности поставили перед собой задачу резко увеличить выпуск продукции на тех же производственных площадях. Коллектив фабрики «Скороход» выступил инициатором социалистического соревнования за повышение прочности обуви. На этой же фабрике успешно осваивается новая технология пошива беззатяжной обуви. Внедрение новой техники, автоматов, конвейеров, поточных линий — все это направлено на резкое повышение выпуска товаров.

Перевооружаются текстильные и трикотажные фабрики. Уже в этом году заменяется 220 устаревших прядильных машин. Реконструируются льнозаводы Псковской и Новгородской областей. Это позволит уже в будущем году дополнительно переработать около десяти тысяч тонн волокна.

Невозможно перечислить все новшества, которые внедряются на предприятиях,— так их много. Почти каждое техническое усовершенствование, как правило, вызывает рост выпуска продукции народного потребления на 20—30 процентов.

Многие заводы, создающие корабли, машины, приборы, одновременно заняты у нас выпуском изделий домашнего обихода, что вовсе не мешает их основному производству. Делается это, разумеется, тоже с учетом интересов потребителя. Когда, например, уменьшилась потребность в кроватях, то Ижорский завод сократил их производство и увеличил за счет этого выпуск гаражей для индивидуальных машин. Совнархоз берет в свои руки цеха ширпотреба, изучает их резервы и решительно поправляет недальновидных руководителей, которые под видом заботы об основном производстве свертывают выпуск товаров для населения. Мы, например, категорически запретили Балтийскому заводу ликвидировать цех ширпотреба, разъяснив руководителям, что за товары широкого потребления с них спрос не меньше, чем за продукцию главных цехов.

Совнархоз принимает срочные меры для резкого увеличения выпуска мясных и молочных продуктов. Строятся межрайонные молочные заводы, мясокомбинаты, холодильники, реконструируются и заново оснащаются действующие предприятия.

В будущем году намечается значительно увеличить капиталовложения в мясомолочную промышленность. Выпуск мясных продуктов возрастет на 16 процентов, а молочных — на 19.

На наших предприятиях идет деятельная подготовка к празднованию 40-летия Октября. Будет выпущено много новых товаров в специальной упаковке: часы, духи, посуда, галантерейные изделия, белье, сласти для детей, вина, пищевые продукты...

Эта новинка называется «Ветерок»: аппарат имеет холодный и горячий потоки воздуха.

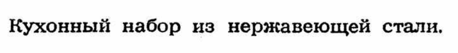

Посуда из окрашенного в разные цвета алюминия.

Дорожный футляр для столового набора и папка.

Кухонный набор из нержавеющей стали.

Обувь, изготовленная беззатяжным методом.

Фото Б. Уткина.

И для взрослых и для самых маленьких

П. ЛИСНЯК
Председатель совнархоза Киевского экономического административного района.

Основное место в экономике нашего района занимают машиностроение и приборостроение.

Но наряду с этим мы даем более тридцати семи процентов общего производства сахара в республике, почти третью часть кожаной обуви и хлопчатобумажных тканей, много масла, мяса, кондитерских изделий.

Совнархоз принимает меры к тому, чтобы расширить еще более выпуск предметов народного потребления. Как мы добьемся этого? За счет лучшего использования имеющегося оборудования, реконструкции старых и строительства новых предприятий. Приведу несколько примеров. На Кировоградском масложиркомбинате вводится новый, более эффективный способ получения масла из семян масличных культур, который позволит значительно увеличить выпуск продукции.

Усиливается механизация на Черкасском консервном заводе, который в текущем году даст до 53 миллионов банок разнообразных томатов, пользующихся большим спросом.

Киевская кондитерская фабрика имени Карла Маркса уже выпустила свыше одной тысячи тонн кондитерских изделий сверх плана. Здесь введены в строй новые цехи: конфетный и шоколадный.

Если говорить о новых стройках, следует сказать о Бердичевском солодовом заводе, о киевских молочном заводе № 2 и обувной фабрике № 13, о мебельном комбинате в Фастове.

Значительно расширяется и реконструируется Дарницкий шелковый комбинат, выпускающий новые виды тканей из искусственного шелка.

Разнообразней становится и ассортимент трикотажных изделий: женское белье с капроновой отделкой, белье из нового искусственного волокна «хлорина», а также женские блузки из капрона по новым отечественным и зарубежным моделям.

Одним словом, новинок у нас немало. Можно еще назвать шерстяные пледы, мужские шляпы из козьего пуха, женскую обувь на утепленной подкладке и обувь с верхом из искусственной замши, детскую обувь на утепленной подкладке, малогабаритную мебель улучшенных образцов, в том числе диваны-кровати, книжные шкафы, шкафы для платья и белья, столы обеденные и письменные, кухонная мебель, мебельные гарнитуры.

Не забыты и самые маленькие граждане — грудные дети. Они получат в 1958 году специальное молоко, которое по своим свойствам приближается к материнскому.

Больше и лучше

А. Т. ВЕЙМЕР,
председатель совнархоза Эстонской ССР

Вопрос: Что предпринимается для дальнейшего подъема эстонской пищевой промышленности?

Ответ: Мы выделили средства для строительства новых предприятий. Но строительство потребует времени, между тем некоторые отрасли пищевой промышленности уже сейчас без капитальных вложений могут давать продукции больше и притом лучшего качества. Вот, например, колбасная промышленность. Некоторое время она была у нас «узким местом». Почему? Ведь мяса у нас достаточно, а план производства свинины республика даже перевыполняет. Оказывается, не справлялись колбасные цехи мясокомбинатов, так как они были загружены... выпечкой пирожков, производством полуфабрикатов и других продуктов, не требующих специального оборудования и специальных помещений. Пирожки и полуфабрикаты будут выпускать теперь другие, менее загруженные предприятия. Производство колбасных изделий уже теперь увеличилось и будет еще расти.

Стоит сказать несколько слов и о знаменитой таллинской кильке. Любители этой рыбы, вероятно, заметили, что за последнее время несколько ухудшился вкус кильки и спрос на нее стал меньше. В чем дело? Ведь не изменились же высокие качества этой ценной рыбы? Нет, конечно! Но кто-то установил неправильный принцип ее приемки: рыбакам платили не за сортность, не за качество, а... за тоннаж. Понятно, что им было выгоднее ловить, скажем, щуку, чем мелкую кильку.

Есть у кильки еще одна особенность: весной и летом она худеет и менее пригодна для консервирования, чем упитанная осенняя. Учитывая это обстоятельство, мы установили такой порядок: за хорошие уловы осенней кильки назначается повышенная оплата и премия. Теперь стали возвращаться на консервные заводы и специалисты по посолу, которые было решили уже переменить профессию. Мы с полной уверенностью можем пообещать покупателям: в ближайшее время они получат отличную таллинскую кильку! Вместе с тем улучшится качество шпрот и сардин, которые некоторое время готовились из салаки, а теперь будут производиться из кильки высших сортов, как и должно.

Большие перемены намечаются в кондитерской промышленности. Вступила в строй первая очередь новой крупной кондитерской фабрики «Калев», которая будет давать одиннадцать тысяч тонн кондитерских изделий в год.

Вопрос: И в республике и за ее пределами пользуется спросом удобная и недорогая эстонская мебель. Но мебели не хватает, и ассортимент ее неширок. Что предпринимает в этой связи совнархоз?

Ответ: Там, где много фанеры, много и мебели. А фанеры у нас пока было мало, этим главным образом и объясняются все наши недостатки в снабжении мебелью. Фанерный цех Таллинской фанерно-мебельной фабрики — этот основной поставщик мебели в республике — производил всего 14 тысяч кубометров фанеры в год. В нынешнем году закончено строительство нового цеха — на днях он вступил в строй. Теперь два цеха дадут 18—19 тысяч кубометров фанеры, а когда будет получено новое дополнительное оборудование, производство фанеры увеличится до 24—25 тысяч тонн. Это уже значительный рост!

Вопрос: Как улучшается одна из ведущих отраслей промышленности республики — текстильная?

Ответ: Текстильная промышленность у нас действительно одна из ведущих отраслей производства товаров народного потребления. По выработке хлопчатобумажных тканей наша маленькая республика занимает четвертое место в Советском Союзе, а по выпуску суровья — третье. Совнархоз добивается улучшения качества изделий текстильной промышленности. За последнее время наши швейные предприятия выпустили 72 новые модели женской, мужской и детской одежды. У нас выпускаются неплохие трикотажные изделия, особенно на фабрике «Марат». Сейчас она начала вырабатывать десятки новых моделей трикотажного белья.

Мебель для столовой. Таллинский деревообделочный комбинат.

СТОЛП АМЕРИКАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Альберт КАН

Рисунок Бор. **ЕФИМОВА.**

В руках у меня недавно вышедшая в Соединенных Штатах книга. Я читаю заключительные строки:

«История Федерального бюро расследований — это, по существу, история самой Америки и борьбы за идеал... ФБР олицетворяет стремления народа к образу правления, основанному на законности. ФБР — это орган правосудия».

Такими умильно-благочестивыми словами заканчивает свой объемистый труд «История ФБР» американский журналист, обозреватель «Нью-Йорк таймс» Дон Уайтхэд. Это восторженный панегирик в адрес правительственной секретной полиции.

Произведение Дона Уайтхэда не блещет литературными достоинствами, но как политическое явление оно примечательно. Книга снабжена вторым заголовком: «Отчет перед народом». Полуофициальный характер книги подтверждается предисловием, которое написал самолично начальник ФБР Эдгар Гувер. Он так прямо и пишет, что это — «единственное издание, в котором рассказывается о зарождении Федерального бюро расследований, излагается его история и его борьба». Автору книги была оказана всяческая помощь со стороны ФБР, объясняет Гувер, а сама книга получила также «полное одобрение» министра юстиции мистера Герберта Броунэлла-младшего. Далее шеф американской секретной полиции лично удостоверяет, что история подведомственного ему органа изложена в книге с «безупречной точностью».

Увы, по мере того, как углубляешься в эту «безупречно точную» историю американского политического сыска, обнаруживаешь неисчислимое количество подтасовок, фальсификаций, извращений всем известных фактов. Их каталог составил бы солидный том. Поэтому я приведу здесь лишь те искажения, которые относятся к личности самого «героя» и шефа ФБР.

Почти четыре десятилетия назад (в 1919—1920 годах) происходили печально-знаменитые «пальмеровские облавы». Под командованием тогдашнего министра юстиции Митчелла Пальмера началась массовая охота на иностранцев и американских граждан под девизом «раскрытия красного заговора против правительства». Было посажено за решетку более пяти тысяч человек; арестованных подвергали пыткам, шесть из них умерли на Эллис-Айленде, некоторые покончили самоубийством.

Эдгар Гувер на протяжении ряда лет выражал «сожаление» по поводу этих облав и упорно твердил, будто лично он не имел к ним никакого отношения. Этот «тезис» старательно обосновывает в своей книге и Дон Уайтхэд.

Каковы же действительные факты?

Во время пальмеровских облав молодой и полный сил Гувер был начальником «антирадикального» сыскного отдела в Бюро расследований при министерстве юстиции (Федеральным бюро расследований оно стало именоваться с 1935 года). Не кто иной, как именно гуверовский «Джи-Ай-Ди» (главный сыскной отдел) составлял списки людей, подлежавших аресту при облавах. Летописец ФБР сам вынужден признать, что перед началом «операций» всем местным сыскным бюро было предписано, «не считаясь с расстоянием, **сообщать мистеру Гуверу** все важные данные, которые будут обнаружены в ходе арестов», и присылать с пометкой **«вниманию мистера Гувера»** списки арестованных (подчеркнуто в книге Уайтхэда. — **А. К.**).

Впоследствии министр юстиции Пальмер был для успокоения общественного мнения приглашен в комиссию конгресса. Эдгар Гувер, носивший уже звание специального помощника министра, сидел рядом со своим патроном и помогал ему давать объяснения. На вопрос сенатора Томаса Уолша о том, сколько было всего выдано ордеров на обыски и аресты, министр ответил: «Не могу вам сказать, сенатор. Может быть, вы будете любезны спросить мистера Гувера, который имел полномочия по этому делу».

В 1924 году, когда известный юрист Харлан Ф. Стоун стал министром юстиции, Эдгар Гувер заменил детектива Уильяма Барнса на посту начальника Бюро расследований. Он был назначен на этот пост по рекомендации министра торговли Герберта Гувера, миллионера-нефтяника и ярого ненавистника Советской России.

К тому времени относится известная инструкция Стоуна, потребовавшего, чтобы Бюро расследований занималось не «политическими и иными взглядами отдель-

ных граждан», а раскрытием преступных деяний. Держа паруса по повеявшему новому ветру, Эдгар Гувер в не менее памятном публичном заявлении провозгласил, что «деятельность коммунистов и других ультралевых элементов в настоящее время не является нарушением федеральных законов».

И вот Дон Уайтхэд разливается соловьем в своей книге, доказывая, что ФБР под начальством Гувера с тех пор «заняло ведущее место в борьбе с гангстерством», которое наводнило страну в тридцатых годах.

А каковы действительные факты?

С кризисом начала 30-х годов наступили тяжелые времена и для уголовного мира. С отменой «сухого закона» обанкротились бутлегеры, зарабатывавшие сотни миллионов на контрабандной торговле спиртом. Массы уголовников кинулись искать другие способы наживы — резко возросли случаи похищения детей, ограбления банков. Опасность нависла даже над детьми и сейфами богатых «боссов». Тут начинается головокружительное восхождение Эдгара Гувера на вершину славы. Печать, радио, кино на все лады расписывают подвиги гуверовских сыщиков. За короткое время таинственное ФБР стало известно всем: ФБРовский публицист Кортин Купер писал в 1938 году: «Теперь редкий мальчишка в Штатах не считает Эдгара Гувера идеалом героя».

Но характерный факт: всячески раздувая свою славу «грозы уголовного мира», Эдгар Гувер главное внимание уделял деятельности совсем иного свойства.

Он основал Национальную полицейскую академию. Ее задачи сам Гувер охарактеризовал с завидной откровенностью на съезде Международной ассоциации начальников полиции: «В академии будет изучаться тактика атаки... Мы используем полигоны морского корпуса США в Квантико (штат Виргиния) для обучения наших людей стрелковому делу, применению слезоточивых газов, использованию оружия, в том числе пулеметов, для подавления беспорядков... Практику наши студенты будут проходить в условиях, напоминающих обстановку настоящего боя...» Это было время острых классовых столкновений, время, тревожное для промышленных «боссов», — и Гувер хорошо знал, что им требуется...

Субсидии конгресса Федеральному бюро расследований все возрастали. Разбухали и сыскные картотеки Гувера, начало которым он положил еще в дни пальмеровских облав. Коллекция отпечатков пальцев, собранная в ФБР, исчислялась уже многими миллионами.

Зато в конце 30-х годов ведомство Гувера оказалось намного меньше подготовленным к противодействию проискам оси Берлин — Рим — Токио.

«Не в пример первой мировой войне, — пишет Уайтхэд в своей книге, — ФБР выступило во всеоружии против нацистского шпионажа, и шпионские центры были обезврежены задолго до того, как Соединенные Штаты вступили во вторую мировую войну. Не было ни одного направленного извне акта саботажа во весь период военных действий».

А что говорят факты?

После Мюнхена агенты немецкой разведки массами устремились в Соединенные Штаты и создали здесь густую сеть шпионских центров и всяких других организаций «пятой колонны». К началу войны в США было до 700 фашистских группировок, наводнявших страну расистской, изоляционистской и прочей пропагандой. Они действовали почти открыто, и тщетно было бы искать каких-либо следов борьбы против них со стороны органов ФБР. Пресловутый «Германо-американский союз», руководимый из Берлина, имел в дни Пирл-Харбора 71 отделение на американской земле.

В книге Уайтхэда стыдливо обойдена молчанием подрывная деятельность так называемого «Американского первого комитета», пронацистской организации, которую расхваливал сам доктор Геббельс. Платные гитлеровские агенты вроде Лауры Ингаллс, Джорджа Фирэка и Фрэнка Буржа занимали в комитете руководящие посты, а японский шпион Ральф Гауксанд орудовал там в качестве «публициста».

Почему ФБР проявляла столь удивительную терпимость к «Американскому первому комитету»? Это нетрудно понять. В руководство комитета входили некоторые влиятельные американские реакционеры, а в числе персонажей, оказывавших ему тайную финансовую поддержку, были такие деятели, как Джон Фостер Даллес. Специальный помощник президента Гарри Гопкинс однажды докладывал Рузвельту, что одним из «подлинных вдохновителей» всего этого пронацистского изоляционистского движения был не кто иной, как Герберт Гувер, старый друг бравого шефа ФБР Эдгара Гувера.

В 1942 году мы с Майклом Сайерсом написали книгу «Саботаж». В ней мы перечислили массу фактов таинственных взрывов, пожаров и других аварий на американских военных заводах, военных объектах, кораблях. Многие из этих происшествий были расценены специалистами как акты саботажа и диверсий. Крупнейшей из диверсий был пожар, уничтоживший большой океанский пароход «Нормандия», после того, как он был превращен во вспомогательное военное судно.

При всем этом Эдгар Гувер не прочь был во время войны создать рекламу для ФБР, извещая время от времени американцев о «раскрытии» какого-нибудь вражеского шпионского замысла. Но, как правильно заметил военный обозреватель «Нью-Йорк таймс» Хэнсон Болдуин: «Для действительных контрразведывательных операций требуется гораздо меньше шума и рекламы, чем привык устраивать Эдгар Гувер».

В свое время в Англии вышла оставшаяся малоизвестной книжка «Пурпурная нить», написанная Дональдом Даунсом, бывшим агентом заокеанской службы британской Интеллидженс сервис. Из книжки можно видеть, как ревниво относился Эдгар Гувер к любому сопернику. Английских контрразведчиков, действовавших против нацистских шпионов в США во время войны, «ФБР неожиданно обвиняло... в коммунизме и нелояльности». Однажды Даунс пожаловался своему начальству: «Может быть, американский президент сделает что-либо, чтобы предотвратить подобные факты?» Он получил следующий ответ: «Нет, президент этого не сделает. Ни один американский президент не осмелится задеть Эдгара Гувера, не говоря уже о членах конгресса. Они все боятся, что он может причислить их к красным»...

И вот наступил послевоенный период деятельности ФБР и его шефа. В книге «История ФБР» этот период изображен так. Продолжая, как выражается Уайтхэд, «охранять гражданские права», Гувер «выступил в военный поход против коммунистической партии».

Мрачные годы «холодной войны» были временем подлинного процветания для ФБР. В атмосфере истерии «расследований» и инквизиторской «охоты за ведьмами» Эдгар Гувер, как выразилась газета «Корнет», был увенчан лаврами «мастера охоты». Ходили даже слухи о возможном выдвижении кандидатуры Эдгара Гувера в президенты Соединенных Штатов.

В 1949 году Гувер в большой публичной речи перечислил те категории американских граждан, которые, по его мнению, должны быть отнесены к «подрывным элементам». Помимо «55 тысяч членов коммунистической партии», заявил он, сюда относятся «примерно полмиллиона сочувствующих коммунистам, а также аморальные и колеблющиеся элементы в области политики, в профсоюзах, прессе, радио, кино, в школах и даже в некоторых наших церквах».

Любопытно, однако, — хотя, впрочем, вполне естественно, — что, несмотря на необычайно густую сеть политического сыска, которой обладает ФБР, Гуверу так и не удалось представить на суд общественности ни одного факта, чтобы хоть один человек, зачисленный в эту «коммунистическую армию», замышлял «насильственное низвержение американского правительства». Но располагая таким «юридическим» орудием, как законы Смита, Тафта — Хартли и Маккарэна, Гувер без особого труда мог стряпать процессы коммунистических лидеров, профсоюзных лидеров, прогрессивных интеллигентов. Тем более, что в его распоряжении были сотни штатных лжесвидетелей.

Эдгар Гувер вступил сейчас в четвертое десятилетие своей деятельности на посту шефа ФБР. «На протяжении многих лет, — пишет Уайтхэд, — ФБР формировалось в соответствии с мыслями и идеалами этого человека». Приведем некоторую статистику, которой может гордиться Эдгар Гувер. Официальный штатный состав ФБР насчитывает 14 тысяч человек. Во всех «стратегических центрах» страны, как любит говорить шеф ФБР, имеются резидентуры, их около тысячи двухсот. По последним отчетам, в картотеке ФБР собрано 141 231 773 отпечатка пальцев. В предисловии к «Истории ФБР» Эдгар Гувер сообщает американцам, что «наши агенты повсюду, они рядом с вами, читатель, они в вашей квартире, в вашем телефоне».

В 1909 году, вскоре после учреждения Бюро расследований, член палаты представителей от штата Кентукки Джон Шерли с трибуны конгресса требовал ликвидации этого органа, несущего, по его словам, гибель демократическим институтам страны. С тех пор прошло полстолетия, но Эдгар Гувер все еще является столпом американской государственности.

Миллионы американских граждан в душе согласны с мнением конгрессмена Джона Шерли из Кентукки...

Из воспоминаний

Корней ЧУКОВСКИЙ

В Москве, в залах Государственной Третьяковской галереи, открыта выставка, посвященная творчеству великого русского художника Ильи Ефимовича Репина. Здесь собраны лучшие произведения художника, отражающие все многообразие его творчества.

Музеи и картинные галереи Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска, Уфы и многих других городов Советского Союза прислали на выставку репинские картины. Часть работ поступила из частных собраний и из зарубежных картинных галерей.

В этом номере журнала воспроизводятся десять картин с выставки.

Не помню, чтобы в Третьяковской галерее когда-нибудь толпилось так много людей. Давка такая, что не повернуть головы. Люди движутся по залам сплошной массой. Их потоку не видно конца. Здесь не только советские люди, но и китайцы, и индийцы, и арабы, и негры — иные в экзотических, невиданно пышных одеждах. Среди них немало дипломатов, послов и посланников. И мне весело думать, что всех этих столь различных людей сегодня сплотило великое русское имя — Репин. Только что здесь открылась долгожданная выставка репинских портретов, картин и рисунков.

Видя, с каким восторженно-почтительным чувством глядят на создания репинской кисти, я с волнением подумал о том, как обрадовался бы великий художник, если бы каким-нибудь чудом ему довелось очутиться на этом празднике русской национальной культуры, среди этой любящей и восхищенной толпы. При жизни он, конечно, и мечтать не дерзал о таком всенародном, всемирном почете.

Мне случалось не раз сопровождать его в Русский музей и сюда, в «Третьяковку». Теперь в этих залах я вдруг отчетливо, до полной иллюзии, представил себе его самого, Илью Ефимовича, порывистого, с быстрой походкой, с горячими жестами, с эмоциональной речью, — и на меня внезапно нахлынуло столько воспоминаний о нем, клочковатых, разрозненных, но неотразимых и очень живых, что я не могу успокоиться, пока не передам их читателям...

* * *

Каждую среду в Пенаты к Илье Ефимовичу Репину съезжались из города гости. Репин очень любезно встречал их, знакомых и незнакомых, подолгу разговаривал с ними, но никогда не говорил о себе.

Стоило кому-нибудь заикнуться о том, какой он великолепный художник, и Репин тотчас же очень умело переводил разговор на другое: чаще всего начинал горячо восхищаться кем-нибудь из своих собеседников, проявляя самый пылкий интерес к его личности, и таким образом отводил от себя всякие хвалы и славословия.

Даже когда он писал книгу своих мемуаров «Далекое близкое», он гораздо охотнее, чем о себе, говорил в ней о Стасове, Крамском, Антокольском, Куинджи, Серове. Мне, как редактору книги, стоило большого труда упросить его, чтобы, говоря о других, он не замалчивал и своей биографии.

Вообще скромность у него была изумительная. Вот что написал он одному литератору, который в каком-то письме отозвался о нем как о великом художнике:

«...Вы знаете, какой я простой, обыкновенный человек, а Вы ставите меня на такой грандиозный пьедестал, что, если бы я влез на него, Вы сами расхохотались бы, увидев мою заурядную фигуру, вскарабкавшуюся так высоко».

Та же чрезмерная, невероятная скромность сказалась и в его письмах ко мне.

«Трудолюбивая посредственность, много натворившая ошибок» — так обозвал он себя в письме от 31 января 1927 года.

В другом письме, написанном через несколько месяцев, он выразился еще более резко:

«Вообще о моем таланте, сколько помнится, всегда это был спорный вопрос. И должен признаться, что и сам я был в числе не признающих за собой таланта».

Так он говорил о себе очень часто. Еще в начале девяностых годов Лев Толстой добродушно смеялся над этим самоумалением Репина:

«А вы все такой же малодаровитый труженик? Ха-ха! Художник без таланта? Ха!»

Его «святое недовольство» собой было искренним. Еще во время первого своего юбилея, когда исполнилось 25 лет его творческой деятельности, он напечатал в газете письмо, где называл себя «страдальцем от неудовлетворительности своих произведений». Над этим немало глумились в печати, но я, как близкий свидетель его работы и жизни, могу удостоверить, что это было именно так. Здесь была его неизлечимая рана. «...все, что ни пишу, кажется плохим, тяжелым, нехудожественным»,— признавался он в более позднем письме.

Посещая с ним выставки новых картин, я наблюдал, с какой пламенной нежностью относился он к чужим произведениям.

«Как это ему удалось?! — говорил он, смотря на картину кого-нибудь из своих младших товарищей.— Мне так не сделать, нет, нет!»

* * *

Таких случаев я помню десятки. И все же, если бы я изображал Репина только таким, я сказал бы о нем большую неправду. «Святое недовольство» собою далеко не всегда угнетало его; вообще он был человек очень сложный, в нем легко уживались противоречивые чувства, и наряду с приступами мучительного неверия в свое дарование, наряду с раз навсегда усвоенной скромностью было в Репине где-то под спудом иное — глубоко затаенное, гордое чувство, ибо не мог же он наедине с собой, так сказать, в тайнике души, не сознавать всей огромности той исторической роли, которая сыграна им в русском национальном искусстве. Сознание это очень редко пробивалось наружу (словно на мгновение спадала завеса), и лишь тогда мы могли убедиться, как несокрушима его безграничная вера в себя и в победительную силу своего дарования.

Я помню, в октябре тринадцатого года он, весь какой-то праздничный, торжественный, безмерно счастливый, шествовал, именно шествовал (словно под музыку), по залам Третьяковской галереи, среди своих прославленных картин, а за ним в отдалении шла толпа почитателей: Иван Алексеевич Бунин, певица Мария Николаевна Муромцева, Шаляпин, художник Коровин и еще двое-трое, — и походка у него была очень уверенная, непохожая на его обычную поступь, и видно было, что он ощущает себя триумфатором, так что надень кто-нибудь в эту минуту на его кудри лавровый венок, это никому не показалось бы странным. Таким я еще никогда не видел его. В тот день его картины и портреты были развешаны в Третьяковской галерее по-новому, в непривычных для него сочетаниях, и он разглядывал их новыми глазами, словно знакомился с ними впервые, и видно было, что они ему по сердцу.

Глядя на его триумфальное шествие, я невольно вспомнил те удивившие меня в первую минуту слова, которые за несколько дней до того мне довелось прочитать в рукописи его мемуаров, о том, что с юности ему была присуща «тайная титаническая гордость духа».

Мы только что видели немало примеров того, что эта «титаническая гордость» была у него действительно «тайной», глубоко запрятанной, и лишь в особых случаях, как теперь в «Третьяковке», становилась на мгновение явной. Без этой гордости, без веры в себя, в свое призвание, в свой творческий путь Репин не стал бы тем Репиным, какого мы привыкли любить как бойца и новатора. Несмотря на вечные свои «сокрушения» о мнимых неудачах и провалах, он хранил незыблемую веру в себя, и всякий раз, когда враждебные «веяния» подвергали его веру испытаниям, она обнаруживалась во всей своей силе.

Этих испытаний выпало на его долю немало, но не было случая, чтобы он поддался их воздействию.

Когда, например, ему стало известно, что Стасов резко осудил его картину «Царевна Софья» и что критик считает ошибочным путь, приведший Репина к созданию этой картины, художник с гневом восстал против его приговора и, обычно такой мягкий, уступчивый, не сделал ни малейшей уступки и не выразил никаких «сокрушений». Стасов обрушился на картину в печати. Но и это не повлияло на Репина, и хотя он очень любил переделывать свои композиции, дополнять их, исправлять, «кочевряжить», в этой картине он не изменил ни единой черты, потому что и здесь, как везде, следовал собственному своему убеждению, даже наперекор самым авторитетным ценителям.

Всю жизнь он чутко прислушивался к советам и оценкам своего любимого Стасова, но еще в юные годы заявил ему в гордом письме:

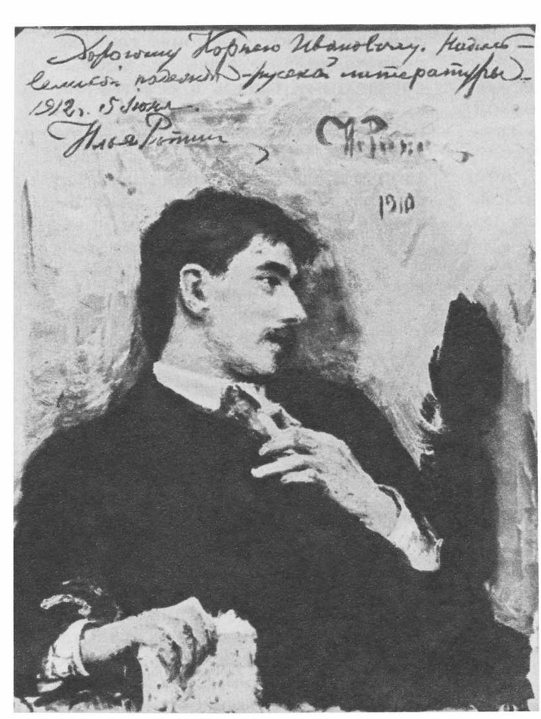
«А знаете ли, что в Петербурге все... прямо говорят мне, что я весь под влиянием В. Стасова. Пусть говорят, что хотят, думайте и Вы, как Вам угодно, а я Вам скажу, что я под своим собственным влиянием уже давно».

«Собственное свое влияние» он в течение всей творческой жизни ставил превыше всего. Вспомним хотя бы историю с его «Запорожцами». Когда картина вполне определилась и считалась законченной, он неожиданно для всех уничтожил в ней одну из наиболее выразительных и ярких фигур и заменил ее безликой фигурой, которая отвернулась от зрителя и стоит к нему спиною, накинув на плечи самую, казалось бы, неживописную свитку (кирею) или, как выражались возмущенные критики, «серый больничный халат».

Поднялись крики, что он испортил картину, погубил ее, разрушил ее красоту. Особенно громко кричали об этом такие влиятельные в ту пору ценители, как известный беллетрист Григорович и редактор-издатель распространеннейшего «Нового времени» Суворин.

Репин ответил им непреклонно и твердо:

«Я знаю, что я в продолжение многих лет, и прилежных, довел наконец свою картину до полной гармонии в самой себе, что редко бывает — и совершенно спокоен. Как бы она кому ни казалась — мне все равно. Я теперь

И. Е. Репин. К. И. ЧУКОВСКИЙ.

так хорошо понимаю слова нашего гения:

Ты им доволен ли, взыскательный художник!

А я к себе очень взыскателен... И теперь хотя бы 1 000 000 корреспондентов «Times» разносили меня в пух и прах, я остался бы при своем; я глубоко убежден, что теперь в этой картине не надо прибавлять, не убавлять ни одного штриха».

Совершенно справедливо писала мне о Репине жена его Наталья Борисовна:

«Он может поддакивать каждому вашему слову, но если он скажет «нет», тут уж вы ничего не поделаете».

И в этом была его величайшая сила — в такой целеустремленной настойчивости, ибо даже его дарование было бы бесплодно и немощно, если бы оно не опиралось на его несгибаемый, волевой и упорный характер.

* * *

Этот характер раскрылся предо мною во всей своей мощи, когда в Третьяковской галерее исступленный маньяк Балашев накинулся на его картину «Иван Грозный и сын его Иван» и исполосовал ее сапожным ножом.

Я узнал об этом страшном событии так: в третьем часу дня в январе принесли мне из Пенатов записку от Натальи Борисовны на каком-то шершавом и рваном клочке.

«Сейчас телефонировали из «Биржевки» (то есть из газеты «Биржевые ведомости». — **К. Ч.**), — писала Наталья Борисовна, — что один сумасшедший в Москве пробрался к картине «Грозный» и изрезал ее ножом. Боже мой, такое чувство у меня, будто по телу режут ножом. Придите хоть на минуту...»

Со слезами в горле, потрясенный, я сейчас же помчался в Пенаты, как бегут к больному или раненому, ясно представляя себе, что Репин совершенно раздавлен этой свалившейся на него страшной бедой.

— Будто по телу ножом! — сказала Наталья Борисовна, выйдя мне навстречу в прихожую.

Даже у Хильмы, домашней работницы, было похоронное выражение лица. Репин сидел в столовой, и так странно было видеть его в эти часы не в мастерской, не с кистями в руках. Я вбежал к нему, запыхавшись, и начал бормотать какие-то слова утешения, но уже через секунду умолк, увидев, что он совершенно спокоен. Он сидел и ел свой любимый картофель, подливая в тарелку прованское масло, и только брезгливо поморщился, когда Наталья Борисовна опять повторила свое: «будто по телу ножом».

Он был уверен тогда, что картина, одна из его лучших картин, истреблена безнадежно; он еще не знал, что есть возможность реставрировать ее, и все же ни словом, ни жестом не выдал своего великого горя.

Чувствовалось, что к этому спокойствию он принуждает себя: он был гораздо бледнее обычного, и его прекрасные, маленькие, стариковские, необыкновенно изящные руки дрожали мельчайшей дрожью, но его душевная дисциплина была такова, что он даже говорить не захотел о происшедшем несчастье.

Он так ненавидел всякие жалобы, охи и ахи, свойственные дряблым натурам, что из всех нас был в ту минуту единственным, кто не выказывал наружу никакого волнения.

Вскоре оказалось, что не я его, а он утешает меня.

— Вот вам тарелка, — сказал он, — нечего хныкать. Садитесь и кушайте.

И стал с преувеличенным интересом расспрашивать о каких-то посторонних вещах.

— Не волнуйтесь и ешьте! — повторил он даже как будто сердито. — Ведь просты-ынет.

А Наталья Борисовна билась над телефоном, висевшим у него в кабинете, стараясь связаться с Москвой. Но из допотопного телефона среди какого-то хриплого лая вылетали лишь отдельные слова, которые из-за отсутствия логической связи казались еще более пугающими.

Репин издали тревожно прислушивался к этому телефонному шуму и, когда Наталье Борисовне удалось наконец получить от редакции «Русского слова» подтверждение утренних сведений, тотчас же ушел собираться в дорогу, все такой же внешне спокойный и бодрый. Тщательно переоделся, аккуратно уложил небольшой чемодан и взял с собой дорожный ящик с красками. Я сопровождал его до станции Оллила и оттуда в поезде до Питера. В вагоне оказался виолончелист Цезарь Пуни, говорливый старик, и Илья Ефимович тотчас же стал оживленно беседовать с ним, ни словом не упоминая о своей катастрофе, хотя лицо у него было, как мел, и руки дрожали по-прежнему.

В Петербурге, на вокзале, лишь только мы покинули вагон, мне показалось, что Илье Ефимовичу трудно идти, — он все еще был мертвенно-бледен, — и я хотел взять его под руку, но он порывисто шагнул от меня прочь, поднял плечи и преувеличенно бодрой походкой направился к выходу — навстречу беде. Так и не принял ни от кого ни утешения, ни помощи. Здесь проявилась опять-таки его могучая воля, которая в другое время была незаметна, так как, повторяю, обычно во всех своих отношениях к людям он бывал уступчив и покладист.

Катастрофа с одной из его лучших картин потрясла всю Москву. Попечитель Третьяковской галереи известный живописец Игорь Грабарь поставил перед собой задачу — восстановить картину в прежнем виде. Это казалось немыслимым: так огромны были раны, нанесенные ей. Но талантливый специалист-реставратор при ближайшем участии Грабаря применил к ней особые, строго научные методы, и картина возродилась к новой жизни. От ее увечий не осталось следа. Москвичи были рады и счастливы. 27 октября того же года в ресторане «Прага» в Москве состоялось чествование Репина. Чествование было интимное, тихое. Собрались ближайшие друзья — писатели, художники, артисты во главе с Шаляпиным и Буниным. Шаляпин приветствовал Репина с почтительной сыновней любовью. Вообще речи были задушевные, без напыщенной фальши. Репин так и светился торжественной, праздничной радостью. Но когда мы в вагоне железной дороги ехали вместе с ним из Москвы, он ни единым словом не упомянул о своих московских триумфах и все время говорил о другом — главным образом о том, как великолепен Шаляпин. Говорил немногословно и вдумчиво, перемежая свои восклицания долгими паузами:

— Откуда у него эти гордые жесты?.. И такая осанка?.. И поступь?.. Вельможа екатерининских времен... Да, да, да! А ведь пролетарий, казанский сапожник... Кто бы мог подумать! Чудеса!

И, достав из кармана альбомчик, начал тут же, в вагоне, по памяти набрасывать шаляпинский портрет. И ни звука о себе, о своем торжестве, о только что пережитых треволнениях. Когда же я делал попытку хоть издали перейти к этой теме, он хмурился, отмалчивался и снова переводил разговор на другое. Суровый контроль над собой не покидал его ни в горе, ни в радости.

* * *

В 1925 году в Ленинграде была устроена обширная выставка репинских картин и портретов. Репин, 80-летний старик, был в то время отрезан от родины: он жил в Финляндии в поселке Куоккала. Я послал ему из Ленинграда большое письмо, где подробно описал эту выставку и сообщил о той благоговейной любви, с которой советский народ относится к его произведениям. В письме я упомянул, между прочим, что на выставке фигурирует сорок шесть новооткрытых произведений художника. Он ответил мне взволнованным письмом, которое до сих пор оставалось неизвестно в печати:

«...я так восхищен Вашим описанием, что решаюсь ехать, посмотреть в последний раз, такое, сверх всякого ожидания великолепное торжество...

Со мною едут Вера и Юрий (дети Репина. — **К. Ч.**). Как-то мы добьемся виз и разрешений!!! Но мне ехать необходимо: в этих 46 №№, конечно, забрались и фальшивые, с поддельными подписями.

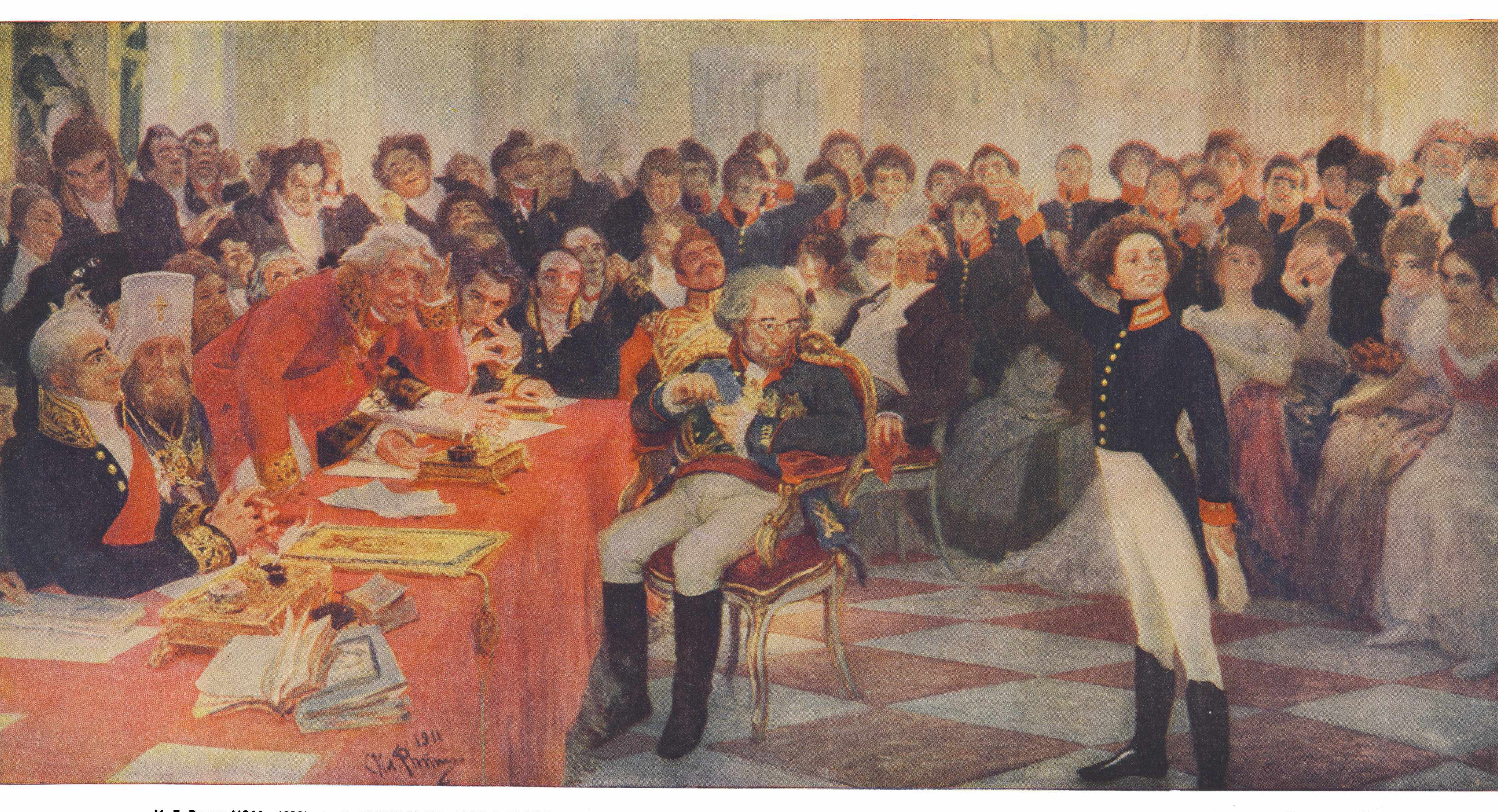
Дружески обнимаю и целую Вас. Похлопочите и Вы о скорейшем исполнении моего наизаконнейшего желания. Да ведь необходимо проехать и в Москву... Надо посетить Румянцевский музей, галерею Третьякова, Цветкова (ведь там тоже плодовитый не в меру труженик представлен...) О, сколько, сколько...

Поскорей! Ответьте, дорогой...»

Письмо было помечено 7 июля 1925 года. Вскоре пришло другое письмо, из которого выяснилось, что те, кто обещал Илье Ефимовичу сопровождать его в Петербург и Москву, отказались выполнить свое обещание, и больной восьмидесятилетний художник был вынужден остаться до конца своих дней на чужбине...

В. В. Маяковский. К. ЧУКОВСКИЙ РЕДАКТИРУЕТ И. РЕПИНА.

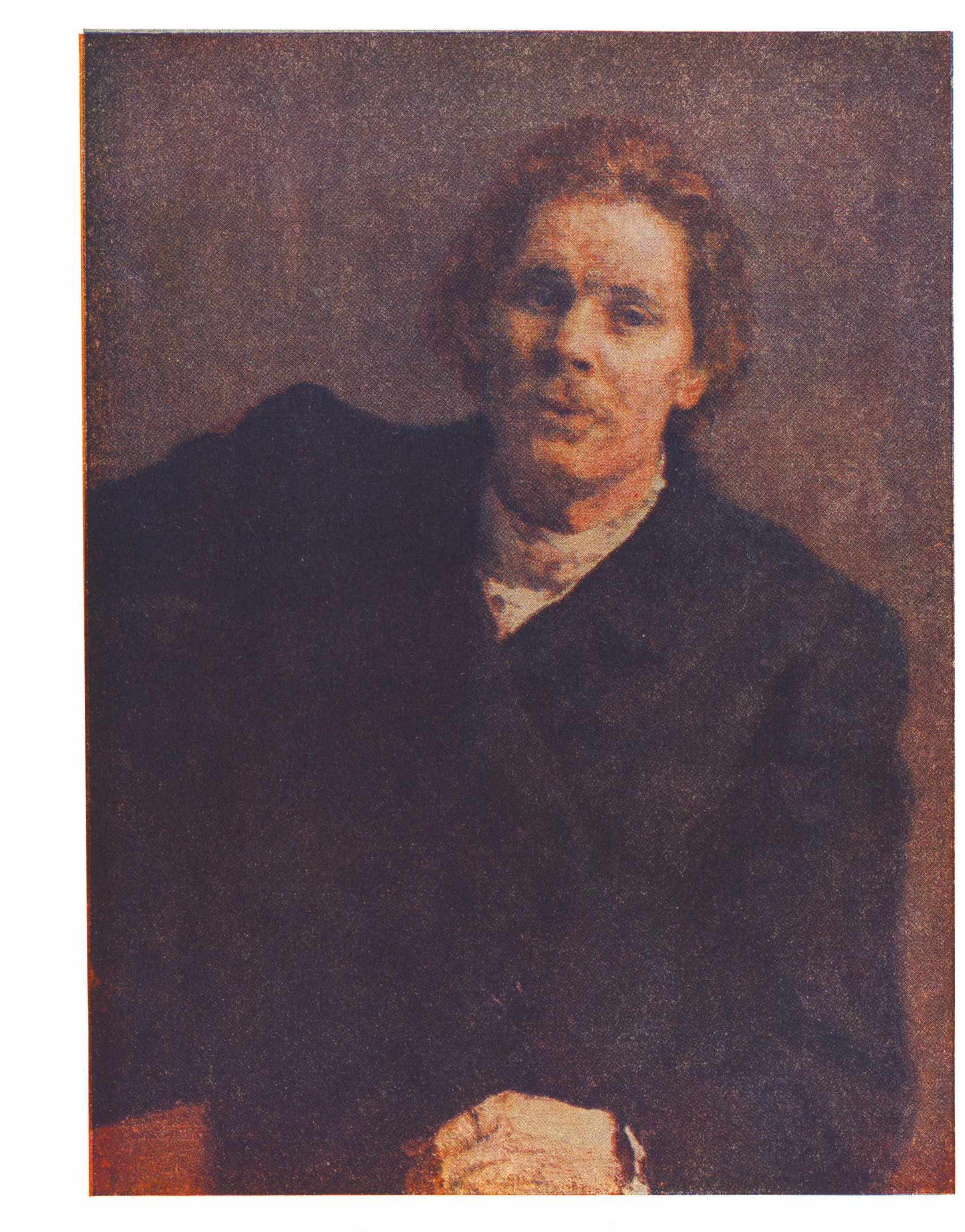
И. Е. Репин (1844—1930). А. С. ПУШКИН НА АКТЕ В ЛИЦЕЕ 8 ЯНВАРЯ 1815 ГОДА. 1911 год.

Замок в Градчанах, Прага.

И. Е. Репин. СХОДКА. 1883 год.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Е. Репин. АКАДЕМИК И. П. ПАВЛОВ. 1924 год.
Государственная Третьяковская галерея.

И. Е. Репин. А. М. ГОРЬКИЙ. 1899 год.
Институт русской литературы Академии наук СССР.

И. Е. Репин. НА ПЛОТУ В ШТОРМ НА ВОЛГЕ. 1870 год.

Государственный Русский музей.

И. Е. Репин. В ОДИНОЧНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ. 1880-е годы.

Национальная галерея в Праге.

И. Е. Репин. БАРЫШНИ НА ПРОГУЛКЕ СРЕДИ СТАДА КОРОВ. 1896 год.

Частное собрание.

И. Е. Репин. ДУЭЛЬ. 1898 (?) год.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Е. Репин. ОТДЫХ. В. А. РЕПИНА, ЖЕНА ХУДОЖНИКА. 1882 год.

Государственная Третьяковская галерея.

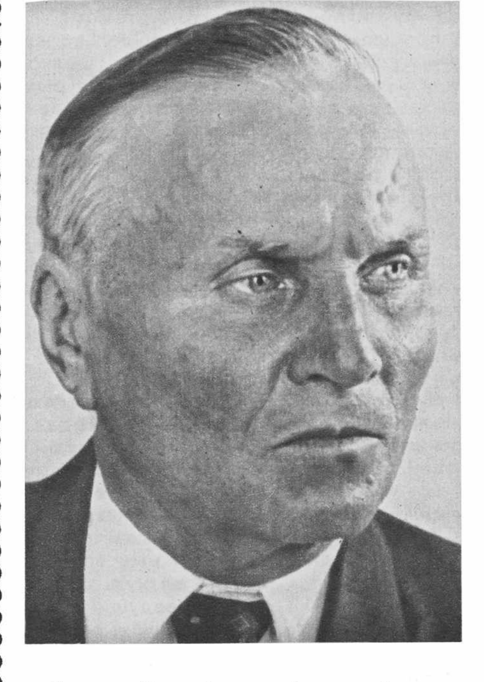
И. Е. Репин. ХУДОЖНИЦА Е. Н. ЗВАНЦЕВА. 1889 год.

Атенеум, Хельсинки.

Страницы жизни КИРИЛЛА ОРЛОВСКОГО

В. ПОНОМАРЕВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Кирилл Прокофьевич Орловский, руководитель колхоза «Рассвет» в белорусском селе Мышковичи, пользуется у советских людей заслуженным уважением. Имя его широко известно далеко за пределами Белорусской республики, а опыт хозяйствования для многих председателей колхозов служит примером, достойным подражания. Не менее поучительна, особенно для молодежи, предыдущая жизнь Орловского — партизанского вожака, самоотверженного борца за дело партии.

О ней рассказывает печатаемый очерк.

...Щемящая боль разбудила Кирилку. Не открывая глаз, он лежал, прислушиваясь к тяжелому дыханию и вздохам спящих. Их было одиннадцать человек — вся семья Орловских.

Сквозь полудрему мальчик услышал печальные причитания.

Он открыл глаза и в снопе лунного света увидел мать, стоящую на коленях перед иконой. Губы матери едва заметно вздрагивали, а из-под ресниц одна за одной выбивались неторопливые слезы.

— Господи, пошли отроку Кириллу здоровья и силы, укрой его от всяких бед...

— Уймись, Агриппина, приляг, отдохни сама и дай другим покой! — донесся из угла сонный голос не очень-то набожного отца...

Прокоп Васильевич Орловский, отец Кирилла, с малых лет оставшийся сиротой, воспитывался у бездетной тетки Татьяны. Став взрослым, он трудился на небольшом, оставшемся в наследство от тетки куске земли. Дважды нужда гоняла Прокопа в Сибирь. Вернула его оттуда лихорадка.

Сам будучи неграмотным, Прокоп с радостью замечал в своем Кирилле живость ума, крепкую память и, как умел, поддерживал тягу мальчика к науке. В том году, когда началась война с Японией, Кирилл переступил порог церковноприходской школы.

Много учиться не пришлось. Кирилл закончил всего три класса школы, когда отец, тяжело вздохнув, сказал:

— Хлеба твоего нам все равно не есть, будешь пасти свиней. Все принесешь в дом рублей двадцать пять...

Мальчика наняли пасти скот, но стремление к науке у него было так велико, что отец вскоре пошел на уступку. Польстило Прокопу Васильевичу, что его сына позвали на курсы по садоводству и огородничеству, которые устраивало тогда земство. Курсы бесплатные, и Прокоп согласился.

По возвращении с курсов сын попросил:

— Ты бы, батя, выделил мне уголок земли для опытов.

— Где же его взять, уголок-то этот? Тут и без твоих опытов голова разламывается, — ответил отец.

В пятнадцатом году коротко остригли Кирилловы непокорные волосы; парень из Мышковичей, напялив шинель, затерялся в серых солдатских толпах, эшелонами поставляемых на фронты первой мировой войны.

Пришла весна семнадцатого года. Нудно тянулись дни фронтового затишья. Томясь в безделье, солдаты, в большинстве крестьяне, рвались в родные села. Вести оттуда приходили самые печальные — запустение, нехватка рук, голод.

И полезли в Кириллову голову вязкие, как смола, мысли и вопросы. Кому нужна война? За что он воюет?

Своими сомнениями Кирилл делился с соседним взводным Александром Анисимовым, из петроградских рабочих.

— Эх, Кирилл, — говорил Анисимов, — пойми: ни бога, ни черта нет ни на земле, ни на небесах, зато, сам знаешь, на каждом шагу попадаются богатеи, попы да ксендзы. Они туманят простецкие головы...

Речи петроградского рабочего повлияли на Кирилла сильнее любой школы. Никаких дипломов и аттестатов не получил Кирилл после этой учебы, однако в мыслях его установился порядок, в планах и мечтах рассеялся туман. Кирилл узнал о Ленине.

Новым человеком покинул двадцатитрехлетний Кирилл Орловский окопы под Барановичами и потопал по разбитым дорогам в родные Мышковичи. Домой он возвращался

не с пустыми руками: русская трехлинейка, пара гранат, наган, три с половиной сотни патронов. Пригодятся!

Скоро уезд оккупировали немцы.

Однажды майским погожим утром Кирилл запряг лошадей и выехал на пахоту. Отец видел, с каким жаром работал его истосковавшийся по крестьянству сын.

В азарте пахарь не приметил, как в стороне Больших Бортников поднялся дым. Вскоре на дороге показались бегущие люди:

— Бортники горят! В народ из пулемета стреляют!

— За что?

— Вчера мужики вздули немецкого фуражира.

Кирилл завалил плуг на перевернутую борону и направился домой.

— Надо бы от греха в речку эти твои воинские цацки, — шепотом предостерег отец. — За оружие суд один, а ты не Христос, не воскреснешь.

Кирилл решил по-своему. Припрятав подальше винтовку, он вычистил наган и с думой о большой правде, о которой поведал ему петроградский рабочий Александр Анисимов, в первую же ночь подался на Бобруйск. Четыре дня искал он большевиков. Найдя, сказал:

— Хочу в партию...

Ему не отказали, но и не приняли сразу. Посоветовали взяться за дело.

И вот Кирилл Орловский — командир Качеричского краснопартизанского отряда. Поначалу он посвятил в свои планы двоюродного брата по матери Константина Русанова и одногодка Ермолая Белявского, потом начал вербовать людей. В отряд повалили все, кому ненависть к захватчикам жгла душу. Прошло чуть больше недели, как был совершен первый налет на обоз фуражиров. Через несколько месяцев отряд по указанию подпольного Бобруйского большевистского комитета занял имение Шпилевщину, а вслед за этим имение Качеричи.

Осенью восемнадцатого года Качеричский партизанский отряд влился в красногвардейские части, а Кирилла Орловского вызвали в городской партийный комитет.

— Поздравляю вас, товарищ Орловский, — торжественно сказал секретарь, пожимая руку. — Носите звание члена партии с той же честью, с какой вы вели партизанскую работу.

Непослушными пальцами Кирилл развернул партийный билет № 0094155. Дата вступления: июль 1918 года.

В пущах Полесья

Став коммунистом, Кирилл Орловский бросился в огонь жизни, бурлящей революционными событиями. Высшие курсы командного состава в Москве, схватки с контрреволюцией в красном Питере, бои на фронте, партизанские рейды по родной белорусской земле...

В западных районах Белоруссии Орловский

остался и после того, как они отошли к панской Польше. По сей день там бытуют рассказы и легенды о подвигах Орловского, именуемого то Аршиновым, то атаманом Калиниченко, то Мухой Михальским, то Артемом...

...В прошлом году, когда только-только начали угадываться легкие, как дымка, шелковистые всходы озимых, и прошлогодняя рыжая трава там и сям стала скрываться за свежей порослью, мне пришлось мыкаться по проселкам Копаткевичского района.

Взгорки просохли, но в оврагах и низинах стояла еще вода.

Ехать оставалось не больше четверти часа, когда за крутым лесным поворотом во всей своей красе предстала беспутица. На небольшом участке дороги в ожидании эмтээсовского трактора стояли крепко засевшие четыре машины. Водитель, взявший меня в спутники, почесал затылок, нажал на газ и... увеличил компанию товарищей по несчастью.

— Ну что ж, придется загорать! — вздохнул водитель. — Извините... Хотя вон подвода...

Возница, коренастый старик с окладистой бородой, настоящий полещук, когда я подосадовал, что не оказался на машине с двумя ведущими мостами, мрачновато сказал:

— Хоть какие машины выдумывайте, а если дороги в порядке не содержите, все равно будете вязнуть со всеми своими ведущими и неведущими.

Взвалив на меня ответственность за состояние дорог, старик, обогнув беспутье и выбравшись на твердый грунт, махнул кнутом.

— Видно, это местечко испокон веков проклинают? — спросил я.

— Не скажи. Местечко знатное, — не сразу откликнулся он. — Были времена — здесь такое творилось...

— А что же тут было?

Бородач, как заправский рассказчик, свернул сначала цигарку, закурил и стал вглядываться в красный огонек самокрутки.

Я совсем было отчаялся услышать от него хоть одно слово, как он начал:

— Году в двадцатом, может, позже, тут лютовали каратели. Сам черт, видать, не знает, откуда берутся такие люди. Поодиночке и в беде трусливы, а как соберутся в свору — и зверя не найдешь, чтоб сравнить.

В ту самую пору появился в наших лесах Артем. Эх, и отчаянный был парень! Не какой-нибудь грабила. К народу был приветлив.

В местечке собрались начальники. Подвыпили, стали шуметь да буйствовать и хвастать один перед другим. Захвачу, мол, Артема живьем.

И вот в залу входит ксендз.

Слышит: все ругают Артема — и давай тоже. Ругал хлеще всех, а в самый горячий момент — прыг на стол, стащил черное свое тряпье и как гаркнет:

— Перед вами Артем! На колени, сучьи сыны! — И вытащил маузер.

Конечно, тут как тут артемовские хлопцы. Пришлось храбрым воякам отдать оружие и, лишившись ремней и пуговиц на штанах, просидеть дотемна в свинарнике.

Ребята погрузили добро на возы. Сто возов, не менее, увезли в лес, где теперь бездорожье, а потом пораздавали имущество народу. Босой — бери сапоги, голый — наряжайся в куртку или шинель.

Все бы хорошо, только это был последний день Артема. Выпил он стакан вина, а в вино гады успели всыпать яду. На том самом местечке — помнишь, высоченный дуб раскинулся? — так вот в ногах у этого дуба и лежит Артем. Светлая ему память!

Бородач опять старательно задымил цигаркой.

— И что ж, все это было на ваших глазах? — спросил я.

— Я-то не был.

— А кто же видел, как было дело?

— Говорят тебе, было,— значит, было! — возразил старик.

Поездка в Копаткевичский район, встреча со стариком и самый его рассказ, возможно, были б навсегда забыты, если бы...

Если бы совсем недавно Кирилл Прокофьевич не рассказал об одной из ранних операций своего Полесского отряда. Рассказ и временем и местом действия воскрешал легенду бородача-возницы, кроме одной подробности: Артем-Орловский остался жив.

В другой раз на смелый подвиг партизан Орловского меня навели скупые газетные строки.

Слежавшиеся от времени страницы «Правды» перенесли меня в бурные события первой половины двадцатых годов.

Промелькнул заголовок со словом «партизаны».

«Варшава, 25 сентября (РОСТА). Партизанский отряд численностью в 40 человек напал на линии Парохонск — Ловча на пассажирский поезд».

Следующий номер газеты:

«Варшава, 27 сентября (РОСТА). Польская печать занята обсуждением нападения партизан на поезд под Лунинцом... Газеты отмечают, что хотя в поезде ехали воевода, начальник полиции, епископ, жандармы и полицейские, но никакого сопротивления нападающим оказано не было...»

Еще телеграмма:

«Варшава, 29 сентября (РОСТА). Вернувшийся из инспекционной поездки по окраинам министр внутренних дел Гибнер сообщил сотруднику «Курьера польского», что воевода Довнарович, ехавший в поезде, на который под Лунинцом было совершено нападение, подал в отставку».

Корреспондент РОСТА, пользовавшийся официальными польскими источниками, естественно, не мог описать операцию в полном соответствии с действительностью. Газеты Варшавы умолчали причину отставки Довнаровича.

А дело это происходило вот как.

В отряде Мухи Михальского, как назывался тогда Орловский, узнали, что в конце сентября парадный поезд со свитой сановников направится в глубинные районы Полесья.

Орловский решил встретить большое начальство, как и полагается по высшему этикету, в пути. Он переоделся в форму железнодорожного рабочего и, расположив своих друзей по обе стороны дороги, приладив под мостом полпуда взрывчатки, встал на пути и, когда показался поезд, поднял красный флажок.

День был погожий, приветливый. Все кругом дышало миром и спокойствием. Кому из пассажиров воеводского поезда могла прийти в голову мысль, что «белорусские лапотники» осмелятся напасть на хорошо вооруженный, составленный из отборных офицеров кортеж?

Паровоз остановился в нескольких шагах от Мухи.

— Чего там? — окликнул машинист.

Муха ответил условным знаком. Не машинисту — своим людям. С обеих сторон из леса открылась частая стрельба. Лес, казалось, кишел партизанами. А поезд... молчал. Гордые души панов убежали в пятки, заносчивые физиономии прижимались к ковровым дорожкам.

Все, что произошло в последующие минуты, сделало бы честь любому режиссеру. Действие разворачивалось гладко, «без накладок». Машинист и его помощники смиренно сошли с паровоза, который, отцепившись от состава, лихо покатил к Лунинцу. Взрыв моста был похож на артиллерийский залп...

Михальский-Орловский вошел в вагон-салон, где застал воеводу в обществе старших офицеров и двух девиц, и, как и подобает обстановке, повел свою речь в высоком стиле:

— Ясновельможный пан Довнарович, не знаете ли вы, как светлейшие шляхтичи, кровные братья ваши, наказывают крестьян за то, что они хотят жить по-людски?

Смуглое лицо воеводы осунулось, усы обвисли. Мелким бисером пота покрылись виски и верхняя часть лба.

— Чем могу служить... пану? — нетвердо спросил воевода.

— Прошу за мной! — любезно пригласил партизанский командир.

Недавно назначенный воевода собственными руками продемонстрировал изысканность генеральского туалета, оголяя холеное поросячье тело.

Высекли Довнаровича в присутствии офицеров. Они стойко вынесли испытание и, будучи благоразумными, нашли в себе волю не пошевелить пальцем, решив, что пыль от ковров и дорожек легко стереть носовым платком, тогда как следы порки надо залечивать.

Партизан вместе с Орловским было всего... семнадцать человек.

Из всей группы Орловского-Михальского впоследствии пострадал только Василий Корж — лучший его друг по совместной партизанской борьбе, ныне генерал в отставке, Герой Советского Союза, по примеру Орловского пошедший работать председателем колхоза в артель имени Ворошилова в Ленинском районе на Полесье. Были схвачены и отправлены на вечную каторгу отец и брат Василия Коржа.

Однако почему Орловский отпустил на волю сопровождавших Довнаровича офицеров? Почему высек, а не расстрелял воеводу?

«Перебей мы Довнаровича и его свиту — их превратят в великомучеников и героев. А так — пусть своим позорным существованием коптят белый свет и напоминают, что время безнаказанных издевательств над народом ушло»,— так думал тогда Орловский.

Испания

Накаленная солнцем испанская земля...

Тридцатикилометровый переход с короткими передышками был пределом возможного, окончательно вымотал даже тех, кто в горах родился и вырос. А каково Кириллу Орловскому! За первые два месяца партизанской деятельности в горах он похудел на девятнадцать килограммов.

Однако «двужильный русский» беспокоится лишь о времени:

— Привал только до восхода солнца! Караулим Хосе и я.

Юный Хосе переводит приказ на свой звонкий язык и подсаживается к Кириллу. Снизу доносится неумолчный шум горной реки. Даже затененный свет карманного фонарика может выдать отряд, и Кирилл «отрабатывает операцию», восстанавливая карту по памяти.

— Сейчас мы над самым мостом. Дорога петлей поднимается к северу, а потом идет через перевал и спускается к нашим. После перевала — крутой поворот. Нельзя ли там организовать взрыв моста? — тихо говорит он Хосе, хорошо знающему эти дикие места.

— Можно, но где взять взрывчатку?

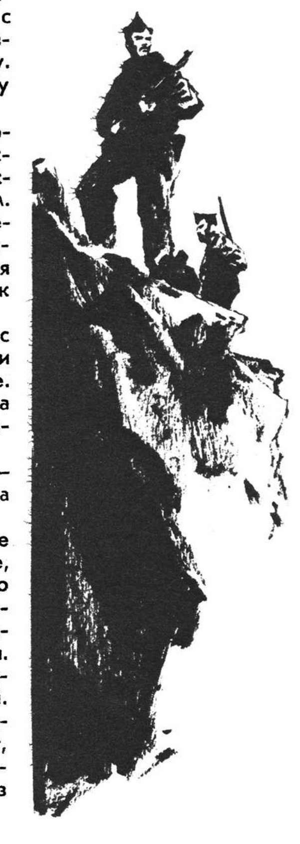
— Хватит двух ящиков. Пойдем вдвоем с тобой. Ребята же возвратятся к повороту. Встретимся в часовне у красного камня.

...Звериная тропа пропала. Ее размыло дождями. Продвигаться можно только ползком. Каждый метр — завоевание. Ох, эти проклятые колючки! Схватишься за куст — как за пучок игл!

Впереди Кирилл с ящиком взрывчатки и магнето в рюкзаке. У Хосе тоже ящик, а кроме того, запалы, провод.

Минут через пять — новый поворот. Видна дорога. Вот и мост.

Кирилла положение не радует. Место открытое, очень трудно незаметно подползти к мосту и заложить взрывчатку. Кирилл смотрит на часы. Без семнадцати двенадцать. Вот и часовой. Беспечно закинув винтовку на плечо, он идет, приплясывая, как это делают, возвращаясь из школы, мальчишки.

Операция свершилась с быстротой молнии. Получив пинок в спину и выпустив винтовку, часовой летит в бездну. Несколько бесшумных кошачьих прыжков, и Кирилл в палатке фашистского караула. Русское «Руки вверх!» оборвало легкомысленную модную песенку. С помощью Хосе предъявлен ультиматум: «Жизнь можно сохранить только беспрекословным повиновением».

А дальше двое чернорубашечников под угрозой пистолета бойко копали землю у опоры моста, а двое других под наблюдением Хосе притащили взрывчатку.

Такими же «паиньками» оставались чернорубашечники, пока на мост въезжала механизированная колонна их однополчан. Косясь на два ствола, направленные на них из чахлых придорожных кустов, они выкрикивали фашистские приветствия.

А потом — взрыв! Кирилл и Хосе возвратились к своим.

...В Испании Кирилл Прокофьевич приобрел много новых друзей. Одним из них был республиканец Хусто Лопес, командир бригады. Перед отъездом Орловского на родину Лопес прочувствованно сказал:

— Спасибо за братскую помощь. Наш народ и русский народ теперь братья навеки. Вива Руссия!

Снова в Полесье!

...Война! Гитлеровские войска вторглись в пределы Родины. Орловский снова партизанит в тех же местах, что и двадцать лет назад.

Выбросившись в декабре 1942 года с самолета, Кирилл Прокофьевич во главе небольшого отряда обосновался в глухих Машуковских лесах, что раскинулись под Барановичами. Местные партизаны в то время несли потери из-за доносов кулаков. Особенно активным предателем был сельский староста Татаринович, выдавший врагам десятки лучших бойцов народного сопротивления. Он обратился к заместителю гаулейтера Белоруссии гебитс-комиссару Фридриху Фенсу с просьбой дать в его распоряжение две—три сотни солдат для полной ликвидации партизанского движения в своей округе.

Об этом Татаринович открыто бахвалился в Ляховичах. Однако ночевать на своем хуторе боялся и отсыпался у полицаев в местечке Свояпичи.

Две недели обмозговывал Орловский, как разделаться с этим мерзавцем. Зимой пробраться на хутор и оставить след равносильно было самоубийству. Наконец стрелка барометра пообещала вьюжную погоду. Пользуясь последним ярким утренним солнцем, Кирилл открыто повел своих бойцов к Татариновичу «на завтрак». Дерзость предопределила успех. Не ожидал Татаринович такой дерзости и, глядя на светлый день, пребывал в беспечности. Увидя партизан, он кинулся к пистолету. Одного выстрела было достаточно, чтобы через четверть часа полицейская банда блокировала хутор. Однако железные партизанские руки стиснули волосатые кисти старосты.

Взглянув из-под мохнатых бровей на ладные комбинезоны парашютистов, в какие были одеты бойцы Орловского,— с них не сошел еще армейский лоск,— Татаринович смекнул, что за ангелы прилетели по его грешную душу.

...Всего не перечислить, обо всем не поведать... Но случилось и такое, о чем не умолчишь.

— Вечером 16 февраля 1943 года,— рассказывает Кирилл Прокофьевич,— разведка донесла, что следующим утром по одной из лесных барановичских дорог проедет со свитой гебитс-комиссар Фридрих Фенс, заместитель гаулейтера Белоруссии, тот самый, к кому обращался за помощью Татаринович.

Гебитс-комиссар ехал на кабанью охоту. Именем этого гитлеровского палача даже немки пугали своих детей.

Основные силы отряда были отвлечены дальней операцией. Упустить же такой удобный случай Орловскому не хотелось. Собрав десятка полтора бойцов, он немедленно вышел на операцию.

Расположив людей у дороги, Кирилл сам залег в засаду. В шестом часу утра послышался скрип саней.

Показались первые сани, вторые, третьи... седьмые... одиннадцатые. Орловский отчетливо видел эсэсовцев, державших наготове автоматы.

«Сорок автоматов... Не избежать потерь...» — соображал Кирилл.

Он умел ценить человеческую жизнь и всегда добивался победы малой кровью. Мысль напряженно работала. Решение было найдено!

Одни за другими в глубокой тишине скользили сани мимо засады. Скрип охотничьего поезда пропал в шуме вековой пущи... Только тот, кто сам пережил подобное, может понять, как невыносимо тяжко удержаться в бездействии, когда враг на мушке.

Враг ушел, но все, что тогда произошло, глубоко обрадовало старого партизанского вожака. Кирилл рад был за людей, которые с полным основанием теперь могут называться настоящими бойцами: воинская дисциплина у них сильнее чувства.

...Двенадцать часов, укутавшись в белые халаты, пришлось пролежать в снежных ямах в февральскую стужу.

Когда начала угасать скупая зимняя заря, послышался шум возвращающегося обоза и пьяный гвалт. Этого-то Кирилл и ждал. Он еще раз примерил, как будет бросать килограммовые толовые шашки. Гранаты нельзя было использовать из-за близости партизан, лежавших у самой дороги.

Подводы опять проходили мимо Кирилла... Вот и сани, где в собачьей дохе блаженно полулежал Фридрих Фенс. Орловский вскакивает на колено, бросает первую шашку. Взрыв! Завязывается бой. Кирилл следит за Фенсом, вновь подымается, чтобы кинуть вторую шашку. Взмахнул, но...

Шальная пуля попала в детонатор. Шашка взорвалась в руке.

Орловского отбросило в сторону. Из обоих рукавов хлынула кровь; застывая, она превращалась на снегу в темную корку. Еще не чувствуя боли, Кирилл заметил оказавшегося рядом бойца:

— Стреляй!

Партизан удивленно оглянулся. Из ствола его автомата мелькали огоньки, а Кирилл ничего не слышит. Ничего! Его оглушило.

До врача добрались ночью. Он оказался на месте, но хирургического инструмента у него не было. Не было и наркоза. Однако медлить с операцией невозможно. Потеря крови у Орловского критическая. Решили оперировать любым способом.

Хирургическую пилку заменила начищенная до блеска и прокипяченная слесарная ножовка, скальпель — обычный нож. Чтобы хоть как-то облегчить страдания, раненому дали выпить стакан спирта...

Операция началась, но закончить ее удалось нескоро. Карательная группа фашистов налетела на стоянку. Полуобнаженного Орловского наспех укрыли простынями, одеялами и тулупом, положили в сани и помчали по извилистым лесным тропам в глушь. Там была завершена ампутация правой руки и операция на левой. Все это Кирилл Прокофьевич перенес в полном сознании.

Через три месяца в Москву полетела радиограмма: «Выздоровел, вступил в командование отрядом. Орловский».

Радиограмма короткая, но сколько дум передумал Кирилл Прокофьевич, прежде чем ее передать!..

Пришло лето — самая благоприятная пора для партизанской деятельности. Отряд Орловского активизирует свою работу: взрываются мосты, летят под откос эшелоны, взлетают в воздух фашистские склады.

Однажды старый партизанский вожак решил лично возглавить остроумно задуманный налет на вражескую базу. Пошел и... вернулся. Не мог он уже, как прежде, ящерицей ползать по земле, не слышал осторожных шагов...

Но Кирилл Орловский оставался душой и мозгом своего отряда. Теперь молва шла не об Артеме или Мухе Михальском, а о «Безруком». Кличку часто принимали за фамилию.

Кирилл Прокофьевич приобрел было уже привычное душевное спокойствие, как вдруг приказ: «Возвращайтесь в Москву».

Этот приказ повторился трижды, и только тогда Орловский сел в самолет, взявший курс на Большую землю.

После лечения Кирилл Прокофьевич некоторое время пожил в Москве, потом, решив посвятить себя, как он говорит, самому трудному на земле делу — сельскому хозяйству, поехал в родные края.

Поезжайте в Мышковичи, и вы услышите, с какой теплотой колхозники зовут своего земляка:

— Наш председатель...

АРАГОН ПОЭТ, ГРАЖДАНИН

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

В конце 1943 года в оккупированном гитлеровцами Париже подпольным изданием вышел поэтический сборник «Честь поэтов». Авторы выступали в нем без подписи либо под псевдонимами Жан Ами, Жак Дестен, Жан Силанс... Кто эти тщательно замаскированные авторы, знакомые ли французским читателям имена, дебютанты ли в литературе,— было тогда неизвестно.

В скором времени сборник «Честь поэтов» дошел до нас, в Москву. Хорошо помню, как в затемненном номере одной из московских гостиниц Жан-Ришар Блок, волнуясь сам и заставляя волноваться слушателей, читал нам стихи из подпольной французской книжки. Особенно произвела на нас впечатление «Баллада о том, как поют под пыткой», подписанная Жаком Дестеном. Имя Дестена перекликалось с русским словом «судьба». Баллада рассказывала о французе, узнике гестапо, о борце национального Сопротивления, который гибнет под пулями с пением «Марсельезы»:

Под пулями успел он фразу
Пропеть: «К оружью, граж...»,
И грянул залп. И рухнул сразу
Товарищ славный наш.
Но «Марсельеза» стала скоро
Той песнею другой,
Той самой лучшею, с которой
Воспрянет род людской.

И еще и еще читал Ж.-Р. Блок стихи из сборника. Среди них было одно или два, подписанные тем же именем Жака Дестена, и они казались наиболее значительными и близкими нам по своей ясной и точной реалистической манере.

Затем прошло еще полтора года, полных событий мировой значимости. Жан-Ришар Блок уехал на родину, в освобожденный Париж. В мае 1945-го советский народ праздновал победу над фашизмом. Наступила первая мирная осень. В сентябре 1945 года на очередном четверге в «Комсомольской правде» мы впервые встретились с французским поэтом, которого знали под именем Жака Дестена. Это был Луи Арагон — высокий, статный человек лет пятидесяти. Рядом с Арагоном была его жена, Эльза Триоле.

Оба они жили при гитлеровцах в деревне на юге Франции под чужими именами, у них была маленькая типография, в которой они печатали подпольные листовки и газеты, сами были их основными авторами, не однажды рисковали жизнью.

В прошлом изощренный мастер, один из основателей группы сюрреалистов, Арагон проделал путь развития, характерный для многих его французских сверстников, но прошел по этому пути значительно дальше, нежели кто-нибудь из них. Заслуга Арагона в том, что он сознательно и последовательно возвращал своему поэтическому языку простоту и ясность, чувство и силу реальной правды и тем самым возвращал поэзию народу, широким массам читателей.

Поэзия Арагона — это поэзия мужественная, демократическая. Сегодня она воскрешает гражданскую традицию Гюго и Барбье и вслед за тем ищет еще более глубоких корней во французской истории, в революционных традициях народа, в его подвигах.

Луи Арагон.

Еще в 1935 году на Международном конгрессе писателей в защиту культуры Арагон сказал прекрасные слова, не потерявшие силы и сегодня. «Я требую возврата к реальности, и таков урок, данный нам Маяковским, вся поэзия которого исходит из реальных условий революции, — Маяковским, сражавшимся с вшами, невежеством и туберкулезом, Маяковским — агитатором, горланом-вожаком, не только там, тогда, в дни гражданской войны, но здесь, когда реализуются условия Всемирной Революции!»

Надо отдать Арагону должное — он ни разу не изменил провозглашенным им самим лозунгам. Позиция его всегда была ясна и тверда. Ему помогали и сила латинской логики, присущая французским просветителям со времен Вольтера, и тот «острый галльский смысл», который нам, русским людям, особенно дорог во французах.

Деятельность Арагона после войны развернулась чрезвычайно широко и разнообразно. Арагон — в передовой шеренге борцов за мир, член Всемирного Совета Мира, член ЦК Французской компартии, блестящий пропагандист, редактор многих изданий, и периодических и других, признанный учитель поэтической молодежи, — и вся эта политическая и общественная деятельность не мешает его напряженной творческой работе.

Роман Арагона «Коммунисты» задуман как многотомная эпопея французской жизни в годы, предшествовавшие войне, во время войны и после нее. Мы знакомы до сей поры с двумя опубликованными на русском языке томами и можем судить о замысле автора, о широте охватываемой им картины. На страницах, прочтенных нами, теснится многое множество действующих лиц. Все классы французского общества представлены здесь. Рабочие и солдаты, политические деятели и космополитствующие спекулянты, молодые, старые, умные, глупые, честные и подлые, но все это живые люди, характеры, судьбы, типические для нашего времени. Роман Арагона начат уверенно и горячо, смелыми и широкими мазками. Политический памфлет сменяется суровым отчетом о жизни солдатского взвода, гротескная карикатура — лирическим рассказом о первой любви. Незачем гадать, как развернется в дальнейшем повествование Арагона, но и то, что сделано им сейчас, говорит о большой реалистической силе писателя.

Стихи Арагона, написанные и опубликованные после войны, достойно продолжают его поиски живого гражданского стиха, поиски заново почувствованной народной формы. Арагон замечателен и, пожалуй, не сравним ни с кем из живущих сейчас западных поэтов еще потому, что в поле его зрения все поэтическое хозяйство мира, вся поэзия, прошлая и настоящая. Конечно, прежде всего французская. Он воскрешает забытые имена и оболганные репутации, поднимает заново давнишние, казалось бы, проигранные литературные тяжбы, и все это делает с живой страстью, как человек, кровно заинтересованный в расцвете новой гуманистической культуры.

Арагон — верный друг и горячий пропагандист советской литературы. Трудно оценить и взвесить, сколько им лично сделано для того, чтобы французские читатели знали советскую литературу. Статьи и книги о нашей многонациональной поэзии, сборники избранных рассказов советских писателей, им составленные,— вся эта каждодневная работа Арагона существенно дополняет его писательский облик, она должна быть зачтена ему, отмечена нами, как заслуга перед советской литературой. Мы уже приводили его слова о Маяковском, сказанные еще в 1935 году. Совсем недавно, с трибуны Колонного зала на нашем Втором всесоюзном съезде писателей, в 1954 году, Арагон высказывался еще отчетливее и полнее: «Поэзия черпает свою силу в текущей истории, в жизни реальных людей, в ответах на вопросы, которые встают перед этими людьми. Поэзия — это оружие в их борьбе, в которой поэт отличается от других людей только силой и действенностью слова и песни».

Сейчас Арагону исполняется 60 лет. Это ни много, ни мало для такого человека и деятеля, как он. Это веха на пути, устремленном в будущее. Походка его юношески тверда, а звонкий голос слышен очень издалека. Можно быть уверенным, что это продлится еще долгие годы, десятилетия, полные труда. Мы от души желаем их нашему славному другу, французскому поэту Луи Арагону.

Начало работы

«Я прежде стал революционером, чем писателем, и когда взялся за перо — был уже сформировавшимся большевиком. Несомненно, от этого и мое творчество стало революционным»,— в этих словах Александра Фадеева содержится ключ к пониманию его творческой биографии, столь характерной для первого поколения советских писателей, зачинателей великой литературы социалистического реализма.

При жизни Фадеев решительно протестовал против публикации громоздких, многолистных книг о его творчестве. «Такого рода труды,— писал он А. Котову,— вызывают у читателя естественное недовольство, создают впечатление «нескромности» со стороны авторов этих трудов и со стороны писателя, которому подобные труды посвящены».

Однако Фадеев считал, что популярные брошюры о современных советских писателях будут полезны широкому кругу читателей, особенно учителям, библиотекарям. Таков и очерк К. Зелинского о жизни и творчестве А. Фадеева.

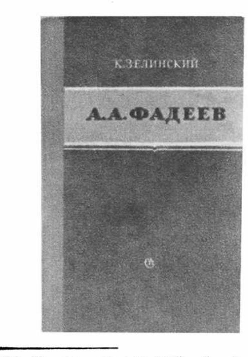
Автор очерка не ставил своей задачей подведение итогов многогранной деятельности Фадеева. Внимание К. Зелинского привлекают основные этапы художественного творчества писателя. При этом критик совершенно правильно подчеркивает главную, решающую черту Фадеева как писателя и общественного деятеля: его воинствующую партийность, являющуюся для Фадеева тем верным компасом, с помощью которого он всегда шел в первых рядах советской литературы.

«Все лучшее, что я сделал,— говорил Фадеев в день своего пятидесятилетия,— на это вдохновила меня наша партия. И я горжусь тем, что состою в нашей великой Коммунистической партии, и считаю это огромной честью для себя!»

К. Зелинский обстоятельно анализирует романы А. Фадеева «Разгром», «Последний из удэге» и «Молодая гвардия», правильно вскрывая характерные особенности реализма Фадеева, объясняя его особую художническую манеру письма, его стилевые особенности — словом, последовательно и убедительно раскрывая весь сложный процесс идейно-творческого развития большого художника.

Научная разработка наследия А. Фадеева, в сущности, только начинается. Нет сомнения в том, что в ближайшие годы появятся новые, более обстоятельные работы о жизни и творчестве А. Фадеева. Умная и талантливо написанная книга К. Зелинского продвинет изучение литературного наследия писателя.

С. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

К. Зелинский. А. А. Фадеев. Критико-биографический очерк. Москва. Изд-во «Советский писатель».

САМЫЙ КРАСИВЫЙ НА СВЕТЕ

Рассказ

Татьяна ТЭСС

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО.

Хозяйка лавочки все еще стояла у дверей. Это была толстая итальянка в пестром бумажном платье, добродушная и приветливая. Утром, проходя мимо, я купила у нее брелок с видами Капри. Сейчас она снова зазвала меня.

— Может быть, синьора купит кастаньеты? — спросила она с сомнением и на всякий случай лениво прищелкнула кастаньетами.

Засмеявшись, я покачала головой. Нет, мне не нужны были кастаньеты. Хозяйка огорченно посмотрела на меня.

— Торговля сегодня идет плохо,— пожаловалась она.— Туристы сейчас так расчетливы! Все стали скупы, как французы.— Она пожала плечами.— А ведь синьора видит, какой в моем магазине выбор...

Она показала на товары, вынесенные прямо на улицу, под полосатый тент. Здесь висели пестрые соломенные сумки, кастаньеты, украшенные изображением ласточек, бутылочки кианти в плетенке, рассчитанные на один глоток, брелоки для автомобильных ключей, яркие наклейки, которые туристы приклеивают на стекла своих машин. Заведенная ключом балерина меланхолически кружилась, стоя на игрушечном рояле. В его крышке отражался слепящий полуденный луч.

Это были те бесполезные и недорогие сувениры, которые увозят с собою туристы всех стран в тщетной надежде, что пробуждаемые ими воспоминания повторят хоть на миг то неповторимое чувство, что было пережито под сводами Лазурного грота или у фонтанов Рима.

— Отдохните немного,— жалобно сказала хозяйка, и я остановилась возле нее в тени полосатого тента.

Спешить мне сегодня было некуда. Пожалуй, никто никуда не спешил на этом игрушечном острове. Отсюда, с набережной, была видна стеклянная голубизна прибоя, играющего у камней, и узкая улица, круто уходящая вверх. На веранде ресторана «Гротта Адзура» у незанятых столиков томились официанты. Лился полуденный зной, золотистый и густой, как мед.

— Сезон только начинается...— пробормотала хозяйка.

Она стояла, прислонившись толстой, мягкой спиной к дверям. Глаза ее сонно глядели на улицу. Неожиданно в них вспыхнул блеск любопытства; толстуха оживилась, швырнула кастаньеты на прилавок и ринулась из лавки.

— Свадьба, синьора! — закричала она.— Идите, отсюда хорошо видно!

По улице спускалась свадебная процессия. Впереди шла невеста в белом платье и фате, украшенной флердоранжем. Рядом шагал жених, здоровенный, равнодушный детина с черными, словно лакированными волосами и мускулистой грудью, угадывающейся под парадным пиджаком. Невеста, худенькая, большеротая, с влажными коричневыми, как каштаны, глазами, несла в руках букет роз.

За ними тянулось целое шествие — отцы, матери, старые бабушки, дети, подружки невесты, друзья жениха... Процессию замыкала Анджела, неуклюжая, худая девчонка в бумажной курточке и длинных узких брючках, работающая в туалете при ресторане «Гротта Адзура». Она плелась сзади, с любопытством уставившись на жениха, и поминутно оглядывалась, не зовет ли ее из ресторана хозяин.

— Это Беппино, парикмахер! — возбужденно объясняла мне толстуха. — Он женился на Джудитте, дочери нашего зеленщика. Видите худую женщину с красной сумочкой в руках? Это мать невесты, Мария-Роза. Поздравляю вас, синьора Бенчини! — завопила она на всю улицу, прижимая руки к груди и кивая головой.— Вы счастливая мать! Иметь такую дочку, как ваша Джудитта, такую красотку и умницу — это же счастье для матери! Тебе повезло, Беппино, получил такое сокровище... Храни тебя мадонна, Джудитта, желаю тебе счастья! Беппино — хороший парень. Поздравляю и вас, синьор Луиджи, с молодой невесткой...

Краснолицый толстяк, воздевая к небу руки, благодарил хозяйку. Худая, востроносая, как галка, Мария-Роза кивала головой и кричала что-то в ответ. Невеста рассеянно улыбалась, прижимая к груди цветы. Один Беппино был равнодушен по-прежнему и шагал, выпятив мускулистую грудь, не глядя по сторонам; сзади, не спуская с жениха зачарованных глаз, плелась маленькая Анджела.

Из-за угла выбежал бродячий фотограф. Он наставил свой аппарат, и все шествие остановилось под палящим солнцем.

Беппино принял картинную позу, невеста опустила глаза. Краснолицый толстяк приосанился, выставив вперед ногу; Мария-Роза сияла улыбкой; черноглазые ребята, кудрявые, как рафаэлевские ангелы, лезли под объектив.

Все движение на узкой улочке остановилось. К тротуару прижалась открытая красная машина, в которой сидела дама в широкой, как кринолин, юбке, в темных очках, с обнаженными смуглыми плечами. Шофер изо всей силы нажимал на сигнал; бородатый пес, восседающий рядом с шофером на переднем сиденье, оглушительно лаял. Сзади подпирал автобус, полный голландских туристов.

— Один момент, синьоры! — кричал фотограф, поднимая вверх руку.— Синьор жених, прошу улыбнуться! Шире! Еще шире! Прелестно.

— Джудитту каждый вечер встречали в скалах с мотористом катера...— сказала мне в ухо жарким шепотом хозяйка лавки.— Известно, чем это кончается,— я сама мать. Но моторист беден, как кролик. Мария-Роза ее быстро выдала замуж за этого дурака Беппино. Он парикмахер в хорошем отеле, неплохо зарабатывает... Но его отец — о синьора! — его отец! Такого скряги свет не видал. Он забирает у детей все деньги, жену загнал в гроб — это знает вся улица. Бедняжка Джудитта, мне ее так жаль, я сама мать, синьора, я все понимаю...

Степенные голландские путешественники, сидя в раскаленном от солнца автобусе, томились от жары и вытирали лица белоснежными платками. Пес продолжал лаять, высовываясь из «Шевроле». Близ огромной мясистой агавы остановился старомодный конный фиакр; там сидели два немца в шляпах с перышками; возле козел кучера был прикреплен вполне современный автомобильный счетчик. Сзади вплотную подъехал еще один автобус.

Но свадебная процессия, как ни в чем не бывало, позировала перед аппаратом, как если бы все они, во главе с женихом и невестой, были совершенно одни на белой от солнца, пахнущей бензином, морем и розами дороге.

— Анджела! — долетело из ресторана.— Анджела, в туалет!

Но Анджела не двигалась, точно окаменела. Она не слыхала зова, не замечала бегущего времени; длинноногая и нескладная в своих измятых узких брючках, она стояла на дороге, уйдя всей душой в созерцание свадебного кортежа и ослепительного Беппино с его лакированными волосами и белым платочком в кармашке пиджака.

— Благодарю вас! — закричал фотограф.— Снимки будут готовы через час — очаровательное воспоминание о неповторимом дне, вы со мной согласны, конечно...

— О, бедняжка!..— вздохнула стоящая возле меня хозяйка лавки и поправила шпильку, падающую из черных жирных волос.

Процессия тронулась дальше. «Шевроле», мягко замурлыкав, прошелестел по асфальту и мгновенно исчез вместе с обнаженной красоткой и бородатым псом. Анджела, наконец очнувшись, поплелась назад, к ресторану.

В это время я увидела идущего по дороге толстяка в берете. Это был Марини, агент по продаже подержанных автомобилей. Я по-

знакомилась с ним и его женой в Риме и даже была однажды у них дома, в маленькой квартире, выходящей двумя окнами на Тибр. У Марини было трое детей; жена его, забавная живая женщина с усиками над полной верхней губкой, была беременна четвертым.

Джино Марини был оптимист. Сидя за бутылкой дешевого вина, он долго и горячо уверял меня, что итальянцы больше всего любят красивую природу, детей и женщин и умеют существовать легко, не обременяя себя чрезмерной работой.

— Взгляните на меня, синьора, я умею жить! — говорил он, наливая вино.— Завтра я покупаю почти новый «Крайслер» у одного американца. Он ездил на нем едва ли несколько месяцев и теперь отдает нам за бесценок. Мы продадим его с большим барышом. У вас это, кажется, называется спекуляцией? Но я получу от хозяина свой процент с продажи; это — дело, синьора, это мой заработок, мы живем на этот заработок, и неплохо живем, как вы видите...

Он обвел широким, слегка театральным жестом обстановку небольшой комнаты, стулья с потертой обивкой, облупившиеся низенькие окна, колченогий стол в углу... Жена, надув пухлую губку с усиками, смотрела на него снисходительно, как на ребенка.

— У вас, русских, вся жизнь в работе,— продолжал разглагольствовать Марини. — Вы не щадите ни своих сил, ни сердца, вы находите высшее счастье в труде. Мы же предпочитаем другие земные блаженства. В конце концов человек живет только один раз! Стакан сухого вина, прогулка за город, беспечная улыбка — это так украшает жизнь! К чему торопиться? Нет, нет, не спорьте, синьора, я знаю, о чем говорю...

Пока мы разговаривали, жена его подошла к окну и, высунувшись на улицу, тараторила с разносчиком зелени. Она попрекала его за то, что в прошлую среду он подсунул ей гнилую луковицу, а он клялся и божился, что луковица была свежая и душистая, как роза. Крик их оглашал всю улицу. Наконец женщина спустила из окна на веревке плетеную корзинку с мелкими деньгами на дне и тотчас же втянула ее обратно. В корзинке лежало несколько луковиц и пучок салата; женщина долго критически рассматривала их и унесла на кухню.

— Если вы хотите увидеть, как может быть прекрасен мир, обязательно поезжайте на Капри. — Мой собеседник откинулся на спинку стула.— О, это самый красивый остров на свете! Когда господь бог создавал нашу землю, он лучшую часть моря и неба отдал Италии, но самый лакомый кусочек приберег для Капри. Неужели вы не побываете на Капри? — На лице его изобразился ужас.

Я заверила его, что обязательно побываю на Капри, и стала прощаться. Марини собрался проводить меня до гостиницы.

Когда мы уходили, жена задержала его в маленькой, тесной передней и что-то шепнула на ухо. Марини стал шарить по карманам. Он долго хлопал себя то по боку, то по карману пиджака, наконец отыскал несколько бумажек и виновато сунул их жене. Она с разочарованием поглядела на них, хотела что-то сказать, но он уже выскочил на лестницу.

Кошка с урчанием шарахнулась от нас и побежала по ступенькам; из соседней двери повеяло горячим чесночным запахом; внизу на стульях, вынесенных прямо на тротуар, сидели болтливые грузные старухи; растрепанная, прекрасная, как Монна Лиза, девушка лежала грудью на подоконнике и лениво глядела на улицу; ребята кричали и тузили друг друга посреди мостовой... И над всей этой суматохой дышало и светилось живое, теплое, сияющее закатом небо Италии — «лучшее небо, созданное господом богом на нашей земле...»

Через несколько дней я приехала на Капри.

И вот сейчас Джино Марини с его брюшком, залысинами на висках и добродушнейшей улыбкой стоял передо мною среди сверкающих машин и брызг прибоя.

— Вы здесь, синьора, как я счастлив! — закричал он.

— Ну, как идут дела с «Крайслером»? — осведомилась я.— Сделка завершена?

Марини махнул рукой.

— Американец оказался скрягой,— вздохнул он.— Заломил такую цену, что нам пришлось отказаться.— Он пожал плечами.— Но ничего! Мне сообщили, что сюда приехали на машине два богатых англичанина. Я знаю, что такое англичанин. Чтобы не иметь хлопот, он готов перед отъездом бросить машину прямо на улице. Отличный новенький «Додж»! Можно будет купить его за бесценок. И вот я примчался, чтобы не пропустить такой блестящий случай...

Он радостно засмеялся.

Мы прошли вверх по крутой узкой улочке. За углом стояла тележка, на ней была разложена всякая снедь: зеленый лук, длинный и острый, как шпага, артишоки, огромные усатые омары, крупная блестящая клубника, на которой еще как будто не просохла роса... Небритый верзила скучал возле тележки, ожидая покупателей.

— Пожалуй, неплохо бы пообедать...— сказал Марини, с интересом поглядев на омаров, и почему-то вздохнул.— Что вы думаете об этом? Если вы послушаетесь моего совета, нас накормят отличной и недорогой едой. Настоящие итальянские спагетти — это незабываемая вещь, можете мне поверить...

Мы прошли мимо заправочной станции. Худой загорелый мальчишка лет четырнадцати накачивал камеру, горланя песню. Висели яркие рекламы, приглашающие покупать бензин только у фирмы Esso. За углом была маленькая траттория.

— Прошу вас! — Марини распахнул дверь.

В общем он был славным парнем, Джино Марини, с его детским хвастовством, розовой лысиной и усталыми глазами неудачливого маклера. К тому же я ни разу не была в настоящей траттории. В дорогих ресторанах тоже подавали спагетти. Но это были обыкновенные клейкие макароны, которые подавали только иностранцам. Итальянцы, как я заметила, их не ели.

Только попав в этот кабачок, я поняла, что такое настоящие спагетти. С мясной подливкой, с томатом, с чесноком или с оливковым маслом, с острым овечьим сыром... Тут-то уж знали толк в макаронах. И народ здесь был настоящий — шоферы, мотористы с катеров Лазурного грота, рыбаки, уличные торговцы. За стойкой, уставленной бутылками, сидела полногрудая блондинка с быстрыми глазами, в туго обтягивавшем джемпере.

Нам подали блюдо спагетти, залитых ярко-красным соусом, и бутылку дешевого вина в плетенке. Марини ловко намотал макароны на вилку и сунул в рот.

В это время в тратторию вошел человек с тросточкой. Несмотря на жару, он был в крахмальном воротничке, подпирающем подбородок. Человек держался очень прямо. Лысый, невысокого роста, с квадратным, изрезанным морщинами лицом и квадратными плечами, он прошел ровной походкой между столиками и сел у самой стойки, неподалеку от нас.

— Поглядите на него внимательней, прошу вас...— шепнул мне Марини.— Я расскажу вам кое-что интересное о нем.

Я поглядела внимательно, но увидела все то же: смуглое, покрытое морщинами лицо, тяжеловатый подбородок, не слишком новый, но тщательно отглаженный костюм, тросточку, прислоненную к столу...

Марини придвинул ко мне свой стул.

— Этот человек работал гидом у доктора Питера Доверса,— зашептал он.— Доверс — богатый голландец, филантроп, собиратель произведений искусства. Свою виллу на Капри он превратил в настоящий музей. По вторникам он разрешал любоваться его сокровищами посторонним. Эджисто,— он показал на человека с тросточкой,— был в его галерее гидом. Как-то и я забрел туда: мне сказали, что в галерею приходят богатые иностранцы, которые, может быть, захотят продать машину. Ну и наслушался я там! — Он всплеснул руками.— Эджисто знал историю каждой картины, даже самой маленькой, каждой скульптуры. О великих мастерах он рассказывал так подробно, словно каждый день бывал у них дома. О Рембрандте я узнал столько, сколько не знал за всю свою жизнь. Можете представить, этот художник, за каждую картинку которого сейчас платят бешеные деньги, умер нищим! Превратности судьбы, что поделать!..— Марини вздохнул. — Когда к Доверсу приезжали друзья и хотели посетить Рим, он отправлял с ними Эджисто. Тот знал назубок все музеи Рима, все дворцы, все соборы. Можно было заслушаться, как он рассказывал, клянусь богом! Это был лучший гид в Риме. Поглядите на него внимательней, прошу вас...

Человеку с тросточкой принесли спагетти, вино и сыр. Он придвинул тарелку и начал есть.

— Вы не знаете самого главного! — возбужденно зашептал Марини.— Эджисто — слепой. Да, да, он совершенно слеп! И из этого человека Доверс сделал гида. Доверс создал его, как бог создал из глины Адама. Он научил его всему: знанию сокровищ Европы, пониманию искусства, чувству прекрасного. Он фантастически развил его память. Эджисто знал каждую картину лучше, чем если бы видел ее собственными глазами. Он мог заткнуть за пояс любого зрячего гида. Доверс очень дорожил им, как вы понимаете...— Марини поднял вверх палец.— Сейчас мы попросим его, чтобы он что-нибудь рассказал, — добавил он заговорщицким шепотом.— Да, да, это очень интересно, можете мне поверить...

Он отодвинул свой стул.

— Добрый день, Эджисто! — сказал он громко и весело.— Со мной приезжая синьора, она из России и очень любит искусство. Синьора собирается в Рим. Она еще не была в соборе святого Петра, можете себе представить...

Эджисто слегка привстал и сделал церемонный полупоклон.

— Я завидую вам, синьора...— сказал он. У него был глуховатый, но мягкий и приятный голос.— Вам предстоит увидеть чудо.

— Послушайте, Эджисто, расскажите синьоре кое-что о соборе,— продолжал добряк Марини.— Кто знает, может быть, ей попадется в Риме какой-нибудь шарлатан вместо гида!..

Эджисто помолчал.

— Я советую синьоре вначале постоять несколько минут на площади перед собором,— наконец сказал он.— В самом центре, в той точке, где четыре ряда колонн как бы сливаются воедино. Колоннада предстанет перед вами единым полукружием, величественным и вместе с тем непостижимо легким. Я не знаю, как синьора относится к барокко.— Он опять сделал в мою сторону легкий полупоклон.— Не всем по душе эта беспокойная грандиозность, прекрасная, но полная высокомерных преувеличений.— Он улыбнулся.— И все же, мне кажется, из всех творений Бернини колоннада перед собором — лучшее, что он создал! Оттуда же, с центра площади, поглядите на купол. Вы сразу ощутите, как он благороден и прост среди торжества барокко, его роскоши и грандиозности. Это Микеланджело, синьора, это его божественная рука, вы узнаете ее сразу...

Он отодвинул стул и задумался.

— Когда вы войдете в собор, справа от

входа вы увидите скульптуру,— продолжал он. — Перед вами Пиета. Микеланджело создал ее, еще будучи юношей. Обычно все сразу устремляются к статуе святого Петра, но, по моему суждению, в ней нет ничего интересного. Статуя Петра сделана с языческим бесстрастием.— Он пожал плечами.— Всех занимает нога святого, зацелованная грешниками до того, что бронзовая ступня потеряла свою форму. Но камень, обкатанный волнами, тоже становится гладким; это ведь не искусство, синьора, не правда ли?.. Нет, надо идти прямо к Пиета. Пиета — бессмертная скорбь матери! — Голос Эджисто обрел звучность и силу.— Вглядитесь в нее, синьора, побудьте с ней рядом так долго, как сможете. Это не мадонна, это мать, которая смотрит на убитого сына. Обратите внимание на ее лицо, оно полно скорби и милосердия. Не удивляйтесь, если вам покажется, что губы ее вздрогнули от рыданий. Это — чудо, синьора, чудо, сотворенное резцом юного гения,— Микеланджело в ту пору едва ли было многим больше двадцати лет...

Марини торжествующе посмотрел на меня.

— Блеск, Эджисто, блеск! — сказал он довольным голосом.— Я всегда говорил, что лучшего гида, чем вы, трудно встретить.

— Благодарю вас, синьор Эджисто,— произнесла я тихо.— Я не забуду вашего рассказа.

Эджисто снова отвесил церемонный поклон и вернулся к своим спагетти.

— Он умеет жить, не правда ли? — зашептал мне в ухо неугомонный Марини.— Вы видите, он умеет брать от жизни те радости, которые она дает,— искусство, вино, благоухание цветов... Уметь брать от жизни радость — это ведь тоже дар, и мы, итальянцы, владеем этим даром...

Он допил вино и покосился на часы. Полногрудая блондинка за стойкой, поймав его взгляд, лениво, одним движением подбородка направила к нам официанта. Марини окинул веселым взглядом ее литую шею и низко открытую джемпером смуглую ложбинку, рассекающую два колеблющихся холма, и послал ей воздушный поцелуй. Блондинка равнодушно отвернулась.

— Надо идти,— сказал Марини с сожалением.— Пойду искать этих проклятых англичан.

Мы расплатились и двинулись к выходу.

Уходя, я простилась с Эджисто. Он задумчиво тянул из стакана прозрачное вино, лицо его было неподвижно. Услышав мой голос, он встал и поклонился с уже знакомой мне старомодной вежливостью.

Знойный день был в разгаре, и после прохладного сумрака траттории солнце казалось ослепительным. За оградой цвели огромные красные розы; от зноя они отяжелели, сонно раскрыв лепестки и источая могучий аромат... У желтых скал вздымалась и опадала неправдоподобно яркая морская синева.

— Роскошно! — воскликнул Марини, обведя рукою и море и розы, словно это была его собственность.— Самый красивый остров на свете, вы согласны со мною, не правда ли?..

Мы немного постояли у ограды.

Где-то вверху, в проулке перед тесной площадью, белело здание маленькой гостиницы «Эрколано». И, глядя на ее окна, вспыхивающие под солнцем, я вдруг подумала о человеке, который жил в этом доме много лет назад.

Высокая, знакомая его фигура встала перед моими глазами, густые, «моржовые» усы, широкополая шляпа; в ушах снова прозвучали глуховатый окающий голос и это покашливание. О, это короткое покашливание легочного больного!.. Какие страницы книг были здесь написаны, страницы, полные жгучей любви к людям, прозорливого проникновения в их жизнь, в их надежды и потрясения!.. И — бог ты мой! — как страстно можно тосковать о России среди этой утомительной безоблачности и благоухания...

Босоногий мальчишка, стуча пятками, пробежал по тропинке; на площади щебетал и покачивался фонтан. Из ресторана долетел стук перемываемых тарелок, и тут же, как бы не решаясь, хрипло и страстно запела скрипка.

Обернувшись, я вдруг увидела Эджисто.

Он вышел из траттории и сейчас стоял у ограды.

Мир, полный синевы и сверкания, лежал вокруг него. Эджисто стоял, не шевеля ни единым мускулом; лицо его было бесстрастно. Помедлив, он стал осторожно, но довольно уверенно подниматься по тропинке вверх.

— Он хорошо знает Капри? — спросила я.

— Капри? — Марини неопределенно повел плечом.— Доверс делал из него гида, а не проводника, синьора. Зачем было рассказывать ему о Капри? Ну, конечно, он хорошо знает те тропинки и улицы, по которым обычно ходит.

Мы помолчали.

Я следила глазами за Эджисто, который шел среди роз, блеска зелени и золотистого света, шел в полном мраке своей нескончаемой ночи.

Вдруг огромный шмель, вылетев из-за ограды, с размаху ударился о его щеку.

Эджисто резко остановился; нерешительно улыбаясь, он пожал плечами, словно извиняя собственную слабость. Потом откашлялся, поправил шляпу и зашагал по тропинке вверх.

— Он по-прежнему работает у Доверса? — спросила я, не отводя от него глаз.

— О, нет! — рассеянно сказал Марини. — Доверс умер, вилла досталась его сыну. Это порядочный шалопай; он быстро увез все картины в Америку и, говорят, их там продал. Эджисто сейчас делает что-то другое, право, не знаю точно...

Он сощурился от солнца и вгляделся вперед. Неожиданно лицо его вытянулось.

По дорожке мимо ограды прямо к нам шел худощавый, длиннолицый человек. Он был одет по американской моде — в спортивной куртке, с пестрым галстуком, в узких полосатых брюках и рыжих туфлях, похожих на индейские мокасины. Завидев его, Марини весь подобрался, даже брюшко его куда-то исчезло.

— Это хозяин нашей фирмы,— сказал он мне упавшим голосом и ринулся к нему навстречу.

Едва он подошел, хозяин стал сердито выговаривать ему за что-то. Марини похудел на глазах. Он стоял, понурясь, возле этого длиннолицего франта, который был моложе его лет на пятнадцать, и покорно слушал все то, что хозяин ему раздраженно выкладывал. Очевидно, с богатыми англичанами все оказалось не так-то просто. Наконец хозяин что-то решительно приказал, и бедный Марини, уже полностью забывший о том, что он умеет беспечно жить, побежал, тряся брюшком, вверх по крутой, раскаленной от солнца дороге, побежал с такой прытью, какой я даже не могла от него ожидать.

Мы едва успели проститься.

Я пошла к фуникулеру. Маленький полупустой вагончик проворно пополз вверх.

Оттуда, с площади, обвеваемой ленивым ветерком, увидела я Капри во всей его красе.

Серебристые оливы на склонах дрожали под ветром, куполы пиний как бы плыли в прозрачном воздухе. Вдоль тропинок цвели канны, высокие и пурпурные, как факелы. Внизу открывалось море.

Отсюда море казалось не целомудренно голубым, каким я увидела его с берега, и не густо-синим, каким оно чудилось сквозь кружевной чугун садовых оград. Оно пылало внизу, как лиловое пламя. Литые волны бесшумно накатывались на песок. Могучее сверкание слепило глаза. У самого берега волны словно взрывались, рассыпаясь брызгами, легкими, чистыми и белыми, как первый снег. Рокот прибоя сюда не долетал, и можно было только угадывать длинный, свистящий шелест, с каким волна уходила назад.

На площади было людно и шумно.

Все столики кафе и баров были заняты. Худенькие и нервные молодые американки с русалочьими глазами покупали в магазинах плетеные из итальянской соломки широченные юбки—самые дорогие изо всех юбок; крошечные белые шляпки, едва прикрывающие макушку,— самые бессмысленные из всех шляп... Американки были в коротких штанишках; узкий лиф едва прикрывал грудь; на ногах с ярко накрашенными ногтями были надеты римские сандалии. Очень шумные и очень развязные молодые люди в пестрых найлоновых рубашках навыпуск сидели за столиками, галдели у стойки в барах. Пожилые дамы были одеты, как молодые,— в не доходящих до колен штанишках — «шортах», с обнаженными тощими спинами. Звучала громкая американская речь, к которой не так-то просто привыкнуть, речь, где слово «босс» произносилось как «басс», а многие звуки и вовсе не произносились... Щуря русалочьи глаза, худенькие красотки деловито расплачивались за соломенные юбки американскими долларами; вид у них был такой, словно они могут купить за свои доллары все — даже море внизу.

От площади уходила тенистая улочка. За оградами высокомерно поблескивали зеркальные окна вилл. У ворот сияли медные таблички с надписью «Privato» [1].

Я неторопливо шагала вдоль оград. Улочка кончилась; внизу, в просвет между деревьями, снова сверкнуло лиловым пламенем море.

На перекрестке стоял человек.

Он стоял прямой, как свеча, в темной шляпе, в темном, хорошо отглаженном костюме. Я сразу узнала его квадратные плечи, смуглое, изрезанное морщинами лицо. Он казался неподвижным, прохожие обтекали его, точно камень.

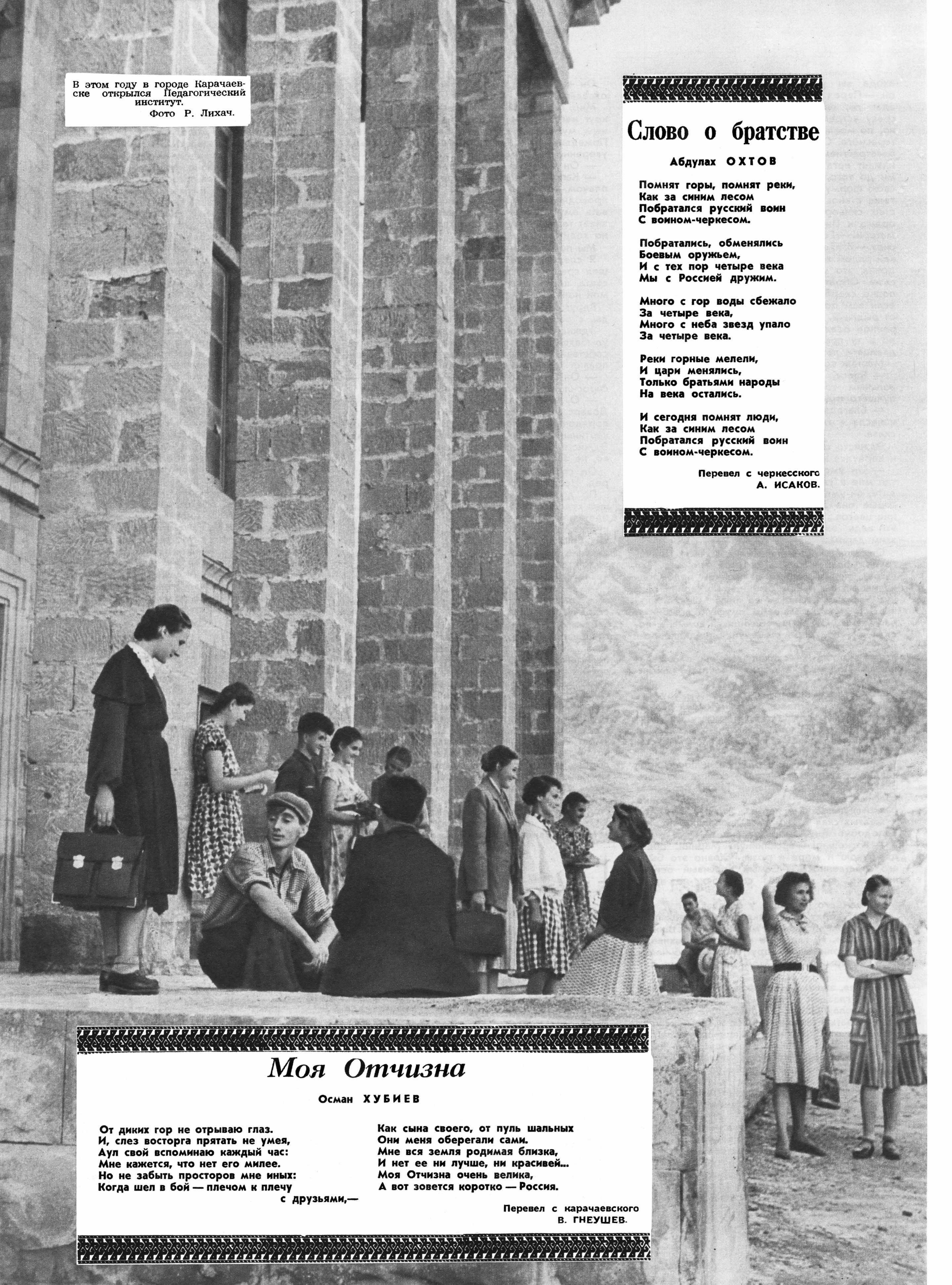
Это был Эджисто.

На его груди висела большая, старательно начищенная металлическая табличка. На ней было написано по-английски:

«Этот человек слеп. Он работал гидом у доктора Питера Доверса. Помогите ему».

[1] Частный.

В этом году в городе Карачаевске открылся Педагогический институт.
Фото Р. Лихач.

Слово о братстве

Абдулах ОХТОВ

Помнят горы, помнят реки,
Как за синим лесом
Побратался русский воин
С воином-черкесом.

Побратались, обменялись
Боевым оружьем,
И с тех пор четыре века
Мы с Россией дружим.

Много с гор воды сбежало
За четыре века,
Много с неба звезд упало
За четыре века.

Реки горные мелели,
И цари менялись,
Только братьями народы
На века остались.

И сегодня помнят люди,
Как за синим лесом
Побратался русский воин
С воином-черкесом.

Перевел с черкесского
А. ИСАКОВ.

Моя Отчизна

Осман ХУБИЕВ

От диких гор не отрываю глаз.
И, слез восторга прятать не умея,
Аул свой вспоминаю каждый час:
Мне кажется, что нет его милее.
Но не забыть просторов мне иных:
Когда шел в бой — плечом к плечу
с друзьями,—
Как сына своего, от пуль шальных
Они меня оберегали сами.
Мне вся земля родимая близка,
И нет ее ни лучше, ни красивей...
Моя Отчизна очень велика,
А вот зовется коротко — Россия.

Перевел с карачаевского
В. ГНЕУШЕВ.

ПРАЗДНИЧНАЯ ОСЕНЬ

Председатель колхоза. Абубекир Аргунов.

Колхозница Кулиц Папшуова.

Колхоз имени Сталина, Хабезского района, Карачаево-Черкесской автономной области, лежит в долине между гор. В него входят три аула: Кошхабль, Зеюко и Малый Зеленчук. По окрестным горам раскинулись поля колхоза.

Председатель Абубекир Аргунов уже пятнадцать лет руководит колхозом. О делах его можно судить по наградам: в 1947 году он получил орден Трудового Красного Знамени, а в 1956 году — орден Ленина.

Сразу после знакомства он предлагает посмотреть стадо. Скот — гордость колхоза. Две тысячи коров и более семнадцати тысяч овец пасутся на горных выпасах. Идет осень, стада спускаются в долину.

Под щедрым южным солнцем кукуруза выше человеческого роста. Звено депутата Верховного Совета СССР Марьян Абидоковой довольно своим урожаем. Но и в других звеньях не хуже. Давно ли Мадина Отарова была в звене Марьян? А теперь она сама звеньевая и соперничает со своей учительницей.

Новая жизнь пришла в аул, а с ней и новый быт. Кулиц Папшуова отработала в колхозе 19 лет, теперь ей 60 лет, пора отдохнуть. Семья Кулиц решила поставить себе новый кирпичный дом.

Недавно отстроены родильный дом, школа, предстоит прокладка водопровода. Прошлогодняя прибыль в 3,5 миллиона рублей позволяет сделать многое.

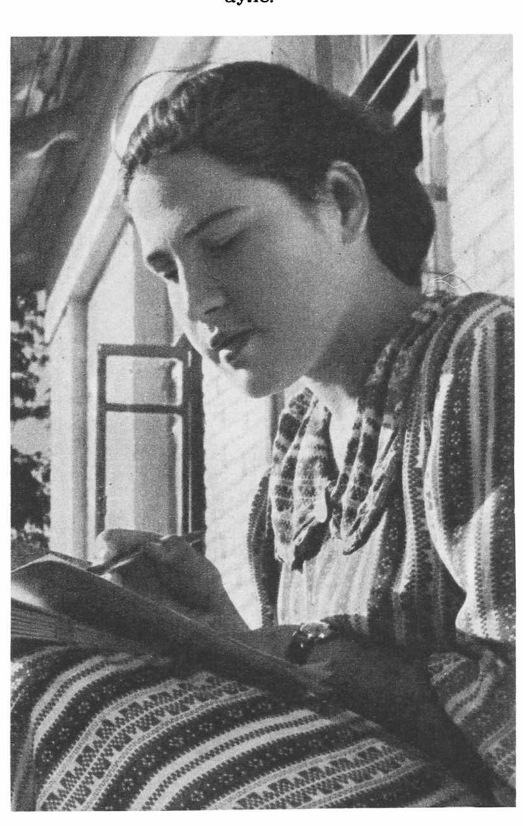
Сбор урожая всегда праздник, а в этом году он совпадает с знаменательной датой — четырехсотлетием добровольного присоединения Черкесии к России.

Праздничное настроение чувствуется всюду. На высоких горах начертаны надписи: «Навеки вместе с великим русским народом». Льются звуки разучиваемых песен. Область готовится встречать гостей.

Римма ЛИХАЧ

Мадину Отарову ждут подружки в соседнем ауле.

Уроженка аула Любовь Баранукова стала учительницей.

Хороша кукуруза у звена депутата Верховного Совета Союза ССР Марьян Абидоковой (третья справа).

В краю адыгов

Судьба адыгейского народа издавна связана с жизнью русского народа. Об этом говорит история — еще с 1552 года, когда первое посольство западноадыгейских племен прибыло в Москву «бити челом, чтоб их государь пожаловал, вступился за них, а их землю взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил»; и, наконец, с 1557 года, когда адыгейцы вошли в состав русского государства.

С тех пор прошло 400 лет. Но лишь последние 40 из них дали народу и материальное благополучие и духовную свободу.

Адыги — маленький народ. По дореволюционной статистике, к 1917 году в границах нынешней Адыгейской автономной области жило 44 тысячи адыгов. А сейчас на той же территории живет их 71 тысяча. Естественный прирост населения — результат изменившихся условий жизни.

Прежде в адыгейских аулах свирепствовали черная оспа, тиф, малярия, но не было ни одного медицинского пункта и специалистов-медиков. Ныне в Адыгее 154 медицинских учреждения, население обслуживают 348 врачей и 1 120 человек среднего медицинского персонала. В медицинских вузах страны готовятся стать врачами еще 200 адыгейских юношей и девушек.

Посмотрите на фотографию: сделана она в адыгейском ауле Кошехабль. Идут пионеры-адыги, ученики лишь одной средней школы аула. В этой школе детей столько же, сколько прежде училось во всех школах Адыгеи. Тринадцать тысяч детей коренной национальности сидят за партами начальных, семилетних и средних школ области. Преподают им 2 570 учителей, из которых 688 адыги. И это вместо 12 учителей дореволюционной Адыгеи. От сплошной неграмотности — к поголовной грамотности — такова формула сопоставления «прежде — теперь».

Прежде в нескольких мелких мастерских было занято около 100 рабочих, ныне алмазно-расточные, ленточно-пильные и полировальные станки с маркой майкопского завода имени Фрунзе отправляются даже за пределы Советского Союза. Консервы, пенька, спирт, ферментационный табак, эфирные масла — на десятки миллионов рублей вырабатываются они промышленными предприятиями области ежегодно. А знаменитая гнутая мебель майкопского мебельного комбината! По утверждению местных авторитетов, в австрийской столице и ныне еще сохраняются венские стулья, изготовленные в столице Адыгеи.

Поля Адыгеи обрабатывают более 1 200 тракторов; 500 агрономов, ветврачей и зоотехников работают в совхозах, колхозах и МТС. В 1956 году за достижения в сельском хозяйстве Адыгейская автономная область была представлена на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

У адыгейского народа есть своя литература. На прилавках книжных магазинов мы видели рядом с книгами русских писателей произведения писателей Адыгеи: народного поэта Цуга Теучежа, прозаика Тембота Керашева, поэтов Ахмеда Хаткова, Мурата Паранука и многих других.

Мастерство своих танцоров, певцов, музыкантов покажет Адыгея на предстоящей в Москве декаде. На выставке изобразительного искусства представят свои работы художники, скульпторы, графики.

В свою очередь, в Майкоп приедут русские писатели и поэты, поделятся творческими достижениями известные хоровые и танцевальные коллективы.

Так, во взаимном обогащении, при братской помощи развивается дружба двух народов — адыгов и русских.

В. ТАРАСЕВИЧ

Пионеры аула Кошехабль возвращаются в школу после слета в районном Доме культуры.

Родине

Киримизе ЖАНЭ

Адыгея моя — край любимый навеки,
Где поют даже камни, и нивы, и реки,
Где цветы на лугах, словно пламя, цветут,
Где дороги широкие к счастью ведут!

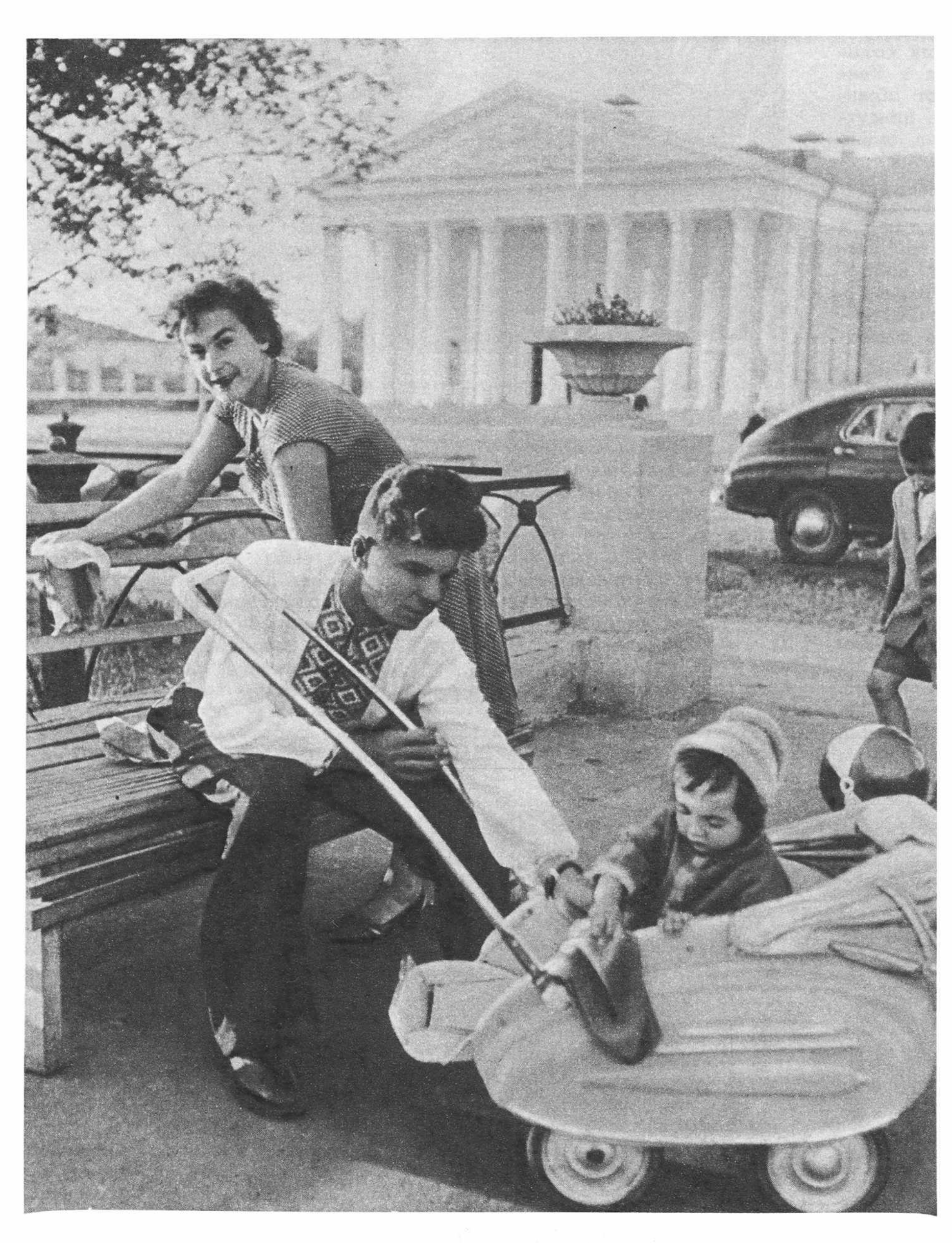
Не померкнет живое сиянье луча —
В каждом доме заветный огонь Ильича!
У аулов родных зеленеют сады,
По каналам текут струи чистой воды...

Ты богата, счастлива, вольна и сильна,
Адыгея — родная моя сторона,
Край, где ветер всегда по-весеннему свеж,
Край, где пел вдохновенный ашуг Теучеж! [1]

Адыгея любимая, край изобилья,
Ты расправила славно орлиные крылья.
Счастье, радость пришли в Адыгею мою...
О тебе, моя родина, песню пою!

Перевел с адыгейского
Иван ФРОЛОВ.

[1] Цуг Теучеж — народный поэт Адыгеи.

Счастливый и прочный брак соединил русского и адыгейку: Геннадий Васильевич Ханжин — он служит пилотом — и его жена Бэла Махмудовна растят уже двух детей.

Скульптор К. К. Сидашенко работает над эскизом фигуры адыгейца-воина для памятника в честь 400-летия добровольного присоединения Адыгеи к России.

Бенедикт — Кун Бин.

Беатриче — Лю Шан-у.

Первое знакомство с Шекспиром

ЧЖУ ВЭН-ГУАН

Фото автора.

Около двух лет назад при Шанхайском театральном институте были созданы курсы для повышения мастерства артистов драматических театров Китая. Молодежь проходит здесь серьезную школу.

Одной из дипломных работ первых выпускников была постановка пьесы Шекспира «Много шуму из ничего». Жизнерадостный, яркий и содержательный получился этот спектакль.

С большим интересом следит зрительный зал за переживаниями двух влюбленных пар, живо реагируя на возникающие между ними недоразумения. Молодая актриса Уханьского народно-художественного театра Лю Шан-у, играющая Беатриче, живо и остроумно ведет сцены с Бенедиктом. Темпераментный образ Бенедикта создал молодой актер Кун Бин (из театра провинции Чжэцзян), обладающий незаурядными сценическими данными. Другого влюбленного, юного Клавдио, с мягким юмором играет актер Нанкинской фронтовой драматической труппы А Ян. А когда на сцену врывается толстяк Клюква, нескончаемый смех звучит в зрительном зале. Удачен его внешний облик. Верно схвачены интонации речи, забавны танцы. Все говорит о том, что молодой актер Ма Кэ (из Шанхайского театра Пекинской музыкальной драмы) серьезно поработал над ролью, и поэтому образ его Клюквы так выразителен.

Участники спектакля впервые встретились с драматургией Шекспира. Естественно поэтому, что на премьере еще ощущалась некоторая робость исполнителей, но с каждым разом спектакль идет слаженней и увереннее.

Постановка осуществлена руководителем курсов Е. К. Лепковской, доцентом Ленинградского театрального института имени А. Н. Островского.

Шанхай.

ГЛАЗАМИ

П. КАРЕЛИН

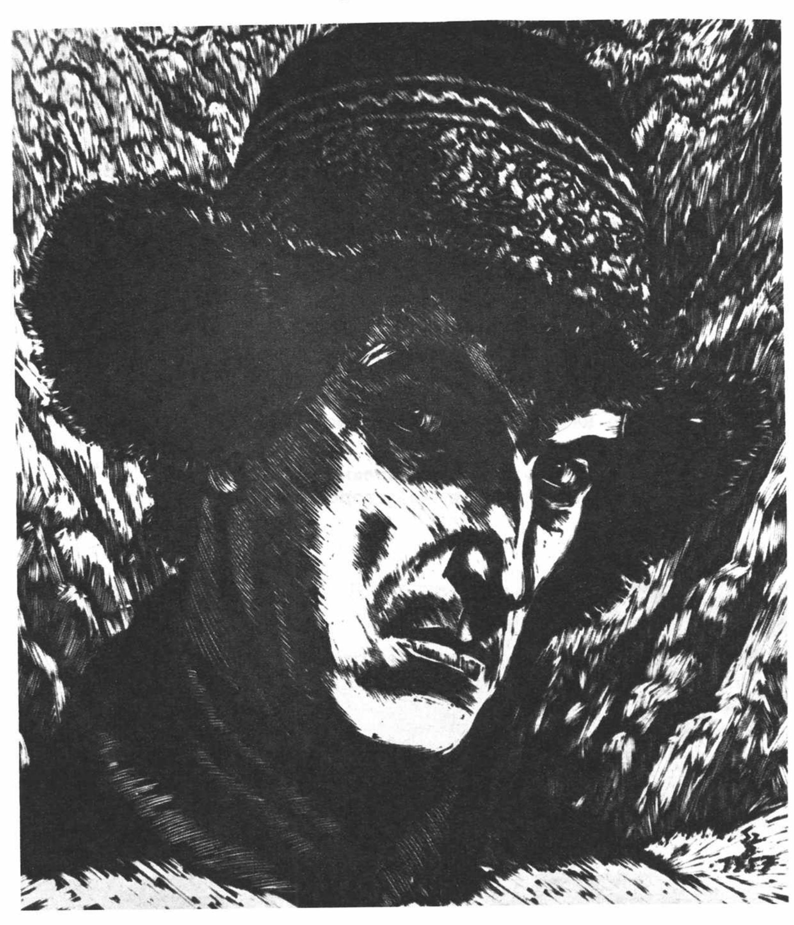
Иногда путешествие становится важным этапом в жизни человека. Именно таким было недавнее посещение Китая художником Бела Д. Сабо. Маститый мастер, безгранично любящий свою Трансильванию, считает отныне Китай родным домом. Сабо рассказывал:

— ...Познакомился там с множеством хороших людей и подлинных друзей. Мне часто вспоминаются слова, сказанные на прощанье в Ханчжоу двумя лучшими граверами Китая — Чан Янь-ши и Ча Гун-гао, моими дорогими друзьями: «Возвращайтесь к нам — в Ханчжоу!» Да, хорошо было бы еще раз вернуться домой, в Китай...

В работе художника очень важно умение найти путь к сердцам простых людей, — продолжает Бела Д. Сабо. — Ведь мы пишем не буквы, а картины, и они должны быть понятны каждому.

Когда в Китае я садился рисовать, за моей спиной немедленно собирались десятки людей. Они стояли настолько тихо, что об их присутствии я узнавал лишь по густой тени, которая неожиданно на меня падала. В жаркий день, когда даже большая соломенная шляпа, купленная в Кантоне, слабо защищала от обжигающих солнечных лучей, присутствие этих зрителей было очень полезно. Часто кто-нибудь из толпы обмахивал меня веером... Слепящее солнце и тени хорошо гармонировали друг с другом, я увлекся работой. И все три четверти часа, пока я работал, добровольцы, сменяясь, обмахивали меня, вероятно, даже лучше, чем это делалось во времена фараонов...

Рисуя пейзажи и портреты, Сабо проводил много времени среди рядовых тружеников. Он сиживал на берегу Великого канала и на сваях Кантона, бродил по рисовым полям, бывал на чайных плантациях и всюду видел самоотверженный труд. Не потому ли художник сразу нашел с китайскими тружениками общий язык, что он и сам человек исключительного трудолюбия?

Бела Д. Сабо. АВТОПОРТРЕТ В ТИБЕТСКОЙ ШАПКЕ. 1957.

Мастерская Сабо, где художник работает и живет, расположена на одной из тихих улиц Клужа. Эти две небольшие комнаты, заполненные множеством гравюр, досок, альбомов, скорее похожи на цех, чем на квартиру. А сам художник, встречающий гостей застенчиво, с искренней приветливостью, больше всего напоминает рабочего. Свои работы он показывает с той же скромностью, с какой стал бы показывать свои изделия столяр-краснодеревщик...

За 35 лет упорного труда Бела Д. Сабо выполнил 8 тысяч рисунков и 680 гравюр по дереву. Какого труда это стоило, говорит одна деталь, сообщенная самим художником: «Была у меня такая гравюра, в которую я «всадил» 800 часов рабочего времени». Поистине подвижническая неутомимость! Но еще поразительнее история его творческого роста, его пути к высокому мастерству. Для сына рабочего-железнодорожника дорога в искусство была в старой Румынии нелегкой. Родители ценой долгих лишений помогли сыну избрать «практическую карьеру» инженера. Но сам он так говорит об этом времени:

— Хотя я исправно выполнял свою работу механика-конструктора, моим уделом были рабский труд, унижения, придирки хозяев.

И он целиком посвятил себя искусству. По образному выражению старейшего писателя Клужа Ене Сентимреи, Бела Д. Сабо «был той же породы, что и Атилла Йожеф, для которого бедность входит в калькуляцию художнической карьеры».

С помощью самых примитивных инструментов художник-самоучка упорно постигал искусство графики. Первая серия его гравюр называлась выразительно — «Свобода нищеты». Это были картины отчаяния и тоски угнетенных, среди которых жил и страдал художник. Критика того времени назвала эти работы «суровой романтикой, доходящей до аскетизма». К этому же циклу примыкают строгие и поэтичные иллюстрации к тюремным стихам Эрнста Толлера.

Наконец Сабо удалось поступить в Будапештский художественный институт. В летние месяцы молодой художник путешествовал с рюкзаком за плечами по Италии, Греции, Болгарии, Югославии. Но-

СВИНОПАС. 1957.

ХУДОЖНИКА

вый цикл гравюр «Книга странствий» — пейзажи, в которых Сабо достиг со временем исключительного мастерства. Через два года вышла в свет серия рисунков тушью, названная «Мир песка»,— результат странствий по Венгрии.

Настоящее признание пришло к Сабо только после освобождения Румынии от фашизма. Художник стал постоянным гостем у рабочих, делает много гравюр о людях труда. В одной из опубликованных статей Сабо выразил благодарность «своим учителям» — кузнецам клужского завода, от которых получил серьезную помощь. Для деревянной гравюры художника теперь стала характерной более динамичная и драматизированная манера письма. Его искусство обрело настоящую реалистичность и высокую художественную живописность. Он воспевает уже не отчаяние и тоску простых людей, а искрящийся оптимизм, радость жизни, цветение земли.

Один из шедевров Сабо — большая гравюра «Свинопас». Косой ливень изображен здесь с неизъяснимой поэтичностью. Гравюры— «Апрель», с весенними облаками и ласточками, вьющими гнезда, «Начало весны», «Отдыхающие лошади», «Белка в лесу», «Уголок города», «Мостик, занесенный снегом» — давно получили широкую известность. Бела Д. Сабо смело вводит в пейзаж людей. Он любит изображать картины народных празднеств, процессы труда.

ЗАПАДНОЕ ОЗЕРО У ХАНЧЖОУ. 1957.

И вот теперь в его гравюрах жизнь Китая. Множество листов развешано на стенах мастерской. Гравюрой «Западное озеро у Ханчжоу» Сабо, пожалуй, может помериться силами со своим другом Чан Янь-ши. Прекрасны пейзажи «На чайной плантации», «Джонки на реке»: художник тонко передает прелесть китайской земли, славный труд людей, украшающих ее.

Мне довелось видеть более ста рисунков и гравюр Бела Д. Сабо разных периодов. Он показывал их мне безмолвно одну за другой с обычной для него скромностью. И наконец из старого альбома появился большой оттиск — «Данте и Вергилий уходят в потусторонний мир».

— Хочется сделать серию гравюр на темы Данте, — говорит Сабо.

Не в пример многим западным художникам, мистически изображающим сюжеты на темы «Божественной комедии», Сабо подчеркивает в ней оптимизм.

Творчество Бела Д. Сабо знает вся Румыния. Художнику присвоено звание заслуженного деятеля искусств, присуждена Государственная премия Румынской Народной Республики. Выставки его произведений устраивались не только на родине, но и в Брюсселе, Буэнос-Айресе. Его работы демонстрировались в СССР, Японии, Венгрии и других странах.

Художник полон сил и работает столь же упорно, как в годы своей тяжелой и голодной молодости. У него широкие планы Страстно хочется побывать в СССР, сделать серию гравюр с советских людях. Непременно надо снова посетить Китай — второй его дом. И, наконец, Сабо тянет в Венгрию, в город, где он родился. Буква «Д», которую художник неизменно ставит перед своей фамилией, просто-напросто напоминает о принадлежности его к городу Дьюла.

Клуж
Румынская Народная Республика

НА КАЧЕЛЯХ. 1956.

Две роли

При многих достоинствах нового спектакля Малого театра—постановки пьесы финской писательницы Хеллы Вуолийоки «Каменное гнездо» — он обладает и еще одним отрадным качеством. В двух основных ролях — Старой хозяйки Нискавуори и учительницы Илоны Алгрен — мы увидели замечательного мастера старейшего русского театра В. Н. Пашенную и молодую артистку Руфину Нифонтову.

С именем Пашенной связаны многие славные победы Малого театра. Нифонтова, известная зрителям по превосходно сыгранной центральной роли в кинофильме «Вольница» и другим кинокартинам, только начинает свой путь в театре. Роль Илоны — ее дебют на сцене Малого театра. Наслаждаясь игрой двух представительниц разных поколений, еще раз убеждаешься в том, что у нас растет достойная смена выдающимся художникам, что эта смена успешно продолжает традиции русского советского искусства.

Пьеса «Каменное гнездо» утверждает торжество настоящего человеческого чувства над ханжеской моралью, предвещает неизбежное крушение «каменных гнезд», в которых душно всему живому.

Молодой учительнице Илоне Алгрен приходится выдержать нелегкую борьбу, чтобы выйти победительницей в схватке с законами «каменного гнезда». Р. Нифонтова создает образ, полный большой духовной прелести. Умные, выразительные глаза, красивый голос, удивительная нежность, правдивость интонаций. Да, такая девушка не побоится вступить в открытую борьбу, отстаивая свое достоинство, свое чувство.

Наиболее удалась автору роль Старой хозяйки. Она написана как бы специально для Веры Николаевны Пашенной. Мудрая, отлично разбирающаяся в людях, властная, обладающая сильной волей старуха, привыкшая все держать в руках, подчинять своей воле,— такова хозяйка поместья Нискавуори в исполнении Пашенной. Здесь не прямолинейный характер «семейного деспота». Нет, Старая хозяйка и чутка, и наблюдательна, и в какой-то степени отзывчива. В ее душе борются противоречивые чувства. Она стремится сохранить незыблемость устоев своего гнезда, хотя бы видимость благополучия, но не может не видеть, что впервые ей пришлось столкнуться с настоящим, большим чувством, связавшим молодых людей. Замечательно вылеплен этот сценический портрет!

Н. ГРОМОВ

Сцена из спектакля «Каменное гнездо». В. Пашенная — Старая хозяйка Нискавуори, Р. Нифонтова — Илона Алгрен.
Фото В. Борисова.

Дорогие мои старички

Сем. НАРИНЬЯНИ

Это был редкий сеанс массового омоложения. Сбросил со своих плеч двадцать лет жизни не только автор этих строк, но и семьдесят тысяч его соседей по стадиону. Самое интересное состояло в том, что нас всех возвратила к дням нашей молодости не волшебная палочка чародея, а свисток футбольного судьи.

Поначалу все на стадионе было как на обычном матче.

— Играет сборная команда Москвы против сборной команды Тбилиси,— сообщает диктор.

Футболисты выходят на поле, разыгрывают ворота, и вот тут сразу и начинается наваждение. Первый удар по мячу делает не Никита Симонян, а Григорий Федотов, а передачу принимает не Эдуард Стрельцов, а Николай Дементьев.

— Постойте, да когда же все это происходило?

В том-то и была прелесть встречи, что сидели мы на стадионе в 1957 году, а смотрели игру 1937 года. Матч разворачивался, как в чудесной киноленте, где в роли молодого, двадцатилетнего Федотова выступал сорокалетний Федотов. И выступал по-старому — с огоньком, мастерски. Мальчишки с южной трибуны Стадиона имени Ленина, которых двадцать лет назад не было еще на свете, кричали так же голосисто и темпераментно, как и их предшественники по восточной трибуне стадиона «Динамо». Однако и мальчишки учитывали обстоятельства момента и кричали не: «Гриша, давай! Нажимай!»,— а значительно вежливей, деликатней: «Григорий Иванович, давайте! Нажимайте!»

И Григорий Иванович не уронил футбольной славы Гриши Федотова, так же, как Николай Тимофеевич не посрамил Колю Дементьева, а Константин Иванович — Костю Бескова. Старики оказались на высоте.

Старики... К сожалению, старость в футболе не в пример другим областям жизни начинается дьявольски рано.

«О, это совсем молодой ученый!» — говорят обычно про физика, химика, математика.— Ему всего тридцать лет».

Для певца, художника, инженера, рабочего тридцать лет — это самый расцвет его таланта, деятельности, и только для футболиста — это не начало, не расцвет, а конец. В тридцать — тридцать два года самый лучший нападающий — уже «старичок». Его, как правило, выводят из основного состава команды мастеров, не разрешают играть в «дубле». Как? Почему? Что теряет футболист к тридцати годам жизни? Технику обработки мяча? Нет! Тактический дар? Тоже нет.

Футболист теряет скорость. А так как скорости в современном футболе растут из года в год, то возраст игроков соответственно снижается. Получается обидная диспропорция. Нападающий только-только приобрел опыт, отточил технику, тактику, ему бы играть и играть, а его час, оказывается, уже пробил. Ему пора переходить на работу тренера.

А можно ли продолжить спортивную жизнь нападающего, защитника, вратаря? И как это сделать?

В 1958 году исполняется шестьдесят лет русского футбола. Среди многих других интересных дел и начинаний секция футбола СССР решила провести соревнование на новый переходящий приз — «Кубок ветеранов». Вот почему любители спорта и смогли вновь увидеть на зеленом поле старую футбольную гвардию Москвы, Киева, Ленинграда, Тбилиси. Перечислить имена игроков этих команд — значит напомнить о многих горячих битвах во славу советского спорта. Ленинградцы Леонид Иванов, Петр Дементьев, Евгений Архангельский; киевляне Антон Идзковский, Макар Гончаренко, Павел Виньковатов; тбилисцы Георгий Антадзе, Виктор Панюков, Арчил Кикнадзе... Но особенно примечательный состав выставили победители «Кубка ветеранов» — москвичи: Григорий Федотов, Константин Бесков, Николай Дементьев, Всеволод Бобров, Василий Трофимов, Иван Кочетков, Анатолий Акимов, Леонид и Сергей Соловьевы, Алексей Гринин, Сергей Ильин, Михаил Семичастный...

Я смотрел на игру ветеранов, и мне вспоминались другие, далекие годы, когда ныне старые, маститые были молодыми, начинающими. Матчи проходили здесь же неподалеку, но не в новых, а в старых Лужниках. В те годы был тут среди пустырей и свалок маленький стадион химиков. Наши мастера не ездили еще в те годы для подготовки к спортивному сезону ни в Сочи, ни в Гагру. Тренировочные игры назначались здесь же, в Москве, на начало или середину марта, вне зависимости от капризов погоды. И все мы трогались, тоже вне зависимости от капризов погоды — в снег или в дождь,— на эти первые матчи. И, конечно, не в метро, не в такси, не по асфальту, как теперь. А трамваем до «Девички», а оттуда через высокую насыпь железной дороги по лужам и грязи... «к химикам». А здесь уже полным ходом шла подготовка к предстоящему матчу. Игроки вместе с болельщиками счищали с футбольного поля снег, ставили ворота, натягивали сетки...

И вот на таких тренировочных встречах «на Девичке», «на Землянке у металлургов», на «Трехгорке», на Ширяевом поле мы и знакомились с новичками: с Гришей Федотовым, Толей Акимовым, Костей Бесковым... А потом эти новички становились героями международных встреч советских футболистов в Москве, Париже, Стамбуле, Лондоне, Берлине...

И вот сегодня мы снова в Лужниках, но не у химиков, а на новом стотысячном стадионе. На зеленом поле — бывшие начинающие, ныне заслуженные мастера спорта, а на трибунах — их друзья-болельщики. Правда, любители спорта не сидели сложа руки и кое в чем преуспели за эти годы. Среди рядовых святого братства болельщиков появились свои собственные заслуженные... врачи, педагоги, инженеры, писатели, народные артисты СССР, члены-корреспонденты Академии наук, Академии художеств... Это все те, которые помогали когда-то будущим ветеранам счищать снег с футбольного поля; они сидели неподалеку от нас, смотрели игру и вспоминали дни и своей молодости.

Четыре матча провели между собой ветераны. Мяч за эти дни совершил много сложных путешествий от одних ворот к другим, а мы следили за его полетом и радовались тому, что физкультура и спорт так успешно побеждают годы. Время, конечно, затормозило стремительный темп футбольных атак, но стиль, почерк игры у каждого мастера остался свой.

Три короткие, точные передачи, и на ворота противника выходит центральный нападающий московской команды. Все ждут удара, знаменитого федотовского! И Григорий Иванович не обманывает ожиданий. Семь раз бил он по воротам. Три раза полет мяча прерывал вратарь. Два раза мяч оказывался в сетке, и только два раза он прошел мимо.

А вот еще одна атака. Мяч ищет кратчайший путь к воротам противника. И по тому, как хитро выписывает он узоры на поле, каждый сразу узнает знакомую строчку Николая Дементьева. Левый полусредний москвичей славился не только дриблингом, но и страшным ударом, как говорили прежде вратари, «с окаянной», то есть с левой ноги. Дементьев бил своим коронным ударом не часто, но всегда неожиданно, неотразимо. И на этот раз был бы в воротах тбилисцев лишний мяч, если бы «окаянному» дементьевскому удару не помешала окаянная штанга.

Новая атака москвичей. Наперерез правому крайнему бросается защитник. Рослый, сильный. Кажется, маленькому крайнему не сдобровать от встречи. Но вот следует знаменитый трофимовский финт, и защитник остается на шаг сзади. Игра Василия Трофимова у ленточки и на этот раз доставила много хлопот противнику и принесла много удовольствий зрителям.

Константин Бесков был в своей жизни и крайним, и полусредним, и центром нападения. И везде, куда бы ни ставили Бескова, он всегда оставался творцом атак, организатором комбинаций. Бесков отпасовывал мяч точно и в самое уязвимое место обороны противника. Партнерам оставалось только бить да не промахиваться. Константин Бесков умел не только подготавливать атаки, но и красиво завершать их. Вот и в этих встречах правый полусредний москвичей забил наибольшее количество мячей противнику.

Как было бы хорошо, если бы наши команды не забывали о преемственности своих же собственных традиций! Тогда бы московское «Динамо» давно бы воспитало и выдвинуло на место Бескова и Трофимова новых лидеров нападения. У московского «Спартака» был бы достойный преемник Акимова в воротах. А армейские футболисты перестали бы делать ставку на откровенно силовой футбол и начали бы приумножать славу прежнего цедековского стиля — техничной, комбинационной игры.

Я смотрел на игру ветеранов и невольно сравнивал ее с игрой их учеников. У нас и среди молодежи есть много замечательных футболистов, которые с успехом выступают сейчас и в играх на первенство страны и в международных матчах. Один из них — Эдуард Стрельцов. Центр нападения «Торпедо» может ударить по воротам, как Федотов, выкатить мяч партнеру, как Бесков. Это, если он хочет. А если Стрельцов не захочет, он будет стоять оба тайма, как Бобров, и ждать, когда товарищи поднесут к его левой бутсе мяч на блюдечке с голубой каемкой.

Мы призываем молодежь учиться у стариков доброму, хорошему, а этих добрых качеств у ветеранов советского футбола предостаточно.

К. Бесков забивает третий гол в ворота киевлян.

Метод лечения

Дачный рассказ

Олег **ШМЕЛЕВ**

Рисунки И. ОФФЕНГЕНДЕНА.

Раньше я тоже знал, что собака — лучший друг человека. Но до поры, до времени мне как-то не приходилось на практике убеждаться в этом. Своей собаки я не держал и вообще ни с какими четвероногими друзьями не общался, разве только в зоопарке, а там, как известно, все они сидят в клетках. Случай, о котором я хочу рассказать, заставил меня полюбить собак настоящей любовью, бескорыстной и глубокой.

Конечно, дело было на даче. Я приехал с последней электричкой и, естественно, был не совсем трезв. Говорю, «естественно», потому что нормальный человек, которого жена ждет к восьми часам вечера, да еще в надежде, что он не забудет привезти из города редис,— такой человек на последней электричке не поедет.

Редис я не забыл, и суть не в том. Положение было незавидное: два часа ночи; мускатный орех, отбивающий вредные запахи, кончился у меня еще вчера. Да и орех в данном случае не помог бы. Даже в темноте я чувствовал, какие красные у меня глаза. Встречная парочка так и шарахнулась в сторону, а я был от них еще шагов за двадцать.

Подхожу к своей калитке, останавливаюсь, привожу себя в порядок: проверяю, правильно ли застегнуты пуговицы, не утерян ли галстук, не запутались ли в волосах посторонние предметы — щепки, бумажки и так далее. И тут ко мне подошел Дик, соседский пес,

порода — овчарка. Я удивился: чего это, думаю, он ночью шляется? Обычно его в такое время не выпускают: хозяева у него заботливые, заставляют спать. Дик меня узнал, дружелюбно обнюхал, два раза чихнул. Я, чтобы проверить, как звучит голос, говорю:

— Дик, ты почему не спишь, дружище?

Дик сел между мною и калиткой и молчит. С голосом у меня все хорошо.

Сделал я шаг — и тут произошло недоразумение: я наступил Дику на лапу. Он схватил меня за ногу, чуть пониже икры,— каждый в таком случае стал бы кусаться — и сразу куда-то убежал.

Мне было не больно, но я быстро сообразил, что укус может пойти на пользу. Не будут же в семье устраивать скандал искусанному человеку! Поэтому я закричал не своим голосом и кричал довольно долго.

Конечно, в нашей даче и на всех соседних ни одно окно не засветилось, никто не подал признаков жизни. Наверное, все подумали, что просто грабят человека, больше ничего. А я, прихрамывая, достиг крыльца, постучал в дверь и застонал.

— Кто тут? — спрашивает жена.

— Это я, Люда, меня чуть не загрызла собака.

— Значит, это ты орал благим матом?

— Да, это я.

— Так тебе и надо! — сказала жена, все еще не открывая двери.— Наконец-то ты получил по заслугам.

— Но впусти же меня, Люда!

— Хорошо, я тебя впущу, но в комнате ты спать не будешь. Ложись в коридоре...

Я был доволен. Оказав самому себе первую помощь — рана оказалась незначительной,— я лег в коридоре на раскладушке. Я радовался, как в детстве, что хитрость удалась и скандал не состоялся. Тем более, что утром можно спать сколько угодно, благо воскресенье.

Проснулся я утром от какого-то непонятного беспокойства. Первое, что я увидел, были глаза моей жены. Она стояла надо мной и смотрела с таким выражением, словно сомневалась, жив я или умер. Я слегка застонал и приветливо сказал:

— Доброе утро...

Люда прижала руки к подбородку и прошептала:

— Он бешеный.

— Кто бешеный? — приподнимаясь на локтях, спросил я.

— Дик. Он сбежал сегодня ночью.

— Но откуда известно, что он бешеный?

— Нормальные собаки не убегают,— все так же шепотом сказала Люда.

Я мало был знаком с нравом собак. Но начало беседы было мне выгодно, оно уводило от темы о моем вчерашнем состоянии. Поэтому я стал развивать поднятый женою вопрос. Я выдвинул предположение:

— Но, может быть, Дик взбесился уже после того, как укусил меня?

Люда задумалась, потом кротко согласилась:

— Да, он мог взбеситься и от этого. Ведь ты же был сильно пьян.

Я опять застонал и потянулся рукой к укушенной ноге.

Люда вся как-то преобразилась. В ее движениях и в голосе появилась решимость.

— Вставай! — приказала она.— Идем! Мы не должны терять ни минуты.

— Но куда, зачем?

— Ты смотрел фильм об этом ученом, о Пастере? Как там собаки кусают людей и что из этого получается? Немедленно вставай! Едем в город! Тебе надо сделать укол.

Короче говоря, когда доктор осмотрел рану и выслушал из уст моей жены всю историю — а жена говорила с пафосом,— он назначил мне курс лечения в сорок пять уколов.

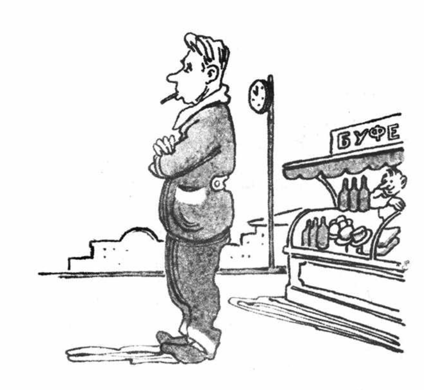

Уже после первого я отлично понял, какая жизнь ждет меня. Игла была очень большая. Кроме того, во время лечения можно пить только молоко, кисель, компот и другие подобные вещи, которые я не люблю.

Дальнейшие мучения были так велики и продолжительны, что неприятно об этом и вспоминать.

Когда сделали сороковой укол, я получил на работе путевку в санаторий, в Ялту. Доктор, терзавший меня с самого первого укола, выдал бумажку, с тем чтобы в Ялте меня поставили на учет и проткнули оставшиеся пять раз.

В вагоне я рассеянно листал книги, а на остановках старался не читать вокзальные

вывески: «Буфет» и прочее. Но однажды я задумался: ну, хорошо, а что будет, если я позволю себе одну рюмку? Ведь курс лечения почти закончен...

Утром того дня, когда я становился в Ялте на учет, я имел неосторожность подойти к доктору ближе, чем надо. Он подозрительно потянул носом и почти радостно воскликнул:

— Вы вчера выпивали!

— Нет, видите ли...

— Вижу, отлично вижу! Все ваше лечение пошло насмарку!

Этот доктор мне не понравился. Он назначил повторный курс — шестьдесят уколов.

Что это такое — трудно рассказать в двух словах. Скажу только, что я совсем больше не пью. Отвык за время лечения. И теперь я быстро перехожу на другую сторону улицы, если навстречу попадается даже самая маленькая шавочка, и мне неприятно видеть даже резиновых, плюшевых и прочих собачек, но я твердо заявляю: собака — лучший друг человека.

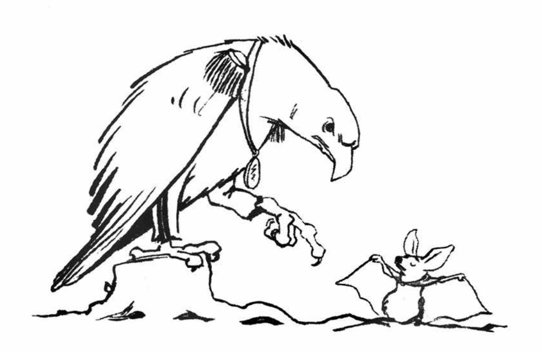
А Дик, между прочим, нашелся. В конце лета прибежал. Жена объяснила, что он бегал куда-то далеко-далеко в поисках одной травки — лечил лапу, на которую я наступил. Оказывается, у собак есть такой метод лечения.

А позже я узнал, что Дик вообще никуда не бегал. Просто моя жена сговорилась с хозяйкой этой собаки, и Дика увезли на лето в другое место.

Летучая Мышь

Басня

Мкртич КОРЮН

У птиц с зверьми был давний спор.
Он далеко зашел.
И войско из лесов и с гор
Собрал царь птиц — Орел.
И, чтоб ему сраженье дать,
Лев — царь зверей — направил рать.
А Мышь Летучая была
Не очень-то смела.
И войско птичье предала,
От ужаса бела.
Но все-таки царь птиц Орел
Зверей в сраженье поборол.
И тех, кто в битве предал рать,
Решил жестоко покарать.
Летучая пыталась Мышь
Вновь у зверей найти приют,
Но звери говорят: «Шалишь!» —
И ей приюта не дают.
И вот, чужая средь своих
И средь чужих чужая,
Мышь между зарослей глухих
Забилась, жизнь спасая.
Летучей Мыши страшен свет —
Впотьмах скользит, как вор.
Надежды нет, и дружбы нет,
И ждет ее позор.

С Летучей Мышью схожи те,
Кто свой предаст народ.
Предатель даже в темноте
Покоя не найдет.

Перевел Е. ИЛЬИН.

Вниманию читателей

В 1958 году к журналу «Огонек» будут даны следующие литературные приложения:

I

24 книги собраний сочинений классиков.

Д. Н. Мамин-Сибиряк, собрание сочинений в 10 томах

1. Вступительная статья. Ранние рассказы.
2. Приваловские миллионы.
3. Горное гнездо. Уральские рассказы.
4. Уральские рассказы.
5. Сибирские рассказы.
6. Сибирские рассказы. Золотопромышленники. Золотая ночь. Хищная птица. Братья Гордеевы.
7. Три конца. Охонины брови.
8. Золото. Черты из жизни Пепко.
9. Хлеб. Разбойники. Озорник.
10. Детские рассказы. Воспоминания, письма.

Ярослав Гашек, избранное, в 2 томах

1. Вступительная статья. Похождения бравого солдата Швейка, части 1 и 2.
2. Похождения бравого солдата Швейка, части 3 и 4. Рассказы, фельетоны.

Ги де Мопассан, полное собрание сочинений в 12 томах

1. Вступительная статья. Первые пьесы. Стихотворения. Пышка. Воскресные прогулки парижского буржуа. Заведение Телье.
2. Мадмуазель Фифи. Жизнь. Рассказы вальдшнепа.
3. Лунный свет. Сестры Рондоли. Мисс Гарриет.
4. Под солнцем. Иветта. Сказки дня и ночи.
5. Милый друг. Туан.
6. Господин Паран. Маленькая Рок. Орля.
7. Монт-Ориоль. Избранник г-жи Гюссон. На воде.
8. Пьер и Жан. Сильна как смерть. С левой руки.
9. Бродячая жизнь. Бесполезная красота. Наше сердце. Мюзотта.
10. Разносчик. Папаша Милон. Мисти. Доктор Ираклий Глосс. Чужеземная душа. Анжелюс.
11. Три новеллы. Стихотворения. Статьи и очерки.
12. Драматургия. Переписка.

II

Библиотека «Огонек»

Пятьдесят две книжки произведений советских и иностранных писателей.

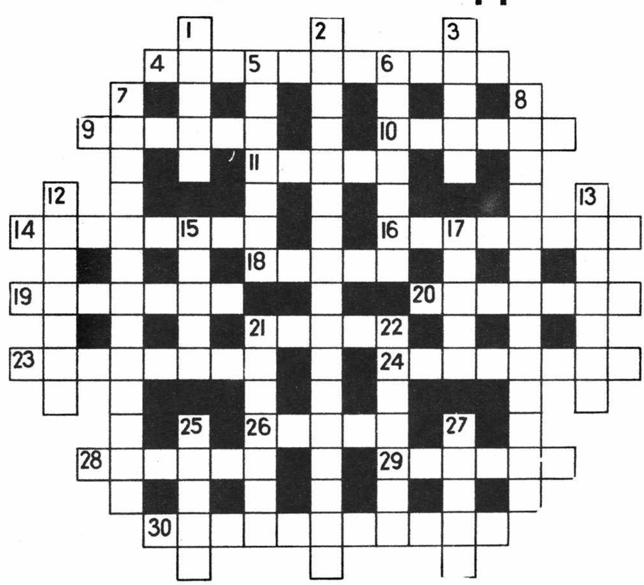
Подписка на журнал «Огонек» и приложения к нему принимается в городских и районных отделах «Союзпечати», конторах, отделениях и агентствах связи.
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ПОДПИСКИ НЕ ПРОИЗВОДИТ.

КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Человека не узнаешь по лицу, как море не измеришь ковшами.
Зайцы не едят травы близ своего логова.
Лучше быть мирной собакой, чем склочным человеком.
Мала гирька, а взвешивает тысячи цзиней.
Не закрывай ворота, а заделывай дыры.
Правота заключается не в громком крике.
Не дерись из-за ветхого одеяла: нечем будет закрываться.
Лучше иметь хороших соседей, чем далеких родственников.
Как ни красив пион, но он поддерживается зелеными листьями.
Лучше веселым скушать супа, чем сердитым выпить вина.

Перевел О. МИЗИН.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Порт на Тихом океане. 9. Один из основоположников русской клинической медицины. 10. Курорт в Крыму. 11. Русский писатель. 14. Русский народный танец. 16. Показатель хозяйственной деятельности предприятия. 18. Пьеса В. Гусева. 19. Хищный зверь. 20. Автономная республика. 21. Род деревьев и кустарников семейства березовых. 23. Герой романа Жюля Верна. 24. Птица, гнездящаяся в населенных пунктах. 26. Антилопа, распространенная в Африке. 28. Спортивное общество. 29. Часть междуэтажного перекрытия. 30. Исчисление себестоимости произведенной продукции.

По вертикали:

1. Опера С. В. Рахманинова. 2. Вулкан, высшая точка в Исландии. 3. Площадь для собраний, выступлений в городах древнего Рима. 5. Роман Б. Горбатова. 6. Часть машины. 7. Музыкальное учебное заведение. 8. Работник на машине, производящей земляные работы. 12. Дорога через хребет. 13. Гриб. 15. Участник соревнования, идущий впереди. 17. Остров в Эгейском море. 21. Разновидность тополя. 22. Государство на Балканском полуострове. 25. Приток Иртыша. 27. Предварительный набросок картины, рисунка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали:

1. Секанс. 4. «Старик». 9. Карбюратор. 10. Кларнетист. 11. «Коробейники». 12. Протон. 14. Перекат. 15. Дракон. 19. «Щелкунчик». 21. Бутафория. 22. Опера. 24. Катод. 27. Яблочкина. 28. Автотипия. 29. Доярка. 31. Базальт. 32. Ирасек. 36. Селекционер. 37. Антарктика. 38. Терриконик. 39. Египет. 40. Тирада.

По вертикали:

1. Скандербег. 2. Кобальт. 3. Слалом. 4. Строка. 5. Реторта. 6. Космология. 7. Короленко. 8. Планшайба. 13. Одуванчик. 16. Рефлектор. 17. Участие. 18. Отранто. 20. Нетто. 23. Обводнение. 24. Канарейка. 25. Дальномер. 26. Кинематика. 30. Рустави. 33. Апокопа. 34. Септет. 35. Бейрут.

На вкладках этого номера восемь страниц репродукций картин И. Е. Репина.

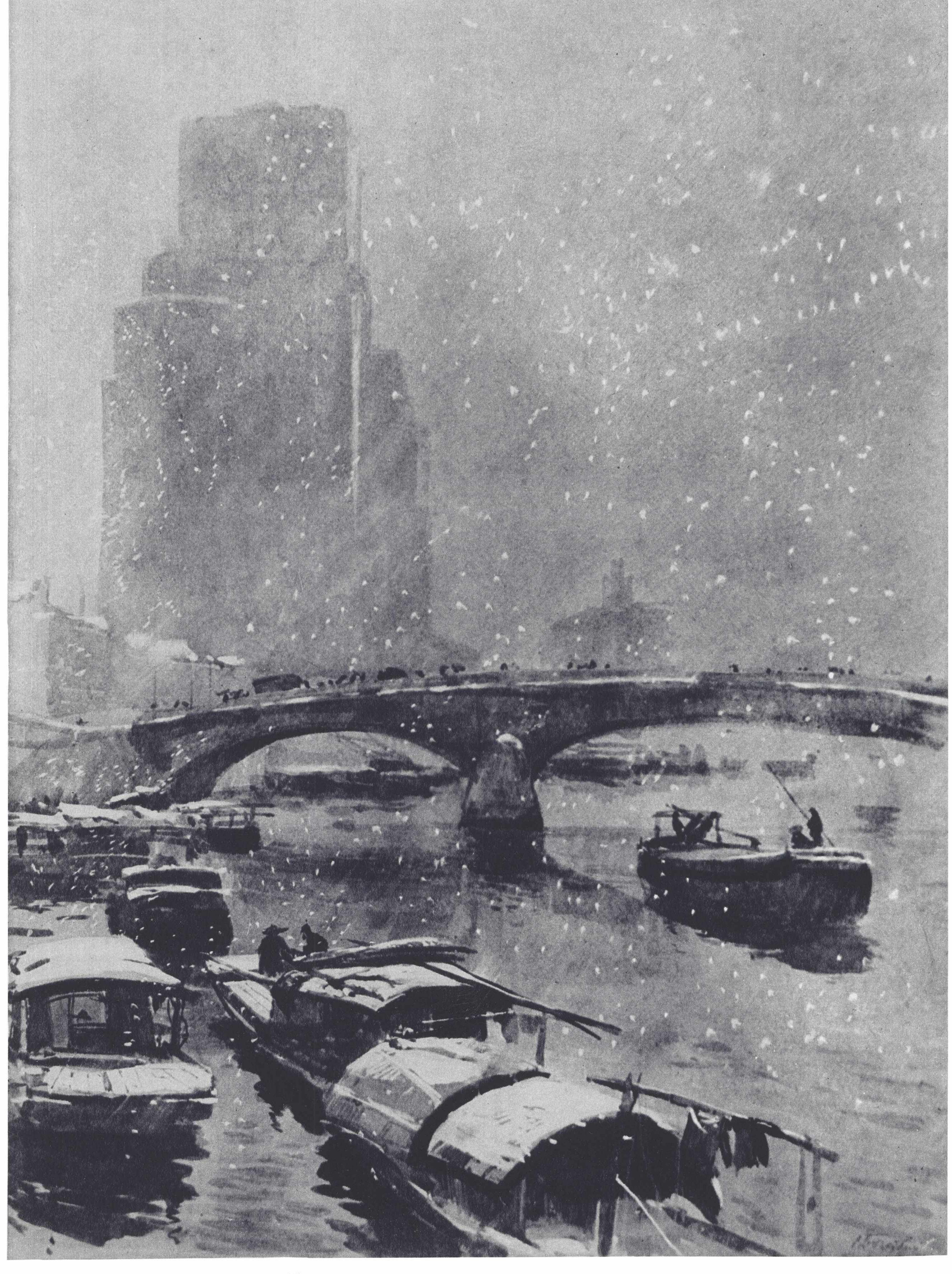
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** Оформление И. Уразова.

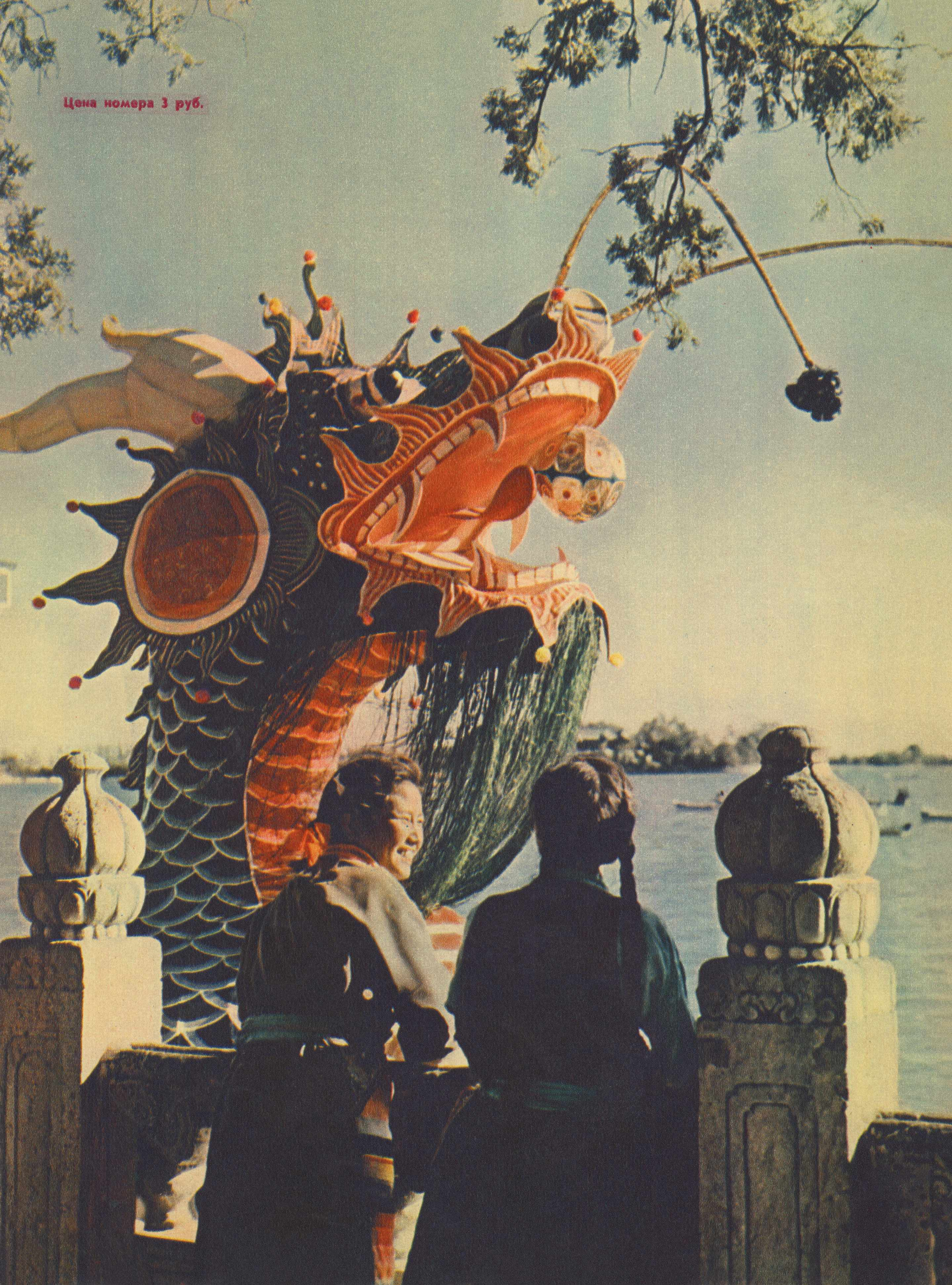
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 07518. Подписано к печати 25/IX 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 225 000. Изд. № 1133. Заказ № 2379.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В. Богаткин. ЯНВАРСКИЙ СНЕГ В ШАНХАЕ.

Цена номера 3 руб.